

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 5

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензуемый научный журнал

2024

Т. 166,
кн. 5

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Д.А. Таярский – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Члены редколлегии

Е.А. Горобец (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Л.Р. Ахмерова (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Е.М. Абайдельдинов – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Н.Ф. Алефиренко – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

А.И. Алиев – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

Б.С. Алишев – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Й. Баберовски – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Б.А. Байтанаев – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан

С.А. Балащенко – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Н. Вайс – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия

Д.Х. Валеев – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Г.А. Волков – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Г.Х. Гилязетдинова – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

С.Ю. Головина – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия

Б.М. Гонгало – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

Л.П. Громова – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

О.Ф. Жолобов – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А. Квятковская – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша

А.М. Лушиников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Н.Л. Лютов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

В.М. Мокиенко – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия

М.М. Мюллер – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия

Г.П. Мяков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Л.П. Репина – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
Л. Росси – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
А.Г. Ситдилов – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Тарханов – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Д.В. Ушаков – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
Т.Я. Хабриева – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
А.Н. Чумаков – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
М.Д. Шелкунов – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научный редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 28.12.2024.
Формат 70х 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,40. Уч.-изд. л. 12,49.
Тираж 300 экз. Заказ 121/12.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

Peer-Reviewed Scientific Journal

2024

Vol. 166,

no. 5

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Board

Editor-in-Chief

Dmitrii A. Tayurskii – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Members of Editorial Board

E.A. Gorobets (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia

E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia

A.I. Aliiev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

S.A. Balashenko – Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

N. Weiß – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany

D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia

B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

[O.F. Zholobov] – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia

L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy

J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia

A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia

T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China

A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany

R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*

English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia

Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: December 28, 2024.

Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 15,40. Publisher's signature: 12,49.

Circulation: 300 copies. Order: 121/12.

Printed in KFU Publishing House

ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика текста

<i>Бушуева Л.А.</i> Поведенческая антинорма в современной художественной речи (на примере прозы писателей-миллениалов).....	7
<i>Амурская О.Ю., Николаева Н.В.</i> Особенности закадрового перевода музыкально- поэтических текстов киномюзикла (на материале песен из кинофильма «Бриолин»)	19
<i>Бурмакина Н.Г.</i> Проблема текстовой адресации в геронтолингвистике	30
<i>Горячева Е.Д.</i> Прагмасемантика метатекстуальности в автобиографическом дискурсе	40
<i>Бонадык Н.А.</i> Идиолект героя эпистолярного романа в зеркале оценочной лексики: проблемы перевода.....	53

Дискурс. Лингвокультурология

<i>Дзюбенко А.И.</i> Фрейм-сценарий в репрезентации художественного вымысла: лингвокультурный аспект	66
<i>Еливанова М.А., Семушина В.А.</i> Особенности наполнения концептов ‘семья’ и ‘брак’ в картине мира представителей четырех поколений русскоязычного общества.....	80
<i>Палеха Е.С.</i> Стратегии дискредитации и митигации как формы проявленности сетевой личности в конфликтогенном дискурсе	95
<i>Немкина Н.И.</i> Трансдискурсивность китайского фольклора.....	112

Лексикология. Семантика

<i>Гилязетдинова Г.Х., Ахмерова Л.Р.</i> История слова <i>ценный</i> в русском языке (семантические модификации)	129
<i>Илюхина Н.А., Баракат К.П.</i> К вопросу о генезисе когнитивной метафоры <i>жизнь – движение</i> в русском языке.....	141
<i>Елисеева М.Б., Тьосса К.А.</i> Языковая система ребенка на этапе лексического взрыва: индивидуальное и типичное.....	154

Поликанальная коммуникация

<i>Ильичева Т.Е., Файзуллина Э.Ф.</i> Возможности взаимодействия глухих/слабослышащих и слышащих людей с использованием современных технологий	166
---	-----

CONTENTS

Text Linguistics

<i>Bushuyeva L.A.</i> Abnormal Behavior in the Contemporary Literary Language (Based on Millennial Prose).....	7
<i>Amurskaya O.Y., Nikolaeva N.V.</i> Voice-Over Translation of Musical Poetry in Films (an Analysis of Song Lyrics from the Musical Film “Grease”)	19
<i>Burmakina N.G.</i> The Problem of Textual Engagement in Gerontolinguistics.....	30
<i>Goryacheva E.D.</i> Pragmasemantics of Metatextuality in Autobiographical Discourse	40
<i>Bonadyk N.A.</i> Idiolect of Epistolary Novel’s Character through Evaluative Vocabulary: Translation Perspective	53

Discourse. Linguoculturology

<i>Dzyubenko A.I.</i> Frame-Scenario in the Representation of Literary Fiction:	66
<i>Elivanova M.A., Semushina V.A.</i> Essential Characteristics of the Concepts of “Family” and “Marriage” in the Russian Worldview Across Four Generations	80
<i>Palekha E.S.</i> Discreditation and Mitigation Strategies as Two Forms of Online Identity Expression in Conflict-Generating Discourse	95
<i>Nemkina N.I.</i> Transdiscursivity of Chinese Folklore	112

Lexicology. Semantics

<i>Gilazrtidina G.Kh., Akhmerova L.R.</i> The History of the Word <i>tseninnyi</i> in the Russian Language (Semantic Modifications)	129
<i>Ilyukhina N.A., Barakat K.P.</i> On the Genesis of the Cognitive Metaphor <i>Life is Movement</i> in the Russian Language.....	141
<i>Eliseeva M.B., Tossa K.A.</i> The Child’s Language System during the Vocabulary Explosion: Individual and Common Trends.....	154

Multichannel Communication

<i>Ilyicheva T.E., Fayzullina E.F.</i> Enhancing the Interaction between Deaf/Hard of Hearing and Hearing People through the Use of Modern Technologies.....	166
---	-----

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.7-18

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АНТИНОРМА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ-МИЛЛЕНИАЛОВ)

Л.А. Бушueva

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 603022, Россия*

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию лексики со значением поступка в прозе писателей-миллениалов. Поколение авторов-миллениалов, которое сформировалось благодаря российской молодежной премии «Лицей», только начинает входить в фокус научного внимания, что определяет актуальность предпринятого исследования. Отмечается, что изучение современных художественных текстов является необходимым условием понимания тех перемен, которые происходят в человеке и культуре в новом тысячелетии. Человек – это сумма его поступков. Возможность совершать поступки связана со способностью к рефлексии, ответственностью, стремлением к пониманию ценностей. В ходе работы выявлены поступки, представляющие наибольшую коммуникативную значимость в текстах новейшей словесности, а также способы их художественного воплощения. Исследование позволило очертить круг наиболее острых этических вопросов, которые ставят современные авторы, а также определить болевые точки нравственного состояния современного общества.

Ключевые слова: ценности, поступок, оценка, художественный дискурс, писатели-миллениалы

Художественный дискурс несет на себе отпечаток культуры на том или ином этапе развития общества. Именно писатели в разные исторические периоды, являясь векторами сознания, показывали через своих героев (их мечты, устремления, поступки) основные нравственные тенденции своего времени и поколения. Как справедливо отмечает В.Д. Черняк, «литература, пестрая, неоднозначная, противоречивая, отражает наше столь непростое время и не только рассказывает о современности, но и ведет разговор с современниками, по-новому ставит вечные для человека вопросы быта и бытия» [1, с. 9].

Нельзя не согласиться с тем, что именно поступок всегда отражает ценности общества (в широком смысле) и индивидуальные ценности отдельных его членов (в узком смысле). Поступки включены в систему нравственных отношений общества, а через них – в систему всех общественных отношений. Еще И. Кант

отмечал, что нравственные ценности приобретают бытийный характер исключительно через действие по долгу, то есть через поступок [Цит. по: 2]. Сходную мысль выражает Н.О. Лосский: «Всякий поступок есть целестремительный акт, предпринимаемый ради осуществления какой-либо ценности на основании любви к ней и предпочтения ее другим ценностям. Объективное содержание поступка и есть сама ценная цель, а вовсе не средство» (Цит. по: СРМ, с. 70).

Актуальность предпринятого исследования определяется тем обстоятельством, что изучение социально-нравственной категории поступка в любой исторический период представляет чрезвычайную значимость. Изучение языковых единиц, отражающих стереотипы социального поведения, находится в сфере постоянного интереса ученых. Например, в аспекте ценностно-нормативных установок культуры рассматриваются концепты «мечь» [3], «обман» [4], «преступление» [5]. В работах, посвященных лингвокогнитивному моделированию поступков, в фокусе внимания находятся категории положительнооценочных и отрицательнооценочных поступков [6; 7].

Анализ употребления лексики со значением поступка в речи представляется важным как для определения семантических особенностей данной группы слов, так и для определения степени актуальности называемых феноменов для носителей языка и связанной с этим частоты употребления. В силу особенностей языковых личностей восприятие одного и того же поступка разными людьми различается [8; 9]. Следовательно, и представление поступков в речи зависит от культурных, социальных, ситуативных и индивидуальных особенностей говорящих.

И. Тэн в «Философии искусства» рассматривает литературное произведение как «снимок с окружающих нравов и свидетельство известного состояния умов», как важный источник информации для создания «истории нравственного развития» [10]. Поступок, являясь оценочно-нормативным феноменом, выражает отношения между людьми, поскольку основан на понятиях добра и зла, справедливости и несправедливости. Как точно отметил М.М. Бахтин, «живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый ее момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством – я живу, я становлюсь поступком...» (Цит. по: СРМ, с. 70).

Предпринятый нами анализ направлен на изучение речевых реализаций поступков с целью определения коммуникативной значимости разных поступков в прозе писателей-миллениалов. И писатели, и критики сходятся во мнении о том, что современная литература эстетически отражает наше время, а значит, и ценности того общества, в котором мы живем, и перемены, происходящие в человеке и культуре в настоящее время [1].

О научной новизне работы свидетельствует впервые предпринятое исследование особенностей актуализации поступков в текстах новейшей словесности, а именно в художественных произведениях авторов-миллениалов. К поколению писателей-миллениалов относят авторов, которые оформились благодаря премии «Лицей». Среди победителей и номинантов данной премии К. Гептинг, Е. Некрасова, К. Куприянов, Б. Ханов, С. Гаврилов, А. Володина, В. Богданова, М. Турбин, Е. Манойло и другие писатели, становление которых

пришлось на начало нулевых годов XX в. Основные направления исследования поколения миллениалов были намечены в работах социологов (например, В.В. Радаев в книге «Миллениалы: как меняется российское общество» [11] описывает характерные черты и типы этого поколения), а также литературоведов (см. работы Г.М. Алтынбаевой [12]). Было проанализировано 20 художественных произведений (романов, повестей) писателей-миллениалов, написанных с 2019 по 2023 г.

Под *поступком* в настоящем исследовании подразумевается целенаправленное действие, в основе которого лежит мотив (именно мотив отличает поступок от действий-автоматизмов), оно получает оценку и имеет определенные последствия (поступок всегда оставляет след в жизни человека или общества в целом). Поступок всегда совершается в социуме, и поэтому он социален. Он обладает признаком событийности, поскольку это некая точка, которая фиксирует в пространстве и времени то, что уже произошло.

Отметим, что поступок может быть воплощен как в физическом действии, так и в речевом, которые являются лишь «носителями» поступка, его внешней оболочкой, при этом его основой является нравственное содержание. Оценка представляется тем признаком, который позволяет квалифицировать действие (физическое или речевое) как поступок: «...оцениваются и именуется не сами конкретные действия, не их структура, не локутивная или пропозициональная сторона, а воплощенные в них единицы поведения, поступки, то, чем оказываются, как могут восприниматься соответствующие действия» [13, с. 30].

О значимости оценки в структуре понятия «поступок» свидетельствуют и типичные сочетания с лексемой *поступок*: *безжалостный, безнравственный, безобразный, бесчеловечный, бесчестный, благородный, вежливый, великодушный, вероломный, высокий, героический, глупый, гнусный, грубый, грязный, дикий, добрый, дурной, зазорный, зверский, легкомысленный, малодушный, мерзкий, нелепый, неприличный, несправедливый, низкий, отвратительный, пакостный, подлый, позорный, постыдный, похвальный, унижительный, хороший, честный* и др. (СРМ).

В качестве примера лексемы, обозначающей поступок, приведем существительное *предательство*, которое определяется словарями как ‘предательский, вероломный поступок’ (МАС), однако при этом не указывается, в каком именно действии он воплощается, поскольку в данном случае значима ценностная сторона действия. Акцент на отрицательной оценке, без конкретизации действия, в котором реализуется поступок, видим и в определении такого имени поступка, как *подлость*: ‘подлый поступок’, (*подлый* – ‘низкий, бесчестный’) (МАС). Однако некоторые поступки не имеют устойчивого оценочного знака; например, в определении существительного *чужачество* отражено лишь понятийное содержание без конкретной (положительной или отрицательной) оценки: ‘странность, необычность в поступках’ (МАС).

В текстах писателей-миллениалов поступку как социально значимому действию, требующему проявления воли и способному трансформировать реальность и того, кто его совершает, уделяется большое внимание. Героями движет желание сделать нечто значимое, выделиться из общей массы, доказать свою

особенность. Другими словами, героями движет желание совершить поступок. Важно, что словарные определения лексемы *поступок* и типичные сочетания с ней также высвечивают значимость, особенность поступка по сравнению с простым действием, показывают, что поступок всегда предполагает преодоление некоторой нормативной границы в поведении. Ср.: *решиться на поступок, пойти на поступок; решиться* – ‘обдумав все за и против, преодолев боязнь ошибиться, убедить себя в целесообразности какого-либо действия, поступка’ (БУСРЯ); ‘идти на что-либо, решаться на какое-либо рискованное, трудное, неприятное и т. п. действие, проявлять готовность к осуществлению такого действия’ (БУСРЯ); «поступок – может быть отмечен положительно или отрицательно. Во всех случаях человек выступает как личность, проявляя свою сущность в действиях» (СРМ).

Герои современных произведений все время порываются совершить что-то особенное, некий нетривиальный, выходящий за рамки обыденного акт, выдающийся поступок, привлекающий всеобщее внимание. Это видно в следующих контекстах: «*Хотелось сделать напоследок что-нибудь безумное, что-нибудь такое, что бы отпечаталось в городском фольклоре*» (Б.Ханов1); «*Ира намерена **отчебучить** что-нибудь этакое на крафтовом фестивале в отместку за отрицательный отклик на репетиторском сайте*» (Б.Ханов1) – глагол *отчебучить* (также *отчубучить*) описывает необычное действие: *отчубучить* – ‘совершить что-либо необычное, неожиданное, выходящее за пределы допустимого’ (МАС).

Герой повести И. Ханипаева «Типа я» – восьмилетний школьник Артур с непростой судьбой: на его глазах убивают родную мать, отец отказывается от него и ему приходится жить с неродной матерью и названным братом. В произведении И. Ханипаева показан путь взросления мальчика, который через переживание большой психологической травмы, трагедии (смерть матери, потеря и поиски отца), вынужден самостоятельно «встраиваться», «вживаться» в систему нравственных ориентиров общества, в том числе через постоянные размышления о поступках окружающих его людей (приемной матери, которая без его разрешения отдает личный дневник мальчика школьному психологу – данный поступок Артур оценивает как предательство; одноклассников, которые помогают Артуру в поисках отца; учителей и т. д.) и рефлексии над собственными чувствами и поведением.

Под «крутым человеком» герой И. Ханипаева подразумевает того, кто совершает поступки, достойные воина; при этом мальчик совсем не понимает, что именно нужно делать. В соответствии с его детскими представлениями поступок является «крутым», если он смелый, бесстрашный, даже если этот поступок имеет разрушительную силу: «*Пока мы шли, Крутой Али переворачивал машины по моей просьбе, побил несколько человек и огранил два магазина*» (И.Ханипаев). В лексиконе Артура еще нет слова *поступок*: поступки Артур обозначает через словосочетания *четкие/крутые вещи*, характерные для речи подростков, а также *серьезные/добрые/злые/хорошие/плохие дела*, явно подразумевая нечто выдающееся, значимое. Ср.: *крутой* – ‘решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление (прост.)’ (МАС).

В произведениях писателей-миллениалов желание совершить поступок характерно не только для детей, но и для взрослых, однако примечательно, что дальше размышлений и постоянного анализа у взрослых героев дело не идет. Их все время что-то останавливает, мешает им совершить поступок. Ср.: *«Лучше бы сама ответила тому пацану, чего ж молчала? Она представляет, как оборачивается и толкает его двумя руками в грудь. Сильно, так, что парень падает. Или нет, она дает ему звонкую пощечину. Или бьет кулаком по его лицу, так, что щека заливается красным. И Женя говорит ему: “Еще раз меня тронешь – пожалеешь”. Только на самом деле она молчала и терпела, как корова»* (В.Богданова1) – героиня Женя понимает, что должна действовать решительно в сложившейся ситуации, однако не может отважиться на смелый поступок. Воздержание от совершения необходимых действий в некоторых случаях также может являться поступком, но только в том случае, если это бездействие выявляет моральную, нравственную позицию человека.

В следующем контексте именно бездействие оценивается как поступок: героиня Катя посещает мать, которая втайне от семьи ушла в монастырь и бросила ее маленькой девочкой, однако мать (матушка Агафья) отказывается от встречи, когда Катя приезжает навестить ее в монастыре. Позже Кате все же удается встретиться с матерью: *«Матушка уселась на скамью и шумно вздохнула, расправив припудренные мукой рукава рясы. Катя опустилась рядом. Она планировала сразу перейти к делу, но вместо этого спросила с детской обидой: – Почему ты тогда не вышла к нам? – Вера моя еще не настолько крепка была»* (Е.Манойло) – из диалога очевидно, что бездействие матери сильно ранило Катю, безвозвратно изменило ее отношение к ней.

В эпизоде из произведения Б. Ханова «Непостоянные величины», повествующем о хулиганах, которые в трамвае осыпают матом и ругательствами пожилую женщину, а присутствующие при этом пассажиры-мужчины не предпринимают никаких ответных действий, фактически описывается поступок «трусость», при этом трусость и является тем поступком, который не был совершен; в данном отрывке он также представляется через цепь действий, которые не совершаются: *«Никто из них не вступался за старуху с внуком, не бросал косых взглядов в сторону ругающихся, не опускал виновато глаза в пол. Мужики, крепкие и кадыкастые, притворялись, будто ничего не происходит»* (Б.Ханов2).

Даже если герои совершают поступки, они снова и снова мысленно возвращаются к ним, анализируя случившееся. Ср.: *«Вообразим, что я совершил проступок. Исправить его никак не исправишь, а жить дальше мешает неизбывное чувство вины, поедающее изнутри, словно стая пираний»* (Б.Ханов1); *«Впоследствии Роман не раз пожалел, что согласился. Что дерзнул открыто противостоять фанатизму. Что дерзнул дерзнуть»* (Б.Ханов2) – глагол *дерзнуть* толкуется лексикографическими источниками как действие не рядовое, но смелое, преисполненное благородства, то есть как поступок, поскольку действие получает оценку: *дерзать* – ‘смело стремиться к чему-то благородному, высокому, новому’; *дерзнуть* – ‘осмелиться, отважиться’ (МАС). Как справедливо отмечает В.Д. Черняк, типичный «герой литературы “нулевых” – это инфантильный герой, зависимый от своих детских воспоминаний и комплексов» [1, с. 27]. Имен-

но присущая героям инфантильность не дает им продвинуться дальше анализа своих мотивов и возможных последствий своих поступков, не дает дерзнуть.

Отметим, что в текстах исследованной выборки находят выражение преимущественно плохие поступки, такие как избиение, воровство, убийство, обман, месть, ограбление, оскорбление, грубость, донос, предательство, измена, безрассудство, подвиг, глупость, проступок, подлость, дерзость, выходка, шалость; а также поступки жест, добро/милость, жертва. В современной художественной речи поступки обозначаются как специальными лексемами (*измена, подвиг* и др.), так и описательно, когда контекст не содержит имен поступков, но есть другие «маркеры» ситуации поступка. Ср.: «*Саида Рагимовна – это наш психолог, но я ее не называю по имени, потому что я ее не люблю, а с момента, как она прочитала мой дневник, я ее ненавижу*» (И.Ханипаев) – самовольное чтение дневника описывается не как простое физическое действие, а именно как поступок, на что указывает актуализация таких значимых аспектов поступка, как оценка (*ненавижу*) и результат: «*Вы потеряли доверие. На одном сайте написано, что худшее, что может сделать школьный психолог, – это **предать** ученика и потерять его доверие*» (И.Ханипаев).

Рассмотрим подробнее поступки, которые чаще других описываются в современных художественных текстах. Основное место в нашей выборке произведений принадлежит отрицательно оцениваемым поступкам. Это, вероятно, можно объяснить тем, что авторы-миллениалы обращаются к острым социальным вопросам, с которыми сталкивается человек: самоидентификация, насилие в семье, измены, инцест, растление малолетних, ответственность перед детьми и родителями, терроризм. Неслучайно регулярное выражение в рассматриваемых текстах получает оценка того или иного поступка. В своем поведении человек руководствуется системой моральных и этических норм, сформированных в том обществе, частью которого он является: «Сознание человека пронизано стереотипами поведения, опираясь на которые, он представляет себе намерения окружающих и оценивает уже совершенные ими поступки» [14, с. 117].

Привычно кажущиеся нам неправильными, ненормальные ситуации, традиционно оцениваемые отрицательно, герои рассматриваемых произведений воспринимают как норму; например, в романе В. Богдановой «Сезон отравленных плодов» жалоба героини на домогательства со стороны мальчиков вызывает у ее матери лишь улыбку, а домогательство оценивается как невинный флирт, как вполне естественное выражение симпатии: «– *Мам, что мне делать? Ко мне парни пристают. – Кто? – <...> Котов с Первого Мая и его друзья. Я хотела пройти, а они... Говорят про меня всякое. – Ты нравишься мальчикам, – отвечает мама. – Это же хорошо. – Мам, они гадкие вещи говорят, мне неприятно. – Ты пойми, мужчины, они по сути своей охотники*» (В.Богданова¹). Ср.: *приставать* – ‘ухаживать за женщиной настойчиво, грубо, против ее желания’ (МАС).

В романе Е. Манойло «Отец смотрит на Запад» семейное насилие поддерживают традиции. Героини Е. Манойло живут с установкой «мужчинам все можно» и уверены, что это норма, поскольку именно так их приучили думать с самого детства. Ср.: «*Она и правда не обратилась в полицию – ни когда ее*

*украли, ни когда муж стал **распускать руки**, ни сейчас, когда Тулин чуть не сломал ей нос» (Е.Манойло).*

Еще один поступок, который чаще других находится в фокусе внимания в рассматриваемых произведениях, – это бегство: герои писателей-миллениалов спасаются бегством от своих проблем, бросают начатое дело, бегут от самих себя, любимых, близких, друзей. Ср.: *«Ты уехала, как напоказ. <...> Вот только незачем, подруга, **сбежать от меня**» (Б.Ханов1); «Мамин постоянный клиент и стал моим папой, но в силу своей несерьезности не женился, а **сбежал**, прихватив из гостиной музыкальный центр и тот самый чемодан» (А.Володина).*

Одним из наиболее частотных поступков, который находит регулярное отражение в текстах писателей-миллениалов, является избиеение. Примечательно, что в современных контекстах поступок получает амбивалентную оценку и не всегда оценивается ожидаемо отрицательно. Например, в случаях, когда избиеение соотносится с защитой, поступок квалифицируется как положительный. Ср.: *«– Он **избил** того, кто ему угрожал. Устранил угрозу. <...> Он не бандит, он наверняка верит, что защищает семью, дочку, понимаешь?» (К.Куприянов).*

Убийство – еще один поступок, на который идут герои рассматриваемых произведений, при этом в большинстве контекстов он, как правило, представлен, во-первых, описательно, во-вторых – развернуто с точки зрения участников, мотивов и оценки. Например, *«Зимой Алик забухал совсем, дома появлялся редко. Один раз Илья проснулся от лязга: Алик никак не мог найти нужный ключ и пасть им в скважину. <...> Илья выскользнул из-под одеяла, подкрался к двери и неслышно защелкнул щеколду. <...> Алика нашли наутро, он лежал в сугробе, а его замело снегом, будто покрыло сверкающей глазурью. Видимо, вышел на улицу, поскользнулся, завалился в сугроб и уснул. <...> А Илья не чувствовал себя ни героем, ни защитником – трусливо подкрался, исподтишка нанес удар» (В.Богданова1). В приведенном контексте убийством оказывается цепь обычных, на первый взгляд рутинных действий (встать с кровати, подойти к двери, защелкнуть щеколду), которые совершает герой произведения «Сезон отравленных плодов». Однако эти действия в контексте определенных обстоятельств, совершаемые с определенной целью, и становятся убийством.*

Еще один поступок, который традиционно оценивается отрицательно в русской культуре, – это предательство. Ср.: *«предательство – нарушение клятвы верности, проявляющееся в совершении вероломного поступка, который ведет к разрыву отношений и предоставляет свободу в наказании предателя. Самого предателя может обречь на муки совести, потерю самоуважения и уважения со стороны других людей» (СРМ).*

В рассматриваемых произведениях актуализированы разные стороны предательства: его мотив (как правило, видится как благородный и значимый для агента предательства); действие, в котором воплощается поступок (в качестве предательства классифицируются такие разные по сути действия, как обман, уловка, любовная измена, уход из семьи, донос, смена пола, а также несовершение действия в ситуации, которая этого требовала); результат предательства (всегда разрушительный).

В современной художественной речи предательство совершают родные люди (члены семьи, любимые, друзья). Это могут быть совершенно разные по своей сути поступки. Например, в произведении И. Ханипаева «Типа я» приемная мать восьмилетнего героя Артура передает дневник мальчика психологу, руководствуясь благим намерением помочь, при этом Артур воспринимает такое вторжение в его личное пространство как предательство: *«Ты обманула меня, ты украла мою вещь и отдала ее чужому человеку. – Да, я знаю. Извини. – Ты предала меня, и я больше не хочу с тобой разговаривать»* (И.Ханипаев); Илье в романе «Сезон отравленных плодов» не хватает смелости продолжать отношения с собственной сестрой, и он женится на другой: *«Зачем он Жене, этот идиот, предатель, который трусил, бросил, не отговорил от аборта, женился на другой и – какой садизм – пригласил на свою свадьбу»* (В.Богданова¹). В определении поступка как предательского важна оценка всех элементов ситуации: действия, в котором поступок находит воплощение (прочитать дневник, бросить невесту и т. д.), мотива и результата данного действия.

Несмотря на разочарование в существующих моделях и установках общества, которое испытывают герои современной прозы, попытки переделать реальность, отрицание существующих норм и правил, герои все же испытывают потребность жить «нормально»: *«Я размышлял: почему ни у кого из нас не получается жить нормально? Ведь все хотят жить нормально, в чем же дело?»* (С.Гаврилов) – «жить нормально» в понимании героя подразумевает жить в соответствии с теми моделями поведения, которые были созданы предшествующими поколениями.

Значимым элементом любого поступка является мотив. Связь между ними неоднозначна: один и тот же поступок может быть продиктован разными мотивами; один и тот же мотив может подтолкнуть человека к разным поступкам. Роман А. Володиной «Протагонист» всецело посвящен мотивам одного поступка. История начинается со смерти героя Никиты, студента престижной академии. Дальнейшее повествование, которое разбито на девять историй людей, которые знали Никиту, – попытка понять причины его поступка. Оказывается, что разобраться в мотивах самоубийства так же сложно, как определить причины любых других поступков, которые совершают люди.

Герои рассматриваемых произведений нередко как будто «застревают» еще на этапе обдумывания мотивов тех или иных поступков. Показательным в плане их осмысления является следующий контекст: *«Наконец я понял: мы делаем все ради смысла. <...> Порой мы так стараемся над смыслом, так хотим, чтобы в наших поступках было больше смысла... что иногда мембрана разума, натянутая поверх абсурда, просто не выдерживает. Она лопается от переизбытка смысла, от тяжести наших намерений»* (С.Гаврилов) – главный герой книги Степана Гаврилова «Опыты бесприютного неба», неглупый, начитанный молодой провинциал, приезжает в Петербург с намерением добиться успеха, но вместо настоящего дела все время находит подработки, знакомится с нетрезвыми маргинальными личностями и беспрерывно размышляет о смысле жизни, потерянности, собственной ненужности, неспособности совершить нечто действительно значительное – размышляя о

мотивах поступков, из которых складывается жизнь, он оказывается неспособным сделать что-либо вообще.

Герой произведения К. Гептинг «Сестренка» совершает поступки, мотивы которых соотносятся с его собственной ценностной шкалой: «*А мне всегда было интересно, почему все столь уверены, что нужно **поступать** так, а не совсем наоборот? <...> ...я не переношу, когда говорят: делай вот так, но не объясняют почему*» (К.Гептинг) – рассуждает Юрий, человек, который изнасиловал свою собственную сестру Юлию, но совершенно не чувствует себя виноватым в поступке, который наложил страшный отпечаток на жизнь девушки.

Мотив для героев рассматриваемых произведений – это в каком-то смысле оправдание выбранной линии поведения. Как показывают современные контексты, поступки, традиционно оцениваемые как негативные (подлость, преступление, измена), тоже совершаются с благими намерениями, если не ради объекта поступка, то ради самого агента: «*Именно ради себя и ради близких людей чаще всего совершают **преступления** и искажают истину*» (Б.Ханов2). Один и тот же поступок может быть продиктован разными мотивами, что в свою очередь влияет на оценку поступка. Ср.: «– Да, я **подрался**. Я заступился за девочку и выиграл... <...> Ух ты, за девочку? – усмехнулась типа мама, как будто это великое дело» (И.Ханипаев); «*Для другого стрима отец заставлял их лупить друг друга на камеру до крови: кровь и крики собирали больше лайков и донатов. Если девочки не соглашались, он **избивал** обеих*» (В.Богданова2).

В заключение важно подчеркнуть, что поступки отражают ценностные приоритеты поведения и определяются доминирующими установками современного общества. Исследование поступков героев на материале современной художественной речи важно еще потому, что кроме их описания в текстах содержатся также рассуждения автора, героев произведения, представлены разные точки зрения, различные оценки одного и того же поступка и оценки разных поступков.

Исследование показало, какие поступки частотны в художественных текстах новейшей словесности и какие из них имеют наибольший коммуникативный вес. Как видно из представленного материала, наибольшей коммуникативной значимостью характеризуются отрицательно оцениваемые поступки (противоречащие принятым нормам поведения) – акцент на них выявляет болевые точки нравственного состояния современного общества, показывает стремление молодого поколения ставить экзистенциальные вопросы в более радикальной форме: что есть поступок и в чем заключается его значимость, влияет ли мотив поступка на его оценку, к каким последствиям ведут совершаемые нами поступки и должен ли человек нести ответственность за них, в чем заключается предательство, подлость и т. д. Актуализация различных аспектов рассмотренных ситуаций (мотивов, оценок, последствий поступков) отражает важность выявления данных явлений, повышенное внимание к ним со стороны социума, потребность в их осмыслении.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БУСРЯ – Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.
- МАС – Малый академический словарь / Ред. А.П. Евгеньева. М.: Институт русского языка АН СССР, 1957–1984. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/>, свободный.
- СРМ – Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
- В.Богданова1 – Богданова В. Сезон отравленных плодов. М.: АСТ, 2020. 348 с.
- В.Богданова2 – Богданова В. Павел Чжан и прочие речные твари: роман. М.: АСТ, 2022. 443 с.
- А.Володина – Володина А. Протагонист. М.: Изд-во АСТ, 2023. 316 с.
- С.Гаврилов – Гаврилов С. Опыты бесприютного неба. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
- К.Гептинг – Гептинг К. Сестренка. М.: Эксмо, 2019. 192 с.
- К.Куприянов – Куприянов К. Желание исчезнуть. М.: АСТ, 2019. 411 с.
- Е.Манойло – Манойло Е. Отец смотрит на запад. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 272 с.
- Б.Ханов1 – Ханов Б. Развлечения для птиц с подрезанными крыльями. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
- Б.Ханов2 – Ханов Б. Непостоянные величины. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- И.Ханипаев Ханипаев И. Типа я. Дневник суперкрутого воина. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 276 с.

Литература

1. Черняк В.Д., Черняк М.А. Русская литература XXI века: приглашение к чтению. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 320 с.
2. Соловьева С.В. Поступок как событие // Вестник СамГУ. 2005. № 4 (38). С. 13–19
3. Чесноков И.И. Концепт «мечь» в лингвокультурном аспекте // Известия ВГПУ. 2006. № 3 (16). С. 7–15.
4. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 236 с.
5. Виноградов И.А. Языковая репрезентация концепта «преступление» // Вестн. МГЛУ. Сер. 1: Филология. 2019. № 4 (101). С. 39–49.
6. Бушуева Л.А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. 306 с.
7. Бушуева Л.А. Языковая экспликация фрейма поступка «измена в любви» в лексико-семантической системе русского языка // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2022. Т. 24, № 6. С. 669–677. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. 329 с.
9. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 5–10.
10. Тэн И. Философия искусства / Подгот. к изд., общ. ред. и послесл. А.М. Микиша. М.: Республика, 1996. 351 с.
11. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 221 с.

12. Алтынбаева Г.М. Художественное и документальное в прозе поколения «тридцатилетних» // Филология и культура. 2023. № 2 (72). С. 104–110. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110>.
13. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1997. С. 23–34
14. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении слова (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 114–124.

Поступила в редакцию 10.05.2024

Принята к публикации 05.07.2024

Бушуева Людмила Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной лингвистики

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603002, Россия

E-mail: sebeleva@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 7–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.7-18

Abnormal Behavior in the Contemporary Literary Language (Based on Millennial Prose)

L.A. Bushuyeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603002 Russia

E-mail: sebeleva@yandex.ru

Received May 10, 2024; Accepted July 5, 2024

Abstract

This study considers words used to describe human actions in the prose of Russian millennial writers, who emerged as a separate generation due to the Pushkin Prize, an annual Russian literary award established to honor young writers for literary excellence. These writers have only recently come into the focus of research, thus making it timely and relevant to explore their works and activities. The results obtained show that investigating contemporary literary texts is essential for understanding how both people and culture have changed in the new millennium: human beings are shaped by the actions they take, and their capacity for action is determined by self-reflection, responsibility, and the pursuit of accepted social values. Among all the identified human actions, those with the highest communicative value in the millennial prose were singled out, and the common verbal means used to express them were analyzed. From the analysis, the most pressing ethical issues and the weakest spots of social morality in our times continuously addressed by millennial writers were distinguished.

Keywords: values, action, evaluation, artistic discourse, millennial writers

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Chernyak V.D., Chernyak M.A. *Russkaya literatura XXI veka: priglashenie k chteniyu* [Russian Literature of the 21st Century: An Invitation to Reading]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 320 p. (In Russian)
2. Solov'eva S.V. An act as an event. *Vestnik SamGu*, 2005, no. 4 (38), pp. 13–19. (In Russian)
3. Chesnokov I.I. The concept of revenge in linguo-cultural aspect. *Izvestiya VGPU*, 2006, no. 3 (16), pp. 7–15. (In Russian)
4. Panchenko N.N. Verbal Expressions of the concept of lie (based on the Russian and English languages). *Cand. Philol. Diss.* Volgograd, 1999. 236 p. (In Russian)
5. Vinogradov I.A. Linguistic representation of the concept of crime. *Vestnik MGLU. Seriya 1: Filologiya*, 2019, no. 4 (101), pp. 39–49. (In Russian)
6. Bushueva L.A. *Kategorii postupkov i ikh lingvokognitivnoe modelirovanie* [The Categories of Actions and Their Linguo-Cultural Modeling]. Nizhny Novgorod, Izd. NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2019. 306 p. (In Russian)
7. Bushueva L.A. The frame of love affair and its representation in the lexico-semantic system of the Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2022, vol. 24, no. 6, pp. 669–677. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>. (In Russian)
8. Karasik V.I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The Language of Social Status]. Moscow, IYaZ, Peremena, 1992. 329 p. (In Russian)
9. Karaulov Yu.N., Petrov V.V. From text grammar to cognitive discourse theory. In: van Dijk T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Perception. Communication]. Gerasimov V.I. (Ed.). Moscow, Progress, 1989, pp. 5–10. (In Russian)
10. Taine H. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. Mikish A.M. (Ed.). Moscow, Respublika, 1996. 351 p. (In Russian)
11. Radaev V.V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: The Changing Face of the Russian Society]. Moscow, Izd. dom VShE, 2020. 221 p. (In Russian)
12. Altynbaeva G.M. Fiction and non-fiction in the thirty-year-old generation (“millennials”) prose. *Filologiya i Kul'tura*, 2023, no. 2 (72), pp. 104–110. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110>. (In Russian)
13. Gol'din V.E. Names of speech events, actions, and genres of Russian speech. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Izd. Gos. Uchebno-Nauchn. Tsentra “Kolledzh”, 1997, pp. 23–34. (In Russian)
14. Sandomirskaya I.I. The emotive component in the meaning of a word (based on behavioral verbs). In: *Chelovecheskii faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressiveness]. Moscow, Nauka, 1991. pp. 114–124. (In Russian)

Для цитирования: Бушueva Л.А. Поведенческая антинорма в современной художественной речи (на примере прозы писателей-миллениалов) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.7-18>.

For citation: Bushuyeva L.A. Abnormal behavior in the contemporary literary language (based on millennial prose). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.7-18>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.255.4+81.255.2

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.19-29

ОСОБЕННОСТИ ЗАКАДРОВОГО ПЕРЕВОДА МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КИНОМЮЗИКЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН ИЗ КИНОФИЛЬМА «БРИОЛИН»)

О.Ю. Амурская, Н.В. Николаева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены особенности закадрового перевода музыкально-поэтического текста киномюзикла в совокупности со спецификой песенного перевода. Осуществлена попытка выявить и систематизировать основные способы закадрового перевода музыкально-поэтического текста на материале текстов песен из кинофильма «Бриолин». В процессе анализа произведений из кинофильма были выделены два наиболее часто встречающихся способа – сжатый вольный перевод и смысловой перевод. Рассмотрены достоинства и недостатки каждого из приведенных видов. Сделан вывод о том, что значительное сокращение текста оригинала приводит к возникновению при переводе ряда смысловых ошибок и недостатков, таких как снижение экспрессивности текста, утрата связи с экстралингвистическими факторами, потеря языковых особенностей текста оригинала.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, закадровый перевод, музыкально-поэтический текст, аудиомедиаальный текст, песенный перевод

Киномюзикл – «кинопроизведение, в котором музыка выполняет важнейшие смысловые и композиционные функции, определяет жанровую и стилистическую характеристику картины» [1]. Как и другие аудиомедиаальные тексты, киномюзикл является объектом аудиовизуального перевода. Однако последний представляет собой особую сложность, так как необходимо адаптировать к языку перевода не только реплики, произносимые киноактерами, но и музыкально-поэтический текст, интегрированный в сюжет и являющийся инструментом, который используется режиссером для раскрытия характеров персонажей.

Прежде чем говорить об особенностях перевода музыкально-поэтического текста, необходимо дать его определение и выявить его характерные особенности. Так, в диссертации В.В. Подрядовой «Аттрактивные особенности музыкально-поэтических текстов: лингвистический аспект» приводится следующее определение: «Музыкальный поэтический текст – сложная знаковая система, отвечающая основным требованиям построения традиционного текста, характеризующаяся целостностью и связностью, являющаяся результатом художественного мышления, преподносямая в сочетании с индивидуальным музыкальным

сопровождением, определяющим уникальные особенности ее формы и содержания» [2, с. 8]. Музыкально-поэтический текст характеризуется наличием рифмы, темпа, музыкального ритма, слога, эвфонии (или благозвучия).

В статье «Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии» Л.Г. Дуняшева приводит следующие функции музыкально-поэтического текста [3]:

- 1) эмотивную, заставляющую зрителей сочувствовать и сопереживать;
- 2) информативную, проявляющуюся в передаче информации слушателю;
- 3) поэтическую, заключающуюся в использовании в музыкально-поэтическом тексте выразительных средств и приемов стихосложения;
- 4) побудительную, мотивирующую слушателя на совершение какого-либо действия;
- 5) фатическую, реализующуюся в использовании различных языковых средств, необходимых для установления контакта со слушателем, создания иллюзии общения с ним.

Музыкально-поэтический текст является объектом песенного перевода. Ли Сяньбо выделяет следующие способы перевода песен [4]:

1) эквиритмический перевод, цель которого заключается в сохранении возможности мелодичного исполнения стихотворного или песенного произведения на языке реципиента; Г.С. Мхитарьян выделяет такие характеристики эквиритмического перевода, как сохранение ритмической структуры оригинала, одинакового количества слогов и смысла; учет фонетических особенностей оригинала; сохранение благозвучия; использование в переводе стилистически подходящих средств, учет коннотации используемых слов [5];

2) интерпретация – в данном случае исходный текст сохраняется только формально (мелодия, ритм), однако его смысловое содержание полностью заменяется [4];

3) смысловой перевод, при котором сохраняется только содержание исходного текста, но не передаются особенности поэтической формы произведения; данный вид перевода также можно назвать дословным;

4) адаптационный перевод – в таком случае переводчик стремится передать смысл текста, частично сохраняя его музыкально-поэтические характеристики; так, например, в закадровом переводе текст песни может воспроизводиться актером озвучивания как стихотворение, имеющее не совсем точную рифму и четкий ритм, в отличие от оригинала.

Однако музыкально-поэтический текст является также и аудиомедиаальным текстом и, используясь в кинопроизведениях, становится объектом аудиовизуального перевода. Таким образом, переводчику в процессе перевода музыкально-поэтического текста киномюзикла необходимо учитывать особенности и песенного, и аудиовизуального перевода.

В настоящей статье мы предприняли попытку проанализировать закадровый перевод музыкально-поэтических текстов киномюзикла. Необходимо отметить, что закадровый перевод – это способ озвучивания, при котором речь на языке перевода «накладывается» поверх речи на языке оригинала [6]. Закадровый перевод может быть одноголосым и многоголосым. В случае если объем переводного текста превышает объем оригинального, для «укладки» текста перевода в

длительность реплики переводчик может использовать прием речевой компрессии и такие переводческие трансформации, как опущение, компенсацию, замену оригинального слова более кратким синонимом или синонимичной конструкцией [7]. К приемам речевой компрессии можно отнести слоговую компрессию, сокращение названия, обобщение целого предложения, преобразование глагольных словосочетаний и придаточных предложений, замену повторов и экстралингвистической информации [7].

В качестве материала для анализа нами был выбран музыкальный фильм «Бриолин» 1978 г. Кинокартина рассказывает о повседневной жизни американской молодежи в 50-х годах XX в., на фоне которой разворачивается история любви между двумя героями, Сэнди и Дэнни, являющимися полными противоположностями друг друга. Автором перевода фильма на русский язык выступил Владимир Непомнящий. Мы выявили и систематизировали основные способы закадрового перевода музыкально-поэтических текстов, а также недостатки, отмеченные в процессе его реализации. Так, нами проанализировано 10 песен из кинофильма, в результате чего обнаружены нижеследующие способы закадрового перевода песен.

I. Сжатый вольный перевод, передающий основное содержание песни. Как правило, это своеобразный краткий, обобщенный пересказ музыкально-поэтического текста, произносимый актером дубляжа во время исполнения первого куплета и в отдельных случаях – припева. Данный перевод нельзя назвать интерпретацией, так как текст не «придумывается» переводчиком, а лишь значительно сокращается и видоизменяется для передачи его основного содержания. 70 % композиций кинофильма переведены данным способом (*You're the one that I want; Hopelessly devoted to you; Greased lightning; Beauty school dropout; There are worst thing I could do; Look at me, I'm Sandra Dee (Reprise); We go together*). При данном способе перевода также стараются сохранить рифму.

Приведем несколько примеров сжатого вольного перевода.

Так, композиция *Hopelessly devoted to you*, состоящая из двух куплетов и двух припевов, переведена на русский язык одним четверостишием, в котором была предпринята попытка передать наличие рифмы и благозвучия оригинала. В. Непомнящий использует прием целостного преобразования для передачи основного содержания текста в объеме нескольких строк. Так, первые две строфы первого куплета “*I guess mine is not the first heart broken, my eyes are not the first to cry*” (G.) переведены как «Такое случалось со всеми, все плакали, нежно любя» (Б.). Последние две фразы четверостишия «Но, милый, пойми, мое сердце возьми, его я сохраняла для тебя» (Б.) являются своеобразным обобщением содержания песни, в частности таких отрывков, как “*There's just no getting over you; But baby can't you see, there's nothin' else for me to do, I'm hopelessly devoted to you*” (G.). Однако перевод не передает отчаяния и некой фатальности оригинального произведения, значительно смягчая эмоции главной героини.

Следующая композиция *You're the one that I want*, включающая два куплета и два припева, переведена на русский язык двумя репликами. Она звучит в конце фильма, не несет большой смысловой нагрузки и служит знаком примирения главных героев, укрепляя их отношения. Первая реплика произносится

во время куплета Дэнни и передана на русском языке следующим образом: «Схожу с ума, ты так прекрасна, огнеопасна, но мне нужна» (Б.). Здесь мы отмечаем использование приема смыслового развития. Так, третья строфа первого куплета “*I’m losing control*” (G.) переведена путем модуляции как «схожу с ума». Также можно указать на то, что в переводе данная реплика была перемещена в начало фразы. Фраза “*cause the power you’re supplying it’s electrifying*” (G.) аналогичным образом передана при помощи модуляции прилагательным «огнеопасна», в результате чего также происходит речевая компрессия – уменьшается количество слогов в реплике.

Куплеты Сэнди были переведены на русский язык следующим образом: «Ищу мужчину моей мечты, и мне сдается, что это ты» (Б.). Здесь также отмечаем смысловое развитие – так, в переводе реплика “*I need a man*” (G.) звучит как «ищу мужчину». Мы можем наблюдать модуляцию при переводе глагола *need* и опущение местоимения *I*. Продолжение реплики «и мне сдается, что это ты» также было переведено на русский язык путем смыслового развития фразы оригинала “*and my heart is set on you*” (G.). Таким образом, в рамках двух реплик переводчиком был передан основной смысл песни, заключающийся в желании героев быть друг с другом, а соответствие композиции сюжету не было нарушено, ибо зритель понимает, что главные герои помирились и уладили все разногласия.

Однако у сжатого вольного перевода имеются определенные недостатки, которые были обнаружены в процессе анализа материала.

1. Потеря эмоционального аспекта музыкально-поэтического текста в процессе передачи текста песни на русском языке (*Hopelessly devoted to you*). Одной из функций музыкально-поэтического текста является эмотивная функция, побуждающая слушателя испытывать сильные эмоции в процессе прослушивания произведения. Музыкально-поэтический текст киномюзикла способен также заставлять зрителя переживать и сочувствовать киногерою, однако отсутствие перевода может лишить произведение его эмоциональной составляющей. Так, сжатый вольный перевод композиции *Hopelessly devoted to you*, произносимый во время исполнения первого куплета, дает зрителю лишь частичное представление о содержании песни, что нарушает полноту восприятия им экстралингвистической информации – интонации главной героини, актерской игры и жестикуляции. Зритель видит эмоциональное исполнение главной героини, ее переживания, но неполнота передачи содержания мешает ему проникнуться эмоциональностью песни. Подобный перевод, несомненно, нельзя назвать адекватным, так как в результате аудиовизуального перевода должен быть не только передан смысл, но и оказано аналогичное оригиналу эмоциональное воздействие на реципиента.

2. Потеря языковых особенностей в процессе передачи текста песни на русском языке (*Greased lightnin’*). При переводе упомянутой композиции опускается использование сниженной и вульгарной лексики. Так, фраза “*You know it ain’t shit, we’d be getting lots of tit in greased lightning*” (G.) на русском языке звучит как «И не нужен ей бензин, нужен только бриолин» (Б.). Здесь переводчик нейтрализует эмфазу, в результате чего теряется экспрессивность текста, а также сглаживаются определенные особенности характеров персо-

нажей. Песенный текст, изобилующий вульгарными фразами и выражениями, такими как “*the chicks will cream in greased lightnin*” (G.) или “*she’s a real pussy wagon*” (G.), которые не передаются в переводе, характеризует главных героев как людей поверхностных, подростков, у которых ветер в голове, чьи мысли крутятся вокруг того, как бы соблазнить девушек, что полностью теряется в русскоязычной версии.

3. Потеря связи с экстралингвистическими факторами (*Beauty school dropout*). Поскольку музыкально-поэтический текст киномузикла является также аудиомедиальным текстом, переводчику необходимо учитывать его полисемантичесность. Так, аудиомедиальный текст состоит из трех уровней: вербальный (речь), визуальный (изображение, текст), аудиальный (музыка, шум), каждый из которых служит источником информации для зрителя [8]. Взаимодействие упомянутых уровней между собой необходимо для полного понимания содержания аудиомедиального текста, и игнорирование какого-либо из них при переводе приводит к нарушению восприятия смысла произведения. Пример подобного нарушения смысловой целостности можно наблюдать в композиции *Beauty school dropout*. Так, во время произнесения реплики “*but no customer would go to you unless she was a hooker*” (G.) лицо Френчи застывает в удивлении, а в следующем кадре зритель может наблюдать ухмыляющиеся лица танцовщиц. Однако поскольку в русском варианте данная реплика опускается, то реципиенту перевода становится непонятной реакция на нее героев. Подобное опущение приводит к нарушению целостности уровней аудиомедиального текста, что, в свою очередь, лишает зрителя возможности понимания происходящего на экране.

4. Возникновение смысловой неточности/неполноты в процессе передачи текста песни на русском языке (*There are worst things I could do; Beauty school dropout*). Сжатый вольный перевод, стремящийся передать основное содержание песни, допускает опущение и/или обобщение определенных фрагментов текста, в котором могут содержаться детали, необходимые для более полного раскрытия характеров персонажей и сюжета, что чревато возникновением смысловых ошибок. Например, компрессия текста песни *There are worst things I could do* приводит к неправильному восприятию зрителями героини Риццо, исполняющей данную композицию. Так, опущение фразы “*even though the neighborhood thinks I’m trashy, and no good*” (G.) в первом куплете приводит к неправильному переводу следующей реплики “*I suppose it could be true*”, которая в русском языке звучит как «только это болтовня» (Б.), тем самым лишая героиню в русской версии фильма самокритичности и восприимчивости к людскому мнению. Следующая реплика “*But to cry in front of you, that’s the worst thing I could do*” (G.), обращенная к молодому человеку героини, с которым она поссорилась, но от которого, как она впоследствии узнала, может быть беременна, на русском языке звучит следующим образом: «Худший же поступок мой – плакать, если ты не мой». Здесь использование смыслового развития при переводе выражения “*cry in front of you*” приводит к смысловой ошибке, искажая характер персонажа. В переводе худшим поступком героини является не демонстрация своей слабости перед другими, а сердечные переживания,

что, хотя и соответствует характеру Риццо, все же нарушает целостность ее образа, нейтрализуя важные аспекты ее личности.

Опущение при переводе таких реплик, как “*I could stay home every night, wait around for Mr. Right u throw my life away for a dream that won't come true*” (G.) сильно упрощает образ главной героини, лишая зрителей понимания мотивации ее поступков. Представляющая в тексте оригинала уязвимым человеком, который не верит в сказки и мечты и оттого стремится получать максимум опыта, принимает жизнь такой, какой она есть, самостоятельно пытаясь проложить себе дорогу в будущее, Риццо в тексте перевода теряет свою глубину. Для зрителя непонятны мотивы героини и особенности ее характера, раскрывающиеся в данной песне, и для реципиента перевода она так и остается легкомысленной девушкой, смеющейся над невинностью Сэнди.

Смысловая неточность также возникает в процессе перевода композиции *Beauty school dropout*. В данной песне Френк Авалон, американский певец, исполняющий в кинофильме роль самого себя, является Френчи в видении, в котором дает ей совет касательно ее будущего – героиню отчисляют из школы красоты и она не знает, что ей делать дальше. На русском языке данная композиция представляется зрителю доброжелательным, искренним советом, однако в тексте оригинала она носит, скорее, уничижительный характер, а певец явно насмехается над девушкой, принижая ее таланты и умения, что передается в таких репликах, как “*You're not cut out to hold a job, Who wants their hair done by a slob?*”; “*Wipe off that angel face and go back to high school*” (G.), перевод которых отсутствует в русском языке.

Основной смысл музыкально–поэтического текста, выраженный во фразах “*beauty school dropout*”; “*go back to high school*”; “*go for your diploma*” (G.), передается в переводе при помощи смыслового развития – «карьера визажистки не твоя, но снова стань веселой и возвращайся в школу», «быть удобным и богатым проще с аттестатом» (Б.), однако посыл песни и ее настроение полностью меняются. Таким образом, для адекватной передачи смысла композиции переводчику необходимо учитывать не только основное ее содержание, но и детали, содержащиеся в тексте произведения, а также экстралингвистическую информацию – происходящее на экране, голос и интонацию актера, мимику и жестикуляцию.

II. Смысловой перевод с опущением отдельных компонентов песни, например одного куплета/припева или отдельных фраз, которые отражают второстепенную информацию (именно так переведено 30 % композиций кинофильма: *Alone at the drive-in movie*; *Summer nights*; *Look at me, I'm Sandra Dee*). Так, в *Alone at the drive-in movie* непереведенными остаются припев и его повторы, в *Summer nights* полностью опущены два куплета и две последние строки куплетов, исполняемые Дэнни и Сэнди вместе. В отличие от сжатого вольного перевода, рифма здесь не сохраняется, за исключением композиции *Look at me, I'm Sandra Dee*, где один куплет из пяти был переведен с сохранением рифмы.

В табл. 1 приведены наиболее часто встречающиеся переводческие трансформации.

Табл. 1

Частота переводческих трансформаций в композициях, переведенных с помощью смыслового перевода

Переводческие трансформации	<i>Summer nights</i>	<i>Look at me, I'm Sandra Dee</i>	<i>Alone at the drive in-movie</i>	Всего
Модуляция	9	1	1	11
Целостное преобразование		7	1	8
Опущение	10		3	13
Опущение придаточной конструкции			2	2
Опущение отдельных слов	10		1	11
Полное опущение отдельных отрывков текста	6		2	8
Добавление	2			2
Замена части речи	3			3
Нейтрализация эмфазы	1	1		2
Генерализация		1	1	2
Транскрибирование при переводе имен собственных		5		5

Необходимо также перечислить и случаи возникновения смысловых ошибок в результате использования переводческих трансформаций.

1. Потеря игры слов. Во фразе “*Elvis, Elvis, let me be, keep that pelvis far from me*” (Г.) в композиции “*Look at me, I'm Sandra Dee*” присутствует игра слов, достигнутая за счет созвучия имени *Elvis* и существительного *pelvis*. На русский язык данная фраза переведена при помощи целостного преобразования: «Элвис, Элвис, уходи, ты не тронешь Сандру Ди!» (Б.), в результате которого игра слов теряется.

2. Потеря значения реалий. Согласно В.С. Виноградову, имена собственные относятся к реалиям [9]. В произведении *Look at me, I'm Sandra Dee* встречается пять имен собственных – *Sandra Dee, Elvis, Doris Day, Rock Hudson, Troy Donahue*, переданных на русский язык посредством транскрибирования как *Сандра Ди, Элвис, Дорис Дэй, Рок Хадсон, Трой Донахью* соответственно. За исключением имени Элвис, под которым здесь понимается Элвис Пресли, все вышеперечисленные антропонимы принадлежат голливудским актерам, получившим наибольшую известность в 50–60-х годах XX в. Особый интерес здесь представляют имена актрис Дорис Дей и Сандры Ди, так как они стали известны благодаря образу «инженю», наивных и простодушных девушек. Впоследствии эти имена стали нарицательными в американской культуре, начав обозначать девушек, обладающих подобными качествами. Так, имя Сандра Ди даже зафиксировано в значении *a name 'for a female who is typically virginal and very proper, has good*

manners and a well-groomed appearance’ (UD). Однако в связи с тем, что широкой русскоязычной публике образы упомянутых актрис незнакомы, имплицитный смысл, вкладываемый авторами в их имена, был потерян.

3. Потеря имплицитного значения выражения. В песне *Summer nights* выражение *get friendly* из отрывка “*she got friendly down in the sand*” (G.) переводится прилагательным «милый». Таким образом, на русском языке данная реплика звучит как «Она была такой милой на песке» (Б.). В следующей реплике “*we made out under the dock*” (G.) при переводе происходит нейтрализация глагола *make out*, который переводится как «расположиться», и в русскоязычной версии фраза звучит как «мы расположились у причала». В результате неправильного перевода упомянутых английских единиц теряется подтекст приведенных выражений, а вместе с этим становится менее глубоким и характер персонажа, исполняющего отрывок, – Дэнни раскрывается не так полно. Так, герой любит хвастаться перед своими друзьями, казаться взрослее, опытнее и круче, чем есть на самом деле, что в анализируемой композиции проявляется в преувеличении им масштаба событий минувшего лета, рассказ о которых становится все более и более подробным по мере развития песни, однако в переводе данный аспект его характера теряется.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. В закадровом переводе музыкально-поэтический текст киномузыкального произведения переводится двумя основными способами: 1) с помощью сжатого вольного перевода, при котором текст оригинала передается в кратком изложении, а ритм и темп оригинала могут измениться, сохраняется лишь рифма в упрощенном варианте; и 2) с помощью смыслового перевода, главной целью которого является передача смысла произведения; для ее достижения переводчик использует различные переводческие трансформации (как правило, направленные на достижение речевой компрессии), такие как опущение и смысловое развитие. Наименее значимые по мнению переводчика отрывки также могут быть опущены для того, чтобы дать зрителю возможность услышать оригинальную звуковую дорожку.

Нами также установлено, что сжатый вольный перевод, несмотря на то что он позволяет зрителю услышать музыкально-поэтический текст в оригинале, имеет ряд недостатков, таких как потеря эмоционального воздействия произведения на реципиента, опущение важных для правильного понимания сюжета и персонажей деталей, потеря языковой экспрессивности, нарушение целостности уровней аудиомедиального текста, приводящее к непониманию зрителем происходящего на экране.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

UD – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>, свободный.

Б. – Бриолин (1978): художественный фильм / Авторы сценария Джим Джейкобс, Уоррен Кэйси; режиссер Рэндал Клайзер; кинокомпания Paramount Pictures. Изображение:

Видео // Lordfilm [сайт]. URL: <https://hdf4im.kinolord6.pics/15029-briolin-1978.html>, свободный.

G. – Grease (Original Motion Picture Soundtrack). URL: <https://genius.com/albums/Grease/Grease-original-motion-picture-soundtrack>, свободный.

Литература

1. *Панне. В.М.* Балет и танец в кино // Кино: энцикл. слов. / Гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энцикл., 1987. 640 с.
2. *Подрядова В.В.* Аппривативные особенности музыкальных поэтических текстов: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.
3. *Дуняшева Л.Г.* Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: материалы III Междунар. науч.-практич. конф. (22–23 октября 2015 года). Казань: ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный ун-т», 2015. С. 190–197.
4. *Ли Сяньбо.* Способы перевода текстов англоязычных песен // Научный аспект. 2022. Т. 2, № 3. С. 152–156. URL: <https://na-journal.ru/3-2022-filologiya-lingvistika/3553-sposoby-perevoda-tekstov-angloyazychnyh-pesen>, свободный.
5. *Мхитарьян Г.С.* Некоторые приемы эквивитмического перевода (на материале русскоязычных кавер-версий иностранных песен) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С. 81–92. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.1.81-9>.
6. *Díaz-Cintaz J., Orero P.* Voice-over // Encyclopedia of Language and Linguistics: 14 v. / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. V. 13. P. 477–479.
7. *Хопияйнен О.А., Мялина А.В.* Способы речевой компрессии, основанные на замене компонента текста, в синхронном переводе // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). С. 139–148.
8. *Gambier Y.* The position of audiovisual translation studies // The Routledge Handbook of Translation Studies / Ed. by C. Millán, F. Bartrina. Ser.: Routledge Handbooks in Applied Linguistics. London, New York, NY: Routledge, 2012. P. 45–59. <https://doi.org/10.4324/9780203102893.CH3>.
9. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 19.06.2024

Амурская Оксана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Oksana.Amurskaya@kpfu.ru

Николаева Надежда Валерьевна, магистрант программы «Романо-германская филология»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alchemist1899@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.19-29

**Voice-Over Translation of Musical Poetry in Films
(an Analysis of Song Lyrics from the Musical Film “Grease”)**

O.Y. Amurskaya*, N.V. Nikolaeva**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *Oksana.Amurskaya@kpfu.ru, **Alchemist1899@yandex.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 19, 2024

Abstract

The features of voice-over translation in musical films, with a particular focus on song lyrics, were explored. Key methods best suited to the demands of such translation were analyzed and categorized. The insights were drawn from a detailed case study on the voice-over translation of song lyrics in the iconic musical film “Grease”. Compressed free translation and semantic translation, each with its strengths and limitations, were identified as the primary approaches used to preserve the intended meaning and musicality of the translated song lyrics. The obtained results, however, show that much can be lost through excessive compression, thus leading to semantic errors and an overall failure to meet the requirements for fidelity and quality in translation, which is due to a loss of expressiveness, as well as an inability to capture extralinguistic and linguistic nuances. Additionally, common challenges encountered while performing voice-over translation of song lyrics in musical films were summarized. By highlighting these potential pitfalls, the importance of preserving the original’s integrity and essence to effectively adapt it to new linguistic and cultural contexts was underscored.

Keywords: audiovisual translation, voice-over translation, musical poetry, audiovisual text, song lyrics translation

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Pappe V.M. Ballet and dance in cinema. In: Yutkevich S.I. (Ed.) *Kino: Entsikl. Slov.* [Cinema: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Entsikl., 1987. 640 p. (In Russian)
2. Podryadova V.V. Appealing features of musical poems: A linguistic perspective. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2012. 18 p. (In Russian)
3. Dunyasheva L.G. Song discourse as an object of study in cultural linguistics. *Aktual'nye problemy romanskikh yazykov i sovremennye metodiki ikh prepodavaniya: materialy III Mezhdunar. nauch.-practich. konf. (22–23 oktyabrya 2015 goda)* [Contemporary Issues in the Romance Languages and Innovative Approaches to Teaching Them: Proc. III Int. Sci.-Pract. Conf. (October 22–23, 2015)]. Kazan, FGAOUVPO “Kazan. (Privolzh.) Fed. Univ.”, 2015, pp. 190–197. (In Russian)
4. Li Xianbo. Major techniques for translating English song lyrics. *Nauchnyi Aspekt*, 2022, vol. 2, no. 3, pp. 152–156. URL: <https://na-journal.ru/3-2022-filologiya-lingvistika/3553-sposoby-perevoda-tekstov-angloyazychnyh-pesen>. (In Russian)
5. Mkhitarian G.S. Some techniques of equirhythmic translation (based on Russian covers of foreign songs). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 81–92. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.1.81-92>. (In Russian)
6. Díaz-Cintaz J., Orero P. Voice-over. In: Brown K. (Ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Vol. 13. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 477–479.

7. Hopiaynen O.A., Mialina A.V. Speech compression methods based on textual substitution in simultaneous interpretation. *Filologicheskii Aspekt*, 2019, no. 5 (49), pp. 139–148. (In Russian)
8. Gambier Y. The position of audiovisual translation studies. In: Millán C., Bartrina F. (Eds.) *The Routledge Handbook of Translation Studies*. Ser.: Routledge Handbooks in Applied Linguistics. London, New York, NY, Routledge, 2013, pp. 45–59. <https://doi.org/10.4324/9780203102893.CH3>.
9. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow, Izd. Inst. Obshch. Sredn. Obraz. RAO, 2001. 224 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Амурская О.Ю., Николаева Н.В. Особенности закадрового перевода музыкально-поэтических текстов киномюзикла (на материале песен из кинофильма «Бриолин») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 19–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.19-29>. ⟩

⟨ **For citation:** Amurskaya O.Y., Nikolaeva N.V. Voice-over translation of musical poetry in films (an analysis of song lyrics from the musical film “Grease”). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 19–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.19-29>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'234

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.30-39

ПРОБЛЕМА ТЕКСТОВОЙ АДРЕСАЦИИ В ГЕРОНТОЛИНГВИСТИКЕ

Н.Г. Бурмакина

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, 660042, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме релевантности письменных текстов институционального взаимодействия коммуникативному потенциалу пожилых людей с ускоренным фенотипом старения. Повышение средней продолжительности жизни приводит к увеличению в обществе доли индивидов, испытывающих когнитивные дефициты. Приведен обзор коммуникативных изменений в речи людей третьего возраста и предложена таксономия лингвистических аспектов, затрудняющих понимание письменного текста в ситуации когнитивного снижения на предметной стадии. Анализ фрагментов объявлений и информационных текстов показал, что письменные материалы, производимые государственными социальными институтами, обладают характеристиками, затрудняющими пожилым людям доступ к их содержанию. Наиболее частотными из них являются неоправданно длинные предложения, сложное синтаксическое оформление, высокий процент многосложных слов, иноязычные включения, сокращения, терминологическая лексика, канцеляризмы, избыточное использование знаков препинания, сравнительные обороты и др.

Ключевые слова: геронтолингвистика, ясный язык, болезнь Альцгеймера, социальная лингвистика

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в ближайшие годы общемировая численность пожилого населения в возрасте от 60 лет и старше может вырасти на 34 %, увеличившись с 1 млрд человек (в 2019 г.) до 1.4 млрд (в 2030 г.) (Доклад). В настоящее время 10 % людей старше 65 лет и почти половина тех, кому больше 85, страдают деменцией альцгеймеровского типа [1, с. 8]. Прогнозируется, что к 2030 г. на планете будет проживать порядка 78 млн, а к 2050 г. – 139 млн человек с деменцией.

ВОЗ разработан «Глобальный план действий сектора общественного здравоохранения по реагированию на деменцию на 2017–2025 гг.». Среди заявленных в плане целей названы своевременная диагностика, лечение болезни, уход за пациентами с деменцией и их реабилитация, стимулирование мер по снижению риска деменции, а также обеспечение удовлетворения потребностей лиц, страдающих этой болезнью (Glob.).

Настоящий исследовательский проект является вкладом в развитие геронтолингвистики – области исследований, направленных на изучение языкового опосредования феномена старения.

Понимание особенностей коммуникации человека позднего возраста позволит сделать взаимодействие с пожилыми людьми более эффективным, поскольку «при старении, когда перед человеком встает задача повседневной адаптации к изменяющемуся миру и к изменениям в самом себе, речь приобретает особую регуляторно-адаптационную и компенсаторную функции» [2, с. 29].

В задачи исследования входит обобщение данных нейропсихологии, неврологии, клинической лингвистики по проблеме восприятия письменного текста пациентами с болезнью Альцгеймера (прежде всего на ранних этапах проявления когнитивного снижения); анализ письменных материалов, создаваемых социальными учреждениями для коммуникации с клиентами; оценка степени доступности таких текстов для понимания людьми, испытывающими когнитивный дефицит.

С учетом того, что «старение – длительный процесс постепенно нарастающих трудностей адаптации к внешнему миру и к изменениям в самом себе» [2, с. 11], в геронтопсихологии выделяются следующие наиболее часто встречаемые возрастные симптомы: снижение скорости переработки информации; повышенная тормозимость следов памяти под влиянием новых стимулов, что приводит к ограничению способности запоминать поступающую информацию; критичность влияния на процесс запоминания отвлекающих факторов; общее снижение темпов выполнения любых видов деятельности, в первую очередь на начальном этапе, что проявляется также при извлечении информации из памяти; неспособность к одновременному выполнению нескольких различных действий, то есть сужение объема психической активности [3, с. 5; 4, с. 72].

Перечисленные изменения находят отражение в речевой деятельности. Снижается синтаксическая сложность текстов, создаваемых пожилыми людьми, в сравнении с текстами молодых [5–7]. В процессе коммуникации продуцирование и восприятие речи требуют от пожилого коммуниканта большего внимания, больших энергетических затрат, чем в молодости [2, с. 29].

Возникают ограничения в понимании написанного или сказанного. Причины данного явления связаны с дисфункцией нейродинамического обеспечения процесса интериоризации воспринимаемого речевого сообщения. Для человека третьего возраста становится трудно синхронизировать восприятие и понимание. «Общее сужение объема психической активности, характерное для старения, проявляется при восприятии речи колебаниями вектора внимания, направленного либо на перцептивно-сукцессивный компонент в слуховой модальности, либо на перцептивно-симультаный процесс группировки фрагментов воспринятого речевого сообщения в целостный контекст» [2, с. 31].

Заметными становятся номинативные трудности, то есть помехи в своевременном нахождении необходимого слова в процессе продуцирования высказывания. Эпизодически ситуации, когда слово «вертится на языке», а вспомнить его не получается, возникают в любом возрасте, но у пожилых людей частотность данного явления значительно возрастает. Затруднения в актуализации необходимой лексемы провоцируют неточный выбор слова или парафазии (ошибочное проговаривание другого слова вместо того, что говорящий хотел произнести). Другими характеристиками коммуникации людей позднего

возраста является замедленность вхождения в речевой процесс как проявление глобальной латентности, а также повышенная тормозимость следов памяти, что проявляется в чувствительности к возникновению внешних помех в ходе речевого взаимодействия [2, с. 31].

Недуги позднего возраста (болезнь Альцгеймера, умеренные когнитивные расстройства) в значительной степени усугубляют клинические проявления нейропсихологического синдрома нормального старения.

Систематизация теоретических данных, касающихся специфики визуального и смыслового восприятия письменных текстов пациентами с деменцией, позволила выделить нижеследующую таксономию трудностей, с которыми сталкиваются люди с болезнью Альцгеймера при чтении письменных текстов [8].

1. Низкочастотная лексика. Нарушения памяти приводят к утрате возможности вспомнить редко употребляемые лексемы. Наличие номинативных трудностей представляет собой важный симптом при диагностировании болезни Альцгеймера на начальном этапе ее развития [9].

2. Многосложные слова. Алгоритм чтения включает следующие этапы: звукобуквенный анализ слова, удержание информации в кратковременной памяти, формулирование смысловых гипотез, сличение возникающих предположений с последующим языковым материалом [10]. Необходимость прочтения длинного сложного слова создает ощутимую нагрузку на память, реципиенту требуется удерживать прочитанный объем звукобуквенного материала до завершения этапа осознания семантики обрабатываемого слова.

3. Аббревиатуры, акронимы, сокращения. Восстановление полной формы сокращений сопряжено с усилиями, затрачиваемыми для перекодирования краткой формы в полные номинации, что значительно затрудняет процесс восприятия и понимания читаемого фрагмента.

4. Явление полисемии. Установление предметной отнесенности многозначного слова требует от читающего умения сделать выбор из нескольких вариантов значений, опираясь на имеющийся контекст. Усилия, направленные на соотнесение значения слова с его окружением, являются сложной задачей, реализация которой может быть затруднена для человека, столкнувшегося с когнитивными дефицитами в связи с утратой ассоциаций в ментальном лексиконе [11].

5. Явление обратимости. Чтение предложения, включающего обратимые конструкции, требует от читающего дополнительных ментальных усилий, так как их «поверхностная синтаксическая структура расходится с ...глубинной структурой» [12, с. 142]. «Под обратимостью по смыслу понимается такое устройство предложения, когда один и тот же лексический состав допускает две противоположные по смыслу интерпретации значения высказывания. Для правильного понимания такого высказывания необходимо декодировать грамматические маркеры» [13, с. 195].

6. Союзы и предлоги, выражающие временные, пространственные и причинные отношения. В силу нарушения корковых функций у пожилого человека, страдающего болезнью Альцгеймера, с течением времени развиваются пространственная агнозия, нарушение оптического восприятия, расстройства зрительной ориентации в пространстве, что может объяснять трудности распоз-

навания языковых средств, выражающих временные и пространственные параметры [14, с. 24].

7. Сравнительные конструкции. Для выражения идеи сопоставления в языке задействуются единицы разных уровней: окончания, предлоги, лексика со специальной семантикой, отражающей идею сравнения, сложный порядок слов. Понимание сравнительных конструкций способно вызвать затруднения, обусловленные необходимостью наличия пресуппозиций и выполнения дополнительных трансформаций для декодирования значения [12, с. 109; 15].

8. Развернутые сложные синтаксические конструкции. Повышенная тормозимость следов памяти не позволяет человеку с симптомами деменции удерживать в фокусе длинное, осложненное множественными подчинительными или сочинительными связями предложение, вследствие чего контекст употребления новой информации с высокой долей вероятности может быть утрачен [16]. Сложности декодирования и понимания возрастают при чтении вложенных придаточных, когда подчиненное предложение включается внутрь главного [12, с. 110; 17, с. 141]. Придаточные определительные предложения с союзом «который» представляют особую трудность для понимания. Они провоцируют ситуацию неоднозначности, читающий оказывается перед необходимостью определения, к какому конкретно члену главного предложения должно быть отнесено придаточное [12].

9. Косвенная передача смысла (метафоры, ирония, сарказм, игра слов, отсыл к прецедентности, смысловые инверсии и др.). На раннем этапе проявления деменции человек сохраняет способность понимать укоренившиеся концептуальные метафоры, однако возможность распознавать вновь создаваемые метафорические сравнения постепенно утрачивается. Переносный смысл идиом также становится недоступным, пациент с ментальным угасанием вычленяет только прямое значение идиоматических высказываний. При чтении высказываний, содержащих иронию или сарказм, читающему также затруднительно распознать непрямо выраженные смыслы [18].

10. Числовые выражения. Развитие болезни Альцгеймера часто сопровождается акалькулией, что проявляется в неспособности верно интерпретировать значение числительных. Распознавание абсолютной величины чисел и количественные соотношения становятся для пациента недоступными [14].

11. Неконвенциональное графическое оформление. Атипичное развитие болезни Альцгеймера может приводить к задней корковой атрофии (нарушениям в задних и задневерхних отделах головного мозга). Данные области задействованы в обработке визуальных стимулов, они участвуют в пространственной ориентации [5]. Креативно оформленные письменные тексты могут стать недоступными для восприятия человеком, испытывающим затруднения в обработке визуальной информации.

В настоящем исследовании рассмотрена релевантность формата оперативных и информирующих текстов институционального взаимодействия коммуникативному потенциалу пожилых людей с ускоренным фенотипом старения.

Материалом для исследования послужили публикации на интернет-страницах медицинских учреждений и других государственных органов, выполняю-

щих социально-значимые функции в обществе, а также письменные материалы, размещаемые на информационных стендах и досках объявлений в упомянутых учреждениях.

Рассмотрим ряд примеров. Следующий фрагмент был опубликован на доске объявлений в поликлинике:

*С 1 июля 2021 года по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина для граждан, перенесших новую коронавирусную инфекцию COVID-19, предусмотрено проведение **углубленных профилактических осмотров и диспансеризации граждан** в целях предупреждение развития хронических неинфекционных заболеваний (состояний), являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения России.*

Приведенный отрывок включает одно предложение, составленное из 44 слов. Обращают на себя внимание инверсия, наличие двух причастных оборотов, включение на латинице. В тексте используется антропоним, представленный фамилией и инициалами, которые легко восстанавливаются из контекста в силу прецедентности данного имени, тем не менее читающему требуются дополнительные ментальные усилия для выполнения такой перешифровки. Графическое оформление фрагмента включает выделение жирным шрифтом, нижнее подчеркивание, наличие скобок, дефиса – эти элементы затрудняют визуальное восприятие письменных материалов. В тексте содержатся длинные многосложные слова, в том числе сложные лексемы (*коронавирусная, преждевременная*). На трудность данного отрывка для восприятия косвенно указывает и грамматическая несогласованность между членами предложения (*в целях предупреждение развития*).

Следующий пример взят из опубликованной на сайте поликлиники «Анкеты для граждан в возрасте 65 лет и старше на выявление хронических неинфекционных заболеваний, факторов риска, старческой астении» (Анкета):

1.	<i>Возникает ли у Вас, когда поднимаетесь по лестнице, идете в гору или спешите, или при выходе из теплого помещения на холодный воздух, боль или ощущение давления, жжения, тяжести или явного дискомфорта за грудиной и (или) в левой половине грудной клетки, и (или) в левом плече, и (или) в левой руке?</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
2.	<i>Если на вопрос 2 ответ «Да», то указанные боли/ощущения/дискомфорт исчезают в течение не более чем 20 мин после прекращения ходьбы/адаптации к холоду/в тепле/в покое и (или) они исчезают через 1–5 мин после приема нитроглицерина?</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>

Пункт 3 анкеты представляет собой предложение, включающее 50 слов. Фактором, затрудняющим чтение, является вложенное придаточное, разделившее сказуемое и однородные подлежащие в составе главного предложения. Троекратный повтор группы союзов (*и (или)*) в данном фрагменте избыточен. Следующее предложение также отличается большой протяженностью (36 слов) и сложной синтак-

сической структурой. Факторами, способными повлиять на восприятие содержания, выступают темпоральные предлоги (*после, через, в течение*), сравнительный оборот (*не более чем 20 минут*), многочисленные числительные, избыточное употребление знаков препинания (скобок, кавычек), многократное употребление косой черты, многосложные слова из четырех и более слогов (*указанные, ощущения, исчезают, в течение, прекращения, адаптации, нитроглицерина*).

Следующий пример заимствован из памятки «Правила отпуска лекарственных препаратов льготным категориям граждан», размещенной на доске объявлений в поликлинике:

Рецепт на лекарственный препарат, отпускаемый бесплатно или со скидкой и не вошедший в минимальный ассортимент лекарственных препаратов для медицинского применения, необходимых для оказания медицинской помощи, обслуживаются в течение десяти рабочих дней со дня обращения лица к субъекту розничной торговли.

Предложение состоит из 39 лексических единиц, 35 % слов являются многосложными. Затрудняющими понимание факторами выступают использование страдательного залога (*обслуживаются, отпускаемый*), причастных оборотов (*отпускаемый бесплатно или со скидкой, не вошедший в минимальный ассортимент лекарственных препаратов для медицинского применения*), сложная темпоральная конструкция (*в течение десяти дней со дня обращения*), полисемичные единицы (*лицо, обращение*).

Несогласованность подлежащего и сказуемого в числе (*рецепт обслуживаются*) объясняется в том числе чрезмерной развернутостью предложения; наличие вставных конструкций, выраженных серией причастных оборотов, становится причиной того, что в оперативной памяти пишущего (а соответственно, и читающего) не удерживается грамматическая связанность основных элементов предложения.

Еще один пример взят из проспекта, размещенного на стенде в территориальном отделении Управления социальной защиты населения:

Продление/пополнение СОЦИАЛЬНОЙ КАРТЫ возможно произвести в любом почтовом отделении Управления федеральной почтовой связи Красноярского края – филиала ФГУП «Почта России», в пределах территориального муниципального образования, на которой введена СОЦИАЛЬНАЯ КАРТА.

Предложение, составленное из 30 слов, включает 43 % многосложных лексем. Фрагмент содержит аббревиатуру (ФГУП – Федеральное государственное унитарное предприятие), выделение номинации «социальная карта» прописными буквами, разнообразные пунктуационные знаки (кавычки, тире, косая черта), синонимические и полные повторы (*продление/пополнение; почтовое отделение/Почта России; социальная карта*). Присутствуют многозначные лексические единицы (*управление, образование, связь*), длинная цепочка из существительных в родительном падеже (*в отделении управления связи края*). В тексте содержатся обратимые конструкции (*пополнение карты* (возможен вариант «карта пополнения»), *в пределах образования* (возможен вариант «образование в пределах»)). Фрагмент также демонстрирует рассогласованность в роде (*в пределах образования, на которой...*).

Анализ корпуса текстов институционального взаимодействия показал представленные ниже результаты. Рассмотренные оперативные и информирующие письменные материалы содержат примеры почти всех перечисленных в вышеприведенном обзоре явлений, осложняющих восприятие вербальной информации при чтении. Наибольшее внимание привлекает использование громоздких синтаксических конструкций, включающих цепочки сочинительных и подчинительных связей (*Для того, чтобы узнать, на сколько с 1 июня 2022 года повысилась пенсия, необходимо размер получаемой страховой пенсии (которая состоит из страховой пенсии, исчисленной исходя из общей суммы пенсионных коэффициентов, и фиксированной выплаты) умножить на 1,1 (10 %)*). Частотно использование терминологической лексики и канцеляризмов (*информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство; страница с запросом подключить носитель ключа электронной подписи; рецепт обслуживается в течение пяти дней со дня обращения лица к субъекту розничной торговли*), также многочисленны аббревиатуры и сокращения (*б/х анализ крови – биохимический анализ крови; каб. 12 – кабинет 12; заведующий КДЛ – заведующий клинико-диагностической лабораторией и др.*), логико-грамматические конструкции, предполагающие обратимость (*право на получение достоверной информации, возможный вариант «достоверная информация о праве на получение чего-либо»*; *срок службы карты*, возможна интерпретация «карта срока службы») или осложненные наличием пассивного залога.

Представленные данные позволяют говорить о нерелевантности текстов институционального взаимодействия контексту, в котором они функционируют. Пожилые коммуниканты с когнитивным снижением при чтении испытывают затруднения, не учитывающиеся при создании письменных материалов, ориентированных на широкий круг адресатов.

Перед обществом стоит задача создания инклюзивной среды для пожилых людей, сталкивающихся с ментальным дефицитом. Перспективы обеспечения доступности лингвистической информации лежат в дискурсивной технологии симплификации письменных текстов таким образом, чтобы их чтение было сильной задачей для пожилых людей, столкнувшихся с проблемой когнитивного угасания [19]. Геронтолингвистика как раздел социальной лингвистики призвана способствовать «развитию инклюзивных стратегий, языковой адаптивности, лингвистического плюрализма» [20, с. 63].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Доклад – Доклад о состоянии мер общественного здравоохранения по борьбе с деменцией в мире: резюме. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2021. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/344707/9789240038684-rus.pdf>, свободный.
- Glob. – Global action plan on the public health response to dementia 2017–2025. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/global-action-plan-on-the-public-health-response-to-dementia-2017---2025>, свободный.

Анкета – Анкета для граждан в возрасте 65 лет и старше на выявление хронических неинфекционных заболеваний, факторов риска, старческой астении. URL: <https://gcmp.ru/template/uploads/2019/11/анкета-по-диспансеризации-65-лет-и-старше.pdf>, свободный.

Литература

1. *Парфенов В.А.* Профилактика болезни Альцгеймера // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2011. № 3 (3). С. 8–13. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2011-159>.
2. *Корсакова Н.К., Рощина И.Ф., Балашова Е.Ю.* Геронтопсихология. Нейропсихологический синдром нормального старения. М.: Юрайт, 2024. 81 с.
3. *Корсакова Н.К., Рощина И.Ф.* Нейропсихологический подход к исследованию нормального и патологического старения // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2009. № 3-4. С. 4–7.
4. *Чердак М.А.* Старение головного мозга // Проблемы геронауки. 2023. № 2. С. 71–79. <https://doi.org/10.37586/2949-4745-2-2023-71-79>.
5. *Котов А.С., Елисеев Ю.В., Семенова Е.И.* Болезнь Альцгеймера: от теории к практике // Медицинский совет. 2005. № 18. С. 41–44.
6. *Cheung H., Kemper S.* Competing complexity metrics and adults' production of complex sentences // Appl. Psycholinguist. 1992. V. 13, No 1. P. 53–76. <https://doi.org/10.1017/S0142716400005427>.
7. *Kemper S., Sumner A.* The structure of verbal abilities in young and older adults // Psychol. Aging. 2001. V. 16, No 2. P. 312–322. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.16.2.312>.
8. *Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В., Попова Я.В., Артемьева А.И.* Формат текста как инклюзивная практика современного социума // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 3. С. 607–626. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.313>.
9. *Cuentos Vega F.* Anomia: la dificultad para recordar las palabras. Madrid: TEA Ediciones, S.A.U., 2003. 172 p.
10. *Цветкова Л.С.* Афазия и восстановительное обучение. М.: Просвещение, 1988. 204 с.
11. *Ovchinnikova I., Pavlova A.* Lexical substitution and paraphasia in advanced dementia of the Alzheimer type // Psychol. Lang. Commun. 2017. V. 21, No 1. P. 306–324. <https://doi.org/10.1515/plc-2017-0015>.
12. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
13. *Статников А.И.* Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 194–203.
14. *Бардеништейн Л.М., Щербакова И.В., Молодецких А.В.* Деменции Альцгеймеровского типа. М.: РИО МГМСУ, 2016. 70 с.
15. *Коберская Н.Н., Ковальчук Н.А.* Болезнь Альцгеймера с ранним дебютом // Медицинский совет. 2019. № 1. С. 10–16. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-1-10-16>.
16. *Schecker M.* Sprache und Demenz // Sprache und Kommunikation im Alter / Fiehler R., Thimm C. (Hrsg.). Radolfzell: Verlag Gesprächsforsch., 2003. S. 278–292.
17. *Фаттахов И.М.* Клинико-лингвистические аспекты разработки гериатрической шкалы тревоги // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 136–148. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.136-148>.
18. *Knels C.* Kommunikativ-pragmatische Störungen bei Alzheimer-Demenz // Sprache. Stimme. Gehör. 2020. Bd. 44, H. 4. S. 90–94. <https://doi.org/10.1055/a-1043-7822>.

19. *Maaf Ch., Rink I.* Leichte Sprache: Verständlichkeit ermöglicht Gesundheitskompetenz // Public Health Forum. 2017. Bd. 25, H. 1. S. 50–53. <https://doi.org/10.1515/pubhef-2016-2148>.
20. Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия / Л.В. Куликова, О.В. Магировская, С.А. Шатохина [и др.]. М.: Флинта, 2022. 126 с.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Принята к публикации 10.10.2024

Бурмакина Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

Сибирский федеральный университет

пр. Свободный, д. 79, г. Красноярск, 660041, Россия

E-mail: nburmakina@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 30–39

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.30-39

The Problem of Textual Engagement in Gerontolinguistics

N.G. Burmakina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 660042 Russia

E-mail: nburmakina@mail.ru

Received August 10, 2024; Accepted October 10, 2024

Abstract

Increasing life expectancy has led to a marked growth in the older population with cognitive deficits. This study examines how institutional texts match the communication skills of older people with accelerated aging phenotype. Major shifts in the speech production and processing patterns during the third age stage were traced. A taxonomy of linguistic elements that make people having dementia or pre-dementia struggle with understanding written texts was compiled. The analysis showed that written informational texts and announcements produced by public institutions are generally too complicated for older people with cognitive impairment. Common barriers include unnecessarily long sentences, complex syntax, numerous multisyllabic words, loanwords, abbreviations, terms, bureaucratic style, excessive punctuation, convoluted comparisons, etc.

Keywords: gerontolinguistics, plain language, Alzheimer's disease, social linguistics

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Parfenov V.A. Prevention of Alzheimer's disease. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika*, 2011, no. 3 (3), pp. 8–13. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2011-159>. (In Russian)
2. Korsakova N.K., Roshchina I.F., Balashova E.Yu. *Gerontopsikhologiya. Neiropsikhologicheskii sindrom normal'nogo stareniya* [Gerontopsychology. Neuropsychological Syndrome of Normal Aging]. Moscow, Yurait, 2024. 81 p. (In Russian)
3. Korsakova N.K., Roshchina I.F. A neuropsychological approach to studying normal and pathological aging. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika*, 2009, nos. 3–4, pp. 4–7. (In Russian)

4. Cherdak M.A. Aging brain. *Problemy Geronauki*, 2023, no. 2, pp. 71–79. <https://doi.org/10.37586/2949-4745-2-2023-71-79>. (In Russian)
5. Kotov A.S., Eliseev Yu.V., Semenova E.I. Alzheimer's disease: From theory to practice. *Meditinskii Sovet*, 2005, no. 18, pp. 41–44. (In Russian)
6. Cheung H., Kemper S. Competing complexity metrics and adults' production of complex sentences. *Applied Psycholinguistics*, 1992, vol. 13, no. 1, pp. 53–76. <https://doi.org/10.1017/S0142716400005427>.
7. Kemper S., Sumner A. The structure of verbal abilities in young and older adults. *Psychology and Aging*, 2001, vol. 16, no. 2, pp. 312–322. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.16.2.312>.
8. Burnakina N.G., Kulikova L.V., Popova Ia.V., Artemeva A.I. The format of the text as an inclusive practice in modern society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 607–626. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.313>. (In Russian)
9. Cuentos Vega F. *Anomia: la dificultad para recordar las palabras*. Madrid, TEA Ediciones, S.A.U., 2003. 172 p. (In Spanish)
10. Tsvetkova L.S. *Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie* [Aphasia and Rehabilitation Training]. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 204 p. (In Russian)
11. Ovchinnikova I., Pavlova A. Lexical substitution and paraphasia in advanced dementia of the Alzheimer type. *Psychology of Language and Communication*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 306–324. <https://doi.org/10.1515/plc-2017-0015>.
12. Luria A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1979. 320 p. (In Russian)
13. Statnikov A.I. Mechanisms of understanding logical and grammatical constructions: Insights from computerized tests. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2013, no. 17, pp. 194–203. (In Russian)
14. Bardenstein L.M., Shcherbakova I.V., Molodetskikh A.V. *Dementsii Al'tsgeimerovskogo tipa* [Dementia of the Alzheimer's Type]. Moscow, RIO MGMSU, 2016. 70 p. (In Russian)
15. Koberskaya N.N., Koval'chuk N.A. Early-onset Alzheimer's disease. *Meditinskii Sovet*, 2019, no. 1, pp. 10–16. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-1-10-16>. (In Russian)
16. Schecker M. Sprache und Demenz. In: Fiehler R., Thimm C. (Hrsg.) *Sprache und Kommunikation im Alter*. Radolfzell, Verlag Gesprächsforsch., 2003, S. 278–292. (In German)
17. Fattahov I.M. Clinical and linguistic aspects for development of the geriatric anxiety scale. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 136–148. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.136-148>. (In Russian)
18. Knels C. Kommunikativ-pragmatische Störungen bei Alzheimer-Demenz. *Sprache. Stimme. Gehör*, 2020, Bd. 44, H. 4, S. 90–94. <https://doi.org/10.1055/a-1043-7822>. (In German)
19. Maaß Ch., Rink I. Leichte Sprache: Verständlichkeit ermöglicht Gesundheitskompetenz. *Public Health Forum*, 2017, Bd. 25, H. 1, S. 50–53. <https://doi.org/10.1515/pubhef-2016-2148>. (In German)
20. Kulikova L.V., Magirovskaya O.V., Shatokhina S.A., et al. *Zhestovye yazyki: Lingvistika i sotsial'naya inkluziya* [Sign Languages: Linguistics and Social Inclusion]. Moscow, Flinta, 2022. 126 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Бурмакина Н.Г. Проблема текстовой адресации в геронтолингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.30-39>. ⟩

⟨ **For citation:** Burmakina N.G. The problem of textual engagement in gerontolinguistics. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.30-39>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42+81'37+811.11

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.40-52

ПРАГМАСЕМАНТИКА МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Д. Горячева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей прагмасемантики метатекстуальности в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве. Метатекстуальность трактуется автором как единство собственно метатекстовых элементов и метапоэтических смыслов, поскольку писатель как продуцент автобиографического дискурса всегда характеризует в нем собственное восприятие процесса творчества и эстетических принципов. Основными методами исследования являются индуктивно-дедуктивный метод, метод сравнения и сопоставления, семантический анализ, метод филологической интерпретации. На материале автобиографической книги Ю.К. Олеси «Ни дня без строчки» определено, что основными вербализаторами метатекстуальности выступают вводные слова и конструкции, вставные конструкции, градационные сравнения и развернутые метафоры, лексемы *жизнь*, *писать*, *искусство* и их словообразовательные дериваты, прецедентные онимы, стилизация метапоэтических фрагментов под обращенные монологи. Сделан вывод о том, что прагмасемантический потенциал метатекстуальности обуславливается в своей реализации спецификой метапоэтики автобиографического дискурса писателя как личностного бытийного дискурса.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, языковая личность, прагматика, семантика, метатекстуальность, метатекстовые элементы, текстово-дискурсивное пространство

Современная лингвистика актуализирует изучение автобиографического дискурса в связи с упрочением позиций антропоцентрического подхода к изучению текстово-дискурсивной деятельности языковой личности. Очевидно, что тексты, имеющие автобиографический характер, являются реализацией автобиографического нарратива: события жизни его продуцента упорядочиваются в процессе рассказа о них, вследствие чего получают последовательное осмысление. При этом подобное повествование можно представить как в устной, так и в письменной форме, а его цель всегда – реконструкция некоего личного опыта.

Автобиографический дискурс может быть непротиворечиво описан при опоре на понятия факта, события и нарратива. Факт традиционно трактуют как такие элементы динамично развивающегося конкретного процесса, которые были выбраны адресантом дискурса в соответствии с собственной

ценностной картиной мира и оценочностью. Факт может и не фиксироваться в окружающей действительности, а быть достоянием ментальной сферы (например, фантазией, сном). В процессе «присвоения» субъектом познания факт приобретает новые смыслы, обуславливая функционирование нарративности в автокоммуникации. Событие, как и факт, должно быть избрано адресантом дискурса в том числе и потому, что личность так или иначе вовлечена в это событие – социально-ситуативно или личностно: именно это и делает событие в автобиографическом дискурсе ценностным (см. [1; 2]). Отметим в этой связи, что не только художественный дискурс, но и дискурс автобиографический ориентирован на вовлечение в процесс интерпретации смыслов дискурсивного пространства и автора (адресанта).

С учетом вышеизложенного нарративность автобиографического дискурса представляется необходимым условием его структурирования: нарратив позволяет представить в таком дискурсе события, а сам автобиографический дискурс приобретает обязательную диалогичность. Вне нарратива события нет: для того, чтобы оно было сформировано как данность, о нем должно быть рассказано. Очевидно, событие как компонент нарратива обретает существование посредством адресованности дискурса Другому или автоадресованности. Линейность нарратива определяется последовательностью представления событий, но такая последовательность может быть и не хронологической. В этом случае правомерно говорить о функционировании в автобиографическом дискурсе нарративных стратегий, основанных на психологических или внутрилитературных (связанных с поэтикой текста) дискурсивных компонентах. Е.М. Болдырева отмечает, что «жизненный опыт субъекта – это “черновик” огромного множества историй о себе, “испытательный полигон” для множества нарративных автобиографических проектов» [3, с. 247]. Очевидно, что нарратив языковой личности о событиях собственной жизни выступает прототипической формой автобиографического дискурса.

Автобиографический дискурс характеризуется субъективностью, репрезентированной различными средствами модальности. При этом важно подчеркнуть, что субъективность представляет собой онтологическое свойство мышления, и оно облигаторно реализуется в языке. Нарратив вне субъективности не существует [4, с. 96]; более того, основной функцией нарратива признается субъективизация мира [5]. Сама событийность, выстраиваемая в автобиографическом дискурсе, является следствием реализации интенций автора и целенаправленно-го отбора им событий в жизненном потоке.

Автобиографический дискурс имеет сложную природу потому, что событийность в этом дискурсивном пространстве может иметь характеристики фактуальности и вымысла одновременно: так происходит вследствие влияния на автобиографический дискурс нарративности как процесса рассказывания. При этом вовсе необязательно, что адресант автобиографического дискурса намеренно будет опираться на принципы именно художественного нарратива, однако мы должны иметь это в виду, когда обращаемся к изучению автобиографического дискурса писателя. Конкретные факты исторического и социокультурного процесса, вообще событийность как таковая – это всегда то, что провоцирует автора

на применение домысла и «примысла» даже вне авторской интенциональности, которая могла бы быть направлена на создание заведомо вымышленных ситуаций и описаний событий, не происходивших в действительности. Вымысел в автобиографическом дискурсе имеет иную природу: воспоминания о давно прошедшем не могут быть в полной мере достоверны, автор ненамеренно искажает случившееся с ним, выстраивая исторические факты и события собственной жизни в соответствии с требованиями фабульно-сюжетной модели, свойственной литературно-художественному дискурсу.

Особый интерес представляет изучение автобиографического дискурса художника слова, поскольку в нем практически всегда могут быть выявлены элементы метатекстуальности, так или иначе объясняющие не только выбор языковой единицы, синтаксической конструкции, словесного образа, но и сам процесс творчества, его обусловленность фактами внешней биографической жизни и так называемой «внутренней биографии», становления таланта, его психологической и социокультурной обусловленности. Совершенно особое место в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве занимают автобиографические записки, мемуары, которые помещены в прагматические координаты неканонической коммуникативной ситуации, когда продуцент дискурса отделен от реципиента значительной дистанцией в пространстве и времени. Важно в этом отношении и то, что между биографической личностью автора и субъектом *Я*-нарратива в самом автобиографическом дискурсе могут возникать значительные различия именно ввиду отдаленности событий в физическом и психологическом времени.

Метатекстовые элементы маркируют собственно метатекст как такой языковой феномен, в котором анализу подвергаются свойства, закономерности и методы построения другого текста, а также сама его структура. Метатекстуальность характеризуется двунаправленностью, представленной метатекстовыми элементами, – структурным и семантическим анализом. Последние десятилетия ознаменованы пристальным вниманием лингвистов к метатексту и метатекстуальности, при этом они изучаются в различных текстово-дискурсивных пространствах. Однако недостаточно внимания уделялось, на наш взгляд, анализу метатекстуальности в автобиографическом дискурсе писателя, что закономерно обуславливает определенный эвристический потенциал обозначенного ракурса лингвистических исследований.

Материалом настоящего исследования выступает автобиографическая книга Ю.К. Олеси «Ни дня без строчки» – в сущности, это цикл небольших по объему автобиографических очерков; первые отрывки из этой книги были опубликованы в 1956 г. в альманахе «Литературная Москва», книга вышла в 1965 г. Выбор материала обусловлен важной для изучения автобиографического дискурса широкой представленностью в текстово-дискурсивном пространстве метатекстовых элементов, характеризующих не только нарратив языковой личности, но и коммуникативный репертуар литературной личности Ю.К. Олеси.

Как метатекст («текст о тексте») трактуются «авторское повествование в повествовании», «автометатекстуальность», «саморефлексии», «метарефлексии», «автокомментарии», «метаповествования» и пр. Т.М. Николаева указывает

на понимание метатекста как компонента семантической структуры текста при отсутствии разграничения метатекста и пропозициональных структур: это эксплицитные языковые (частично параязыковые) средства, реализующие текстуальные, интерперсональные или контекстуальные функции, с помощью которых текст или ситуация воспринимаются реципиентом как единое целое в особым образом структурированной интерпретации за счет метатекстуального комментирования содержания текста-объекта в процессе его порождения [6].

А. Вежицкая определяет метатекст как высказывание об основном тексте [7], что дает возможность уточнить понимание этого коммуникативно-прагматического феномена не как системного текстового образования, но как некоего набора особых метаэлементов, которые углубляют семантику основного текста и структурируют его (вводные слова, вставные конструкции, вербализаторы субъективной модальности и пр.) [8–10]. Метатекст в художественном тексте акцентирует внимание читателя не только на вымышленных событиях, но и на личности самого автора, на процессе продуцирования текста [11]. Поэтому закономерно, что метатекстовые элементы становятся сферой исследовательского интереса и в координатах изучения метапоэтики [12], система которой реконструируется на основе данных метатекста и самого метапоэтического текста.

В автобиографическом дискурсе писателя нам представляется целесообразным рассматривать метатекстуальность в единстве собственно метатекстовых элементов и метапоэтических смыслов, поскольку художник слова всегда высказывается о процессе творчества, о принципах эстетики слова. Ю.К. Олеша, рассуждая о природе писательства, создает метапоэтические контексты разного объема. Они зачастую отсылают читателя к авторитету посредством прецедентных онимов (в данном примере – *Лев Толстой или Гончаров*): «Уже почти не о чем писать. Я, конечно, мог бы писать романы с действующими лицами, как писал Лев Толстой или Гончаров, который, кстати говоря, прорывался уже в неписание, по мне делать это было бы уныло. Время тлеть» (Олеша, с. 362). Прецедентными эти имена собственные становятся именно в конкретном контекстуальном окружении, поскольку для Ю.К. Олеси важно подчеркнуть «населенность» многочисленными героями романов обоих писателей XIX в., акцентируя внимание адресата на общеизвестных аспектах творчества своих предшественников, а значит, выявить те особенности их текстов, которые и так уже закреплены в сознании обычного читателя как показатели творческого кредо. Кроме того, этот метапоэтический контекст характеризуется наличием метатекстовых элементов, к которым относим вводное слово *конечно*, вводную конструкцию *кстати говоря*, вставные конструкции, характеризующие метапоэтические смыслы приведенного фрагмента: *как писал Лев Толстой или Гончаров; по мне делать это было бы уныло*. Очевидно, что метатекстуальность приведенного макроконтракста опирается на употребление ключевых слов и высказываний с семантикой литературного творчества: *уже почти не о чем писать; я мог бы писать; прорывался уже в неписание*. Прагматика метатекстуальности фиксируется в этом случае как воздействие на читателя посредством сравнения личности самого проду-

цента автобиографического дискурса, Ю.К. Олеши, и его предшественников в литературном процессе, и смысловой ряд замыкается фразой *время тлеть*, в которой внимательный читатель должен уловить авторскую иронию как показатель объективации субъективной модальности.

Также в следующем фрагменте: «До некоторых размышлений Томаса [Манна] мне не дотянуть, но в красках и эпитетах я не слабее» (Олеша, с. 469) – отметим вполне оправданное сопоставление Ю.К. Олешей себя и своих творческих поисков с классиками мировой литературы: ясно, что не только в *красках и эпитетах* видит писатель собственные заслуги перед русской литературой. Философские размышления – это и его, Ю.К. Олеши, а не только Т. Манна, избранная сфера. Очевиден здесь имплицитный смысл: автор вполне оправданно осознает себя равным Т. Манну, только творческий процесс, объективированный в том числе и посредством метатекстовых элементов в приведенном контексте, у Ю.К. Олеши, разумеется, иной. И ключевое отличие фиксируется именно в лексическом сочетании в *красках и эпитетах*, так как проза писателя импрессионистична, в ней выходят на первый план бесценные мгновения впечатлений.

Конечно, метатекст в автобиографическом дискурсе писателя не может не содержать отсылок к авторитету в литературном процессе в целом: такие контексты позволяют читателю судить не только об особенностях творческого процесса самого автора, но и о тех моделях писательского творчества, которые он считает для себя на определенном этапе развития своего таланта образцовыми, например: «Под очарование этих писателей [Верфель, Перуц, Мейринк] довольно трудно было не поддаться – особенно начинающему, не воспитывающемуся на русской литературе, приехавшему из европообразной Одессы» (Олеша, с. 468). Прагматическими маркерами метатекстуальности и метапоэтики выступают в данном случае лексемы и лексические сочетания *очарование, трудно было не поддаться, на русской литературе, из европообразной Одессы*, ориентирующие адресанта автобиографического дискурса на нужный ракурс восприятия культурной среды, в которой формируется и оттачивается талант Ю.К. Олеши.

Метатекстуальность в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеши эксплицирована через автохарактеристики проявлений творческого процесса, например: «Затем присоединился факт, еще более расшатавший и без того расшатанную технику писания – я бросил курить. Тут уж совсем разладилась связь между головой и рукой. Казалось, навсегда утрачено то чудо – владение скорописью! Оттого, что я писал, не куря, тяжело стучало сердце...» (Олеша, с. 418). В приведенном макроконтексте отмечается вербализация семантики литературного творчества (*технику писания; владение скорописью; писал, не куря*). Особо отметим и явления физического характера, сопровождающие автобиографические события (*бросил курить – оттого, что я писал, не куря, тяжело стучало сердце*), а также развернутые метафоры (иногда с употреблением повторов), которые органично характеризуют коммуникативный репертуар языковой личности Ю.К. Олеши (*еще более расшатавший и без того расшатанную технику писания; совсем разладилась связь между головой и рукой; навсегда утрачено то чудо – владение скорописью*).

Метатекст как прагматический и функционально-семантический феномен свойственен любому тексту, однако метатекстуальность проявляется на самых разных его уровнях именно в случае, когда мы имеем дело с метапоэтическим текстом как значимым компонентом автобиографического дискурса художника слова. В этом случае закономерно говорить об организующей функции метатекстуальности, о чем писала А. Вежбицкая, рассматривая «метатекстуальные нити»: «Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [7, с. 421]. В автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси метатекстовые элементы способствуют объективации мироощущения художника при опоре на реалии окружающего мира: «Помню, в Голицыне, написав фразу, я вскакиваю, выбегаю на эту дачную, пыльную, зеленую с гусями и козами дорогу. Какая мука! Боже мой, какая мука! Доходило до того, что я писал в день не больше одной фразы» (Олеша, с. 418). Емкое и выразительное описание дачной дороги с гусями и козами способствует углублению семантического потенциала данного макроконтраста: автор под воздействием восприятия творческого процесса ощущает и само пребывание в Голицыне как муку, и это акцентировано высказываниями с восклицательной интонацией (*Какая мука! Боже мой, какая мука!*).

Представляется, что метатекстуальность в автобиографическом дискурсе имеет и определенные лексические маркеры: прежде всего, такими показателями метатекста, которые сообщают дискурсивному пространству прагматические признаки нарративности, является глагольная лексема *писать* (в различных грамматических формах), например: «Пусть я пишу отрывки, не заканчивая, но я все же пишу! Все же это какая-то литература – возможно и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать – и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так» (Олеша, с. 251). В приведенном контексте примечательно, что автор намеренно нарушает стилистические нормы, используя многократные повторы, нигде не заменяя формы глагола *писать* на синонимичные (*пишу, писать, пишет*). Прагматика метатекстуальности реализована в этом дискурсивном фрагменте, ориентированном на диалогичность коммуникации с читателем, и за счет включения в смысловое пространство автобиографического дискурса лексических маркеров сфер *Литература, История и Психология* (*Все же это какая-то литература – возможно и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать*).

Необходимо особо выделить контексты, в которых смыслоорганизующим началом, фокусирующим прагматическое воздействие на адресата, становится авторская ирония, например: «У меня есть убеждение, что я написал книгу (“Зависть”), которая будет жить века. У меня сохранился ее черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!» (Олеша, с. 395). Безусловно, метатекстуальность автобиографического дискурса маркирована здесь соответствующими лексемами и лексическими сочетаниями, которые направлены на оценивание писательской деятельности (*написал книгу, черновик, написанный от руки, от этих листов*).

Однако авторская ирония также сосредоточивается в сегментах высказываний, которые характеризуют литературное творчество, создавая некую двойную призму восприятия самого себя адресантом автобиографического дискурса (*будет жить века, эманация изящества*). Адекватное декодирование авторской иронии направляется самим автором посредством заключительной в этом контексте фразы *Вот как я говорю о себе!*, акцентирующей внимание читателя на том, что именно так, конечно, истинно интеллигентный человек о самом себе говорить не может.

Метатекстуальность в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси может иметь и явно саркастический оттенок, например: «В дневниках, задуманных специально для того, чтобы из них получилось нечто такое, что будет вскоре печататься и представит для читателя интерес, есть что-то глуповатое» (Олеша, с. 447). В приведенном контексте авторская оценка высказана прямо (*есть что-то глуповатое*), однако судить о формировании высшей степени проявления иронии позволяет весь предшествующий контекст (*задуманных специально, нечто такое, будет вскоре печататься*).

Метатекстуальность обусловлена в своем функционировании комплексом модусных категорий автобиографического дискурса – субъективностью и эгоцентричностью, персуазивностью, оценочностью, собственно авторизацией. Обозначенные категории способствуют не только отражению сознания продуцента дискурса – они имеют прагматическое значение ввиду того, что напрямую воздействуют на восприятие фрагмента дискурса реципиентом. Отличия метатекста и, шире, метатекстуальности в метапоэтическом автобиографическом дискурсе от ряда модусных категорий состоит именно в выборе аспектов рефлексии самим Говорящим [13, с. 48]. В автобиографической книге «Ни дня без строчки» находим следующий контекст в подтверждение этому: «Одна фраза, которая преследовала меня именно тем, что она – только одна, что она короткая, что она родилась не в творческих, а в физических муках. Казалось, она, подернутая рябью, бежит за мной, зацепляется за дерево, разглаживается на шерсти козленка, опять бежит, наклеивается этикеткой на четвертинку. Это был бред, это было разговаривание с самим собой, мука, жара – некурение и утрата владения письмом...» (Олеша, с. 418). Языковое сознание Ю.К. Олеси удивительно живописно, что способствует созданию зримых образов, характеризующих авторскую метапоэтику. Необходимо особо выделить в приведенном макроконтексте метафорическое восприятие писательского труда (*фраза... преследовала меня; [фраза] родилась... в муках; она, подернутая рябью, бежит за мной, зацепляется за дерево, разглаживается на шерсти козленка, опять бежит, наклеивается этикеткой на четвертинку*). Обращает на себя внимание и вводное слово *казалось*, фиксирующее авторскую модальность, а также ряд однородных членов *бред, это было разговаривание с самим собой, мука, жара – некурение и утрата владения письмом*, в котором реализована семантика восходящей градации – усиления признака.

Разумеется, метатекстовые элементы реализованы с помощью вербальных и паралингвистических средств, зачастую вступающих с модусными категориями авторизации, искренности, осторожности, ментального модуса в оппозитивные

отношения, которые, в свою очередь, способствуют продуцированию синкретичных метапоэтических контекстов. Например: «Совершенно не важно, разумеется, чем пишешь. Ведь можно и диктовать! А когда из уст великого человека вылетают какие-либо образы, ведь он их не пишет, они – в воздухе! Правда, иногда ощущаешь связь между рукой и головой, когда перед тобой белеет страница. Правда, письмо рукой – это письмо, если можно так выразиться, цепью, это бег... Что касается работы на машинке, то я каждый раз затрачиваю много силы на то, чтобы приподнять и передвинуть всю махину: возможно, это влияет на ход работы – скорее надоедает, скорее чувствуешь желание отдохнуть...» (Олеша, с. 434). В приведенном макроконтексте Ю.К. Олеша не столько размышляет о природе творчества, сколько проживает разные моменты творческого процесса именно в момент его нарративизации. Основными вербализаторами метатекстуальности выступают вводные слова и конструкции, при этом прагматика метатекстуальности в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеша основывается на изобразительности ситуаций, обусловливаемых писательским трудом, и именно эта изобразительная сила позволяет осуществлять воздействие на воображение читателя (*ощущаешь связь между рукой и головой, когда перед тобой белеет страница; письмо рукой – это письмо, если можно так выразиться, цепью, это бег; что касается работы на машинке, то я каждый раз затрачиваю много силы на то, чтобы приподнять и передвинуть всю махину*).

Важным прагмасемантическим свойством метатекстуальности в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеша следует считать и стилизацию его текстов под обращенный монолог. Ясно, что такой монолог адресован читателю, например: «Главное свойство моей души – нетерпение. Я вспоминаю, что всю мою жизнь я испытывал мешавшую мне жить заботу именно о том, что вот что-то надо сделать и тогда я буду жить спокойно. Эта забота рядилась в разные личины: то я предполагал, что это “что-то” – это роман, который надо написать, то это хорошая квартира, то очередное получение паспорта, то примирение с кем-либо, – на самом же деле это важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, была сама жизнь. Таким образом, можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь – подождите, вот умру, и тогда уж буду жить» (Олеша, с. 251). Основными средствами метатекстуальности, тесно сопряженными с реализацией авторской модальности и субъективности, следует в приведенном фрагменте считать Я-нарратив (повествование от первого лица: *я вспоминаю, я предполагал* и т. п.), автохарактеристики (*главное свойство моей души – нетерпение*), афористичность синтаксических конструкций (*на самом же деле это важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, была сама жизнь; подождите, вот умру, и тогда уж буду жить*). Закономерно появление в данном макроконтексте и ряда однородных членов, которые градиационно расширяют многообразие жизненных явлений.

Особое место в автобиографической книге Ю.К. Олеша занимают его воспоминания о детстве и юности. Мы вправе включить в сферу метатекстуальности и такие макроконтексты, в которых автор говорит с читателем об эпизодах, на первый взгляд не связанных с формированием литературного таланта. Однако то, как проявляла себя языковая личность писателя в прошлом,

как реализуется его образное мышление, во многом оказывает влияние на его размышления о собственной жизни и судьбе, на высказывания о писательском мастерстве. Например: «Между тем я всегда был оптимистом и очень любил жизнь. Я до сих пор помню то наслаждение, которое я испытывал, вдыхая запах свежеекрашенных зеленой краской дощечек, на которых я собственноручно выводил белилами имена лошадей, над чьими стойлами должны были красоваться эти дощечки... Масляная краска вдвухала в тело здоровье. По всей вероятности, так пахнул именно скипидар. А лошади? Видел ли я их? Не помню. Лошадей я и не приметил. Я видел только дощечки цвета луга и белые, почти колбасками возвышавшиеся над плоскостью дощечки буквы. Я исполнял эту работу как любитель, как мальчик, которому разрешили делать нечто сверхжеланное...» (Олеша, с. 251–252). Вновь читатель воспринимает ситуацию, произошедшую с автором в далеком прошлом, но это ситуация, косвенно связанная именно с писанием (не из нее ли сформируется любовь к слову как к таковому, к его изобразительности и образности?). Представляется вполне ожидаемым совмещение семантики жизни (*я всегда был оптимистом и очень любил жизнь*) и «писательства», пока еще не настоящего литературного творчества, а написания (*я собственноручно выводил белилами имена лошадей*), живописности изображаемой окружающей автора реальности (*наслаждение, которое я испытывал, вдыхая запах свежеекрашенных зеленой краской дощечек*) и его увлеченности порученным (*я исполнял эту работу как любитель, как мальчик, которому разрешили делать нечто сверхжеланное*).

Безусловно, иллюзия припоминания, свойственная в целом автобиографическому дискурсу, позволяет автору книги «Ни дня без строчки» знакомить читателя с собственными размышлениями о первой пробе пера, о том, каковы были первоначальные опыты в рамках литературного творчества, например: «Помню отрывок об Эдгаре По – как его несут подобранного в сквере с волочащимся по земле краем пальто. Помню по поводу писем Ван-Гога – какой он скромный, как в своей скромности уговаривает он брата, что в конце концов и он мог бы заниматься живописью – подумаешь! Помню о том, что моя заветная мечта – сделать сальто-мортале. Еще целый ряд отрывков. Есть где-то в папках Гершель, поднимающийся с гостем в обсерваторию, затем мое, гимназиста, удивление по поводу того, что латынь это не что иное, как язык древних римлян. Еще раньше – отрывок о том, как умер от скарлатины гимназист Володя Долгов и мы пришли на похороны, как мы шли по переулку и, казалось, церковь идет нам навстречу. Там же об окне, раскрытом среди зимы, по которому вьется, вылетая из него, занавеска, чем-то напоминающая рыдание – образ смерти. Еще много отрывков, картин, набросков, мыслей и красок. Нужно сохранять все. Это и есть – книга» (Олеша, с. 252). Представляется весьма показательным, что Ю.К. Олеша в целом ряде высказываний реализует анафору (*помню...*), что усиливает прагматический эффект, формируя доверие читателя к информации в этом метапоэтическом фрагменте. Широта литературных и эстетических интересов юного Олеша, о котором вспоминает взрослый автор, завораживает: упомянуты выдающийся астроном *Гершель, поднимающийся с гостем в обсерваторию*, эпизод смерти Эдгара Аллана По. Важны также

яркая изобразительность и символичность образного мировосприятия автора (*об окне, раскрытом среди зимы, по которому вьется, вылетая из него, занавеска, чем-то напоминающая рыдание*).

Одной из семантических доминант, организующих метапоэтические контексты в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси и дополняющих размышления о литературном творчестве, выступает феномен искусства, обращение к которому обуславливает репрезентацию философских размышлений автора по поводу собственного призвания, погруженности в жизнь, растворенности в ней, например:

«Когда-то я, описывая какое-то свое бегство, говорил о том, как прикладываю лицо к дереву – к лицу брата, писал я; и дальше говорил, что это лицо длинное, в морщинах и что по нему бегают муравьи...

У Ренара похоже о деревьях: семья деревьев, она примет его к себе, признает его своим... Кое-что он уже умеет: смотреть на облака, молчать. Мне всегда казалась доказанной неделимость мира в отношении искусства. В разных концах мира одно и то же приходит в голову» (Олеша, с. 493–494).

Метатекстовый потенциал автобиографического дискурса во многом определяется тем, что в целом этот дискурс нарративен и к нему применимы критерии нарративности: таковы субъективность, специфическая коммуникативная ситуация, дистанция во времени и в пространстве между продуцентом и реципиентом дискурса, а также между субъектом Я-нарратива и изображаемым в автобиографическом дискурсе миром. Автобиографический дискурс призван осуществлять самопрезентацию, и в этом заключается его основной прагматический потенциал. В отношении автобиографического дискурса Ю.К. Олеси нами уточнены средства реализации прагмасемантического потенциала метатекстуальности, обусловленные спецификой метапоэтики этого личностного бытийного дискурса: вводные слова и конструкции; вставные конструкции; градационные сравнения и развернутые метафоры; семантические доминанты, выраженные лексемами *жизнь*, *писать*, *искусство* и производными от них, входящими в словообразовательные гнезда; прецедентные онимы; стилизация метапоэтических фрагментов под обращенные монологи. Метатекстовые элементы актуализируют специфику мироощущения художника при опоре на реалии окружающего мира. В целом такие элементы разноуровневой принадлежности в автобиографическом дискурсе писателя призваны структурировать текст как единое целое, а также отразить оценку автором истинности, неистинности, сомнительности смыслового содержания текста-объекта. Прагмасемантика метатекстуальности определяется тем, каким образом продуцент автобиографического дискурса актуализирует собственную рефлекссию относительно собственных текстов и литературного творчества.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Олеша – Олеша Ю.К. Ни дня без строчки // Олеша Ю.К. Избранное. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. С. 247–538.

Литература

1. *Тюпа В.И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. С. 5–31.
2. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
3. *Болдырева Е.М.* Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогич. вестн. 2017. № 4. С. 242–251.
4. *Артюнина А.А.* Нарратив как форма речевой онтологизации концепта (на примере концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2019. 150 с.
5. *Bruner J.* Acts of Meaning. Ser.: The Jerusalem-Harvard Lectures. Cambridge, MA, London: Harvard Univ. Press, 1990. 208 p.
6. *Николаева Т.М.* Метатекст и его функция в тексте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 133–174.
7. *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс. 1978. С. 402–421.
8. *Гурочкина А.Г.* Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 52–57.
9. *Иванов Н.В.* Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контакты: структура, коммуникация, дискурс. Материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет, 2007 г. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
10. *Резанова З.И.* Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии // Язык и культура. 2008. № 1. С. 78–85.
11. *Андрусенко Е.А.* Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) // Сибирский филологич. журн. 2011. № 1. С. 89–94.
12. *Штайн К.Э.* Метапоэтика: «размытая» парадигма // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: Антология в 4 т. Том 1. XVII–XIX вв. Барокко. Классицизм. Сентиментализм. Романтизм. Реализм; под общ. ред. К.Э. Штайн. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. С. 103–128.
13. *Перфильева Н.П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2006. 284 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 19.05.2024

Горячева Елена Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов

Южный федеральный университет

ул. Б. Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.40-52

Pragmasemantics of Metatextuality in Autobiographical Discourse*E.D. Goryacheva**Southern Federal University, Rostov-on-Don, 344006 Russia**E-mail: edgoryacheva@sfsedu.ru*

Received March 20, 2024; Accepted May 19, 2024

Abstract

This article explores the pragmasemantic features of metatextuality in the discourse of autobiographical narrative. Autobiographical discourse is inherently subjective and expressed through various modalities. Subjectivity is an ontological property of thinking, inevitably manifested in language. Here, metatextuality was defined as a unity of explicit metatextual elements and metapoetic meanings, given that the writer, producing autobiographical discourse, impregnates it with their personal perception of the creative process and aesthetic principles. The methods used include inductive-deductive reasoning, comparison and contrast, semantic analysis, and philological interpretation. Based on the analysis of Yuri Olesha's autobiographical book "Not a Day without a Line", the main verbalizers of metatextuality (introductory words and phrases; inserted constructions; gradational comparisons and expanded metaphors; lexemes *zhizn'* (life), *pisat'* (write), and *isskustvo* (art), as well as their word-forming derivatives; precedent onyms; stylization of metapoetic fragments as monologues) were identified. The results obtained show that the pragmasemantic potential of metatextuality is determined by its alignment with the metapoetics of the writer's autobiographical discourse as a form of personal, existential discourse.

Keywords: autobiographical discourse, linguistic identity, pragmatics, semantics, metatextuality, metatextual elements, text and discourse space

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Tyupa V.I. Essay on modern narratology. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Vol. 5. Novosibirsk, Izd. NGU, 2002, pp. 5–31. (In Russian)
2. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2003. 312 p. (In Russian)
3. Boldyreva E.M. Autobiographism and autobiography: Self-construction and semiotization of the subject. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, no. 4. pp. 242–251. (In Russian)
4. Artyunina A.A. Narrative as a form of the concept's speech ontologization (based on the concept VOSPOMINANIE/REMINISCENCE in the Russian and English languages). *Cand. Philol. Diss.* Irkutsk, 2019. 150 p. (In Russian)
5. Bruner J. *Acts of Meaning*. Ser.: The Jerusalem-Harvard Lectures. Cambridge, MA, London, Harvard Univ. Press, 1990. 208 p.
6. Nikolaeva T.M. Metatext and its function in the text. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Insights into Text Structure]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 133–174. (In Russian)
7. Wierzbicka A. Metatext in the text. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Advances in Foreign Linguistics]. Vol. 8: Text linguistics. Moscow, Progress, 1978, pp. 402–421. (In Russian)
8. Gurochkina A.G. Metalanguage, metacommunication, and metatext (on the scope of concept's content). In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Vol. 5: Study of

- cognitive processes in language. Moscow, Inst. Yazykozn. Ross. Akad. Nauk; Tambov, Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009, pp. 52–57. (In Russian)
9. Ivanov N.V. Intertext – metatext: Culture, discourse, and language. *Yazykovye kontakty: struktura, kommunikatsiya, diskurs. Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii po aktual'nyim problemam yazyka i kommunikatsii. Voennyi universitet, 2007* [Language Contacts: Structure, Communication, and Discourse. Proc. Interuniv. Sci. Conf. on the Current Problems of Language and Communication. Military University, 2007]. Moscow, Kniga Bizness, 2007, pp. 43–50. (In Russian)
 10. Rezanova Z.I. The word's internal form as an object of metalinguistic reflection. *Yazyk i Kul'tura*, 2008, no. 1, pp. 78–85. (In Russian)
 11. Andrusenko E.A. Functions of metatext in literary works (based on V. Astafyev's writings). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 89–94. (In Russian)
 12. Stein K.E. Metapoetics: “Blurred” paradigm. In: *Tri veka russkoi metapoetiki: legitimatsiya diskursa: Antologiya* [Three Centuries of Russian Metapoetics: Discourse Legitimation. Anthology]. Vol. 1: 18th–19th centuries. Baroque. Classicism. Sentimentalism. Romanticism. Realism. Stein K.E. (Ed.). Stavropol, Stavrop. Kn. Izd., 2002. pp. 103–128. (In Russian)
 13. Perfil'eva N.P. *Metatekst v aspekte testovykh kategorii* [Metatext in the Aspect of Text Categories]. Novosibirsk, Novosib. Gos. Pedagog. Univ., 2006. 284 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Горячева Е.Д. Прагмасемантика метатекстуальности в автобиографическом дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 40–52. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.40-52>. ⟩

⟨ **For citation:** Goryacheva E.D. Pragmasemantics of metatextuality in autobiographical discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 40–52. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.40-52>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.53-65

ИДИОЛЕКТ ГЕРОЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА В ЗЕРКАЛЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Н.А. Бонадык

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, 119034, Россия

Аннотация

В статье дана характеристика идиолектов двух главных героев романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а также осуществлен анализ трудностей, возникающих при переводе писем одного из героев, Макара Девушкина, на японский язык. Его речь сочетает в себе высокопарные и просторечные обороты, чиновничий жаргон, отличается большим количеством примеров языкового творчества, с одной стороны, и стилистических ошибок – с другой. Предметом исследования стала оценочная лексика, широко представленная в идиолекте Макара Девушкина. В силу того, что оценочная коннотация редко фиксируется в словарях и может приобретаться даже нейтральным словом под влиянием контекста, перевод такой лексики представляет особую сложность. Описаны основные стратегии, которые применяют переводчики для адекватной передачи идиолекта Макара Девушкина на японском языке: подбор окказионального соответствия, опущение и буквальный перевод. Кроме того, приведены факторы, влияющие на выбор переводчиками одной из стратегий.

Ключевые слова: «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, эпистолярный роман, опущение, буквальный перевод, идиолект, окказиональное соответствие, основание оценки, стилистическая ошибка, широкий контекст, языковое творчество

Введение

«Бедные люди» (1846) – первый роман Ф.М. Достоевского; он представляет собой переписку двух главных героев – Макара Девушкина и Варвары Добросёловой. Эпистолярная форма произведения позволяет автору не только представить события романа глазами героев, но и создать их детальные речевые портреты. Идиолект каждого из персонажей тесно связан с происхождением, уровнем образования, характером героя, его индивидуальными особенностями.

В рамках настоящей работы рассмотрена проблема перевода оценочной лексики в письмах Макара Девушкина, так как, на наш взгляд, его идиолект представляет особую трудность при передаче на иностранном языке. Под оценкой мы будем понимать модальность, которая «выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта» [1, с. 22–23] по шкале «хорошо – плохо».

Одна из сложностей при переводе оценочной лексики состоит в том, что, с одной стороны, наличие оценочной коннотации далеко не всегда отражается в

словарях, даже если она является устойчивым компонентом значения, а с другой – любое, даже нейтральное, слово может приобретать оценочное значение под влиянием контекста. Таким образом, для распознавания оценочного значения переводчику необходимы высокий уровень владения исходным языком (ИЯ), глубокие познания в культуре страны ИЯ, а также развитое языковое чутье.

Новизна исследования обусловлена малой изученностью аксиологического аспекта перевода в общем и в языковой паре «русский – японский» в частности, а также отсутствием научных работ, которые предлагали бы анализ языковых особенностей рассматриваемых нами переводов романа «Бедные люди» на японский язык. Методологическая база включает общенаучные методы, а также ряд лингвистических – таких как методы дефиниционного, контекстуального анализа, а также компаративного анализа оригинала и перевода.

Были рассмотрены переводческие стратегии, применявшиеся для передачи особенностей идиолекта Макара Девушкина, на материале текста романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а также двух его переводов на японский язык, осуществленных Нобуюки Китагаки (КТГ) в 1970 г. и Харуко Ясуоки (ЯСК) в 2010 г.¹ В качестве объекта анализа выступали только первые письма М. Девушкина, написанные до прочтения им произведений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, которые заметно повлияли на его собственный литературный стиль.

Стоит отметить, что переводы произведений Ф.М. Достоевского на японский язык впервые стали появляться еще в конце XIX в., при этом изначально они осуществлялись не с русского языка в силу незнания его переводчиками. Так, в 1892 г. Утида Роан выполнил перевод романа «Преступление и наказание» с английского языка, именно с него началось знакомство японцев с творчеством русского писателя. Первый перевод с русского языка появился в 1902 г. (рассказ «Елка и свадьба», в переводе получивший название 胸算用 [мунадзанъё] «Мысленный расчет»), его выполнил ректор Русской православной семинарии Какусабуро Сэнума, он вышел под редакцией известного писателя того времени Коё Одзаки. В 1904 г. был издан перевод отрывка романа «Бедные люди», озаглавленный «Бедная девушка», над которым работала Каё Сэнума, ученица Коё Одзаки. Однако активно переводить произведения Ф.М. Достоевского в Японии начали только с 1914 г., когда в результате перевода с русского языка были опубликованы на японском языке романы «Униженные и оскорбленные» (перевод Сёму Нобори), «Преступление и наказание» (перевод Хакуё Накамуры), «Идиот» (перевод Масао Ёнэкао), а также ряд коротких рассказов. За 15 лет эпохи Тайсё (1912–1926) на японском языке вышло четыре собрания сочинений Ф.М. Достоевского, в которые вошли переводы как с английского, так и с русского языка. После этого новое собрание сочинений увидело свет только в 1936 г., в нем ряд произведений был переведен повторно. С 1969 по 1971 г. было издано полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, перевод которых целиком выполнил Масао Ёнэкао. В 70-е годы XX в. переводы, которые ранее считались классическими, начинают устаревать, поэтому многие произведения переводились снова. Именно тогда, в 1970 г., появляется рассма-

¹ Цитаты приводятся по второму изданию перевода, опубликованному в 2016 г.

триваемый в настоящей статье перевод романа «Бедные люди», осуществленный Нобуюки Китагаки. В 2006 г. выходит перевод романа «Преступление и наказание» Икуо Камэямы, который становится бестселлером и приводит к резкому росту популярности Ф.М. Достоевского в Японии и появлению новых переводов [2, с. 61]. Неудивительно, что вскоре, в 2010 г., Харуко Ясуока вновь переводит роман «Бедные люди».

Краткая характеристика идиолектов персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»

Как уже отмечалось выше, объектом исследования является передача при переводе на японский язык особенностей идиолекта Макара Девушкина. При этом более явными и выразительными они становятся благодаря сопоставлению с письмами второго главного персонажа романа, Варвары Добросёловой, – молодой девушки, получившей образование в пансионе и довольно начитанной (так, она советует Девушкину прочесть произведения А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя). Критики и исследователи нередко называли художественный образ Вареньки, как и ее эпистолярный стиль, невыразительным, а ее роль в романе сводили к второстепенной. Например, В.Г. Белинский отмечал, что «лицо Вареньки как-то не совсем определено и окончено», а ее письма по уровню художественного мастерства заметно отстают от писем Макара Девушкина [3, с. 555]. Схожей позиции придерживается и В.В. Виноградов, и – более того – он видит в ней не самостоятельного персонажа, а скорее инструмент, который влияет на состояние М. Девушкина и толкает его на те или иные действия [4, с. 163]. Кроме этого, В.В. Виноградов отмечает связь образа Вареньки с сентиментализмом, чем, на его взгляд, и продиктован ее стиль, который может казаться «благообразным», «холодным», «напоминающим ученическое упражнение на заданные темы» [4, с. 165]. Иначе расценивать образ Вареньки предлагает современный исследователь В.И. Буяновская: с ее точки зрения, стиль героини представляет своего рода эталон грамотной, красивой речи, к которому стремится Макар Девушкин [5, с. 156]. На контрасте с этим эталоном особенно отчетливо проявляются все особенности его идиолекта. Речь Вареньки свидетельствует о ее начитанности и образованности, с одной стороны, и об отсутствии литературных амбиций, которые сделали бы ее стиль более индивидуальным, – с другой.

Макар Девушкин – немолодой чиновник, дальний родственник Вареньки, главная радость его жизни состоит в возможности проявлять заботу о ней и изливать ей свои мысли и чувства в письмах. Чувство нежности выражается в проявлении участия («У меня за вас, родная моя, все сердце изныло. Ведь вот, душечка моя, я вот знаю, что у вас теплого салопа нет» (БЛ, с. 16)), признаниях, что все его мысли заняты только ей, и ласковых обращениях («маточка», «ангельчик», «голубчик» и др.). При этом, как отмечает исследователь В.Н. Захаров, чувство это Варенька не разделяет и, скорее, тяготится вниманием со стороны героя [6, с. 621–622].

Судя по всему, Макар Девушкин малообразован, получил только среднее образование [7, с. 97]. Что касается отношений героя с литературой, в нача-

ле романа он искренне восхищается графоманскими сочинениями своего соседа Ратазьева и видит главную цель литературы в том, чтобы быть красивой и приносить радость. Он «падок на все броское, яркое, экзотичное» [8, с. 75]. М. Девушкин в своих письмах многословен, он же в качестве достоинства прозы Ратазьева отмечает то, что у него «перо такое бойкое и слогу пропасть». Герой Ф.М. Достоевского не лишен литературных амбиций: он делится с Варенькой фантазией об издании своих стихов. При этом к своим способностям он относится очень критически, постоянно сетуя, что у него «слогу нет».

В речи Макара Девушкина много изящных, высокопарных элементов («сияние такое было на сердце», «люди, живущие в заботе и тревожении»), за нагромождением слов не всегда легко уловить смысл написанного, хотя встречаются в его письмах и по-настоящему интересные, творческие обороты, например: «...да и я все такой же; так, каким был, совершенно таким же и остался, – *так чего же тут было на Пегасе-то ездить?* (курсив наш. – Н. Б.)» [8, с. 77] (БЛ, с. 10). В речи М. Девушкина мы также можем наблюдать изобилие слов с экспрессивными, диминутивными суффиксами положительной оценки («часочек», «личико», «придумочка», «ходит стороночкой» и др.), что говорит о недостаточном уровне образования героя и сентиментальном складе его характера.

Другая отличительная черта идиолекта Макара Девушкина – вкрапление в его речь «типичных черт канцелярского, разговорно-чиновничьего диалекта» с характерной для него лексикой и синтаксическим строем [4, с. 113].

В речи героя романа Ф.М. Достоевского много повторов, оговорок, уточнений, междометий – он постоянно испытывает на себе чужой неодобрительный взгляд и чувствует необходимость оправдаться; «под этим-то чужим взглядом и корчится речь Девушкина» [9, с. 100]. Ему бывает сложно довести изящно начатую мысль до конца, как будто в какой-то момент он начинает бояться, что его «плетение словес» со стороны выглядит смешно («солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и *остальное там все было тоже соответственное* (курсив наш. – Н. Б.)» (БЛ, с. 5).

Перечисленные особенности создают особый, индивидуальный стиль писем Макара Девушкина, в котором сочетаются вычурность, продиктованная желанием «писать позатейливее», просторечность и чиновничий жаргон. Как писал в своих дневниках сам Ф.М. Достоевский: «Девушкин иначе и говорить не может. Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет» [9, с. 98]. При этом отметим, что после знакомства (благодаря участию Вареньки) с произведениями А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя Макар Девушкин не только развивается духовно, но и пересматривает свое отношение к литературе. Вместе с этим меняется и его собственный стиль, письма делаются лексически и синтаксически сложнее и разнообразнее. И это – результат осознанной работы героя: «Начал я вам описывать это все, частью, чтобы сердце отвести, а более для того, чтобы вам образец хорошего слога моих сочинений показать» (БЛ, с. 92).

В случае перевода писем Макара Девушкина дополнительной сложностью становятся многословные, но не всегда однозначно понимаемые формулировки, индивидуально-авторские фигуры речи, смешение лексики разной стилистической окраски. Далее рассмотрим, какие стратегии могут применяться для реше-

ния возникающих в подобных случаях переводческих трудностей и чем продиктован их выбор.

При этом под стратегией перевода мы понимаем «результат анализа переводчиком коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод» [10, с. 31], то есть выбор переводчиком соответствия для передачи оценочного значения, сделанный с учетом идиолекта героя и конкретного контекста.

Поиск окказионального соответствия

Об окказиональных соответствиях можно говорить в случаях, когда та или иная лексическая единица в контексте приобретает несвойственное ей, реализуемое только в данном единичном случае, то есть окказиональное, значение [11, с. 21]. Тогда трудность для переводчика состоит прежде всего в необходимости определить заложенное автором значение, так как оно не закреплено в словарях и не находит отражения в корпусе. Поскольку речь Макара Девушкина изобилует индивидуально-авторскими выражениями и нередко встречаются нетипичные (если не сказать – ошибочные) случаи лексической сочетаемости, переводчикам не раз приходилось применять метод подбора окказионального соответствия.

Табл. 1

Поиск окказионального соответствия

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые , затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете (БЛ, с. 5).	ところでいまはまさに春です、ですから考えもすべてこういう愉快で 奇抜 で、おもしろいものになり、空想もなごやかなものがうかび、あらゆるものがバラ色につつまれて見えるわけです。(КТГ, с. 5).	今は春でしょう、すると頭に浮かぶのは、陽気で楽しくて気の利いた考えばかりだし、空想だって甘く優しいものばかり。すべてが薔薇(ばら)色なんです。(ЯСК, с. 12).

В приведенном контексте интерес представляет перевод сочетания «острые мысли». Нельзя сказать, что это выражение имеет индивидуально-авторский характер: в Национальном корпусе русского языка есть примеры его употребления («И вдруг его, как иглой, кольнула **острая мысль**: “Что, если хозяйка войдет из любопытства в его комнату, начнет рыться там и найдет деньги?”») (М. Горький, «Трое». НКРЯ); «Помнится, Мах в своем “Анализе ощущений” устанавливает понятие о “мнимых проблемах”, и горше всего именно эта **острая мысль**: полжизни ушло на проблему, какую же, не мнимую ли?..» (И.А. Новиков, «Повесть о коричневом яблоке». НКРЯ)). Судя по приведенным примерам, можно сделать вывод, что *острой* называют мысль не очень приятную, которая внезап-

но приходит в голову и не дает человеку покоя. Однако в рассмотренном выше отрывке из романа «Бедные люди» анализируемое словосочетание явно имеет положительную коннотацию. В подобной ситуации оба переводчика вынуждены делать собственные предположения на счет того, что имел в виду под *острой мыслью* Макар Девушкин. Н. Китагаки в качестве окказионального соответствия предлагает слово 奇抜な [кибацуна] – ‘необычный, неожиданный, немыслимый’ (ИКД, с. 352), которое перекликается по смыслу со следующим в оригинальном тексте словом «затейливый» (в переводе оно передано как おもしろい ‘интересный’ (ИКД, с. 201)). Таким образом, Н. Китагаки выбирает для перевода вариант, который не будет вступать в противоречие с контекстом.

В переводе Х. Ясуоки использовано выражение 気の利いた [ки-но киита], что значит ‘ловкий, остроумный’ (ИКД, с. 326). В данном случае переводчица, по всей видимости, провела аналогию между выражениями «острая мысль» и «острый ум». Оба переводчика должны были опираться не столько на словарные данные, сколько на свое языковое чутье и общий смысл высказывания.

Табл. 2.

Поиск окказионального соответствия

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Перо такое бойкое и слогу пропасть; то есть этак в каждом слове , – чего-чего, – в самом пустом, вот-вот в самом обыкновенном, подлом слове, что хоть бы и я иногда Фальдони или Терезе сказал, вот и тут у него слог есть (БЛ, с. 48).	じつに筆が立って、言いまわしがじつに豊富なんです。つまり一語一語に、もうそれこそごくありふれた卑俗な言葉にも、あの人のはおのずから格調が出ているんですよ。 (КТГ, с. 98).	実に大胆な筆遣いで、スタイルは深遠そのもの。つまり言葉の一つ一つに深い意味があって、どんなにつまらない、もっともありふれた低俗なそれこそどうかすると私がファルドニやテレーザに使うような言葉でさえも、彼が使うとちゃんと立派な文体の文章になるんです。(ЯСК, с. 123).

Приведенный отрывок хорошо демонстрирует, как сбивчиво иногда излагает свои мысли Макар Девушкин. Здесь трудность для перевода представляют выражения «слогу пропасть» и «в каждом слове у него слог есть». Остается не совсем ясным, что именно в прозе писателя Ратазиева (а именно о ней идет речь) приводит героя в восторг, что он подразумевает под *слогом*: многословность, изысканность стиля, изобретательность автора в выборе речевых средств или что-то иное. В данном случае переводчики снова не могут передать речь героя буквально и должны применить прием смыслового развития.

Н. Китагаки, на наш взгляд, в меньшей степени отступает от оригинала, по крайней мере формально. «Слогу пропасть» переводчик передает как «изобилие

выражений»², таким образом сохраняя сему большого количества, но добавляя к ней сему разнообразия. «Этак в каждом слове <...> вот и тут у него слог есть» в переводе Н. Китагаки звучит как «иными словами, в каждом слове сам собой проявляется стиль». Таким образом, переводчик понимает «слог» как «стиль».

Обратимся к переводу Х. Ясуоки. Здесь первое из рассматриваемых выражений передано как «стиль глубокий и содержательный». В данном случае сохраняется только положительный знак оценки, основание же ее меняется. Отметим, что само словосочетание 深遠なスタイル [синэнна сутаиру] ('содержательный стиль') не является типичным для японского языка, по данным Сбалансированного корпуса современного японского языка, 深遠な чаще всего употребляется с такими словами, как 思想 [сисо:] 'идея', 哲学 [тэцугаку] 'философия', 真理 [синри] 'истина' (BCCWJ). Слова 深遠な и スタイル вступают между собой в противоречие: одно говорит о содержании, а другое – о форме изложения. Таким образом, в рассмотренном случае переводчику удастся сохранить специфику идиолекта Макара Девушкина, который не всегда может грамотно и точно сформулировать мысль.

Перейдем к фразе «этак в каждом слове <...> вот и тут у него слог есть». Ее Х. Ясуока переводит так: «...в каждом слове есть глубокий смысл. [Даже слова, которые бы мог сказать и я], когда их использует он, образуют текст с прекрасным стилем». В данном случае «слог» также понимается как «стиль», при этом переводчица снова делает акцент на глубине содержания, которую М. Девушкин видит в текстах Ратазьева. Возможно, Х. Ясуока хочет таким образом подчеркнуть неискренность персонажа, который не может еще отличить серьезную литературу от поверхностной. Это предположение имеет под собой основание, поскольку в дальнейшем, когда он познакомится с творчеством Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина, впечатление на героя произведет прежде всего содержание их произведений, а не форма.

Таким образом, оба переводчика подбирали наиболее удачные способы, исходя из контекста и логики, при этом Н. Китагаки стремился менее отходить от оригинала, сохраняя формально заложенные основания оценок, а Х. Ясуока опиралась не только на узкий, но и на широкий контекст, то есть содержание произведения в целом.

Опущение

Под опущением в теории перевода понимается компрессия текста, осуществляемая посредством пропуска в тексте перевода семантически избыточных лексических единиц. Часто к опущениям прибегают в случае, когда из нескольких слов со схожим значением в переводе остается только одно (ТПС, с. 130). В случае с передачей на японский язык писем Макара Девушкина сложность заключается в том, что из-за неоднозначной семантики лексических единиц не всегда легко опознать синонимию. Применяемые переводческие стратегии в таком случае зависят от интерпретации исходного текста переводчиками. Этот тезис хорошо иллюстрируется следующим примером:

² Здесь и далее подстрочный перевод японских вариантов текста выполнен нами. – Н. Б.

Табл. 3.

Опущение

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Здоровехонек и растолстел так, что самому опять становится совестно, сыт и доволен по горло ; вот только бы вы-то выздоравливали! (БЛ, с. 18)	ぴんぴんして、自分でも恥ずかしいくらい太ってしまったんです、 腹いっぱい食べて、この上なく満ち足りていますよ。 ただあなたのほうこそ、健康になってもらいたいです! (КТГ, с. 32)	元気一杯でぴんぴんしていますし、でっぷり太って恥ずかしくなるくらいです。 おなか一杯食べてますからね。 あなたこそ、お元気になってくださいよ。(ЯСК, с. 46).

В приведенном отрывке можно обнаружить пример стилистической ошибки – силлепса: «сыт и доволен по горло». Выражение «сыт по горло» имеет отрицательную коннотацию, однако, по всей видимости, Мака́р Де́вушкин, напротив, хочет подчеркнуть, что у него все хорошо и он ни в чем не нуждается. Более того, выражение «доволен по горло» построено с нарушением лексической сочетаемости, здесь возникает противоречие между положительно оценочным словом «доволен» и содержащим негативную коннотацию выражением «по горло», что вызывает комический эффект. В переводе Н. Китагаки силлепс ликвидирован, в результате чего получилась фраза «Я ем досыта и чрезвычайно доволен».

Х. Ясуока при переводе рассуждала иначе: поскольку смысл предложения сводится к тому, что герой ест достаточно, не голодает, слово «доволен» может быть употреблено им просто для усиления этого смысла и не свидетельствует непосредственно о том, что он «доволен жизнью». В связи с этим переводчица опускает это слово и в переводном тексте остается только «я ем досыта».

В рассмотренном случае расхождения в интерпретации переводчиками значения неоднозначного по семантике слова приводят к выбору двух различных стратегий. Тем не менее комический эффект, который возник в оригинальном тексте из-за стилистической ошибки, не сохранен ни в одном из переводов.

Буквальный перевод

Буквальным принято называть перевод, который, воспроизводя коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, искажает либо языковые нормы переводящего языка, либо содержание исходного текста [12, с. 116]. В этом заключается его отличие от дословного перевода, который предполагает использование аналогичных синтаксических структур с синонимичным исходному значению. Иными словами, применение стратегии дословного перевода не приводит к нарушению узуса переводящего языка или искажению смысла высказывания [12, с. 163]. Буквальный перевод, напротив, чаще всего указы-

вает на неудачные переводческие решения. Тем не менее в рамках настоящей работы мы выделяем его в качестве одной из переводческих стратегий, допуская, что стратегия может быть выбрана неверно.

Табл. 4.

Буквальный перевод

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Всё те же чернильные пятна, всё те же столы и бумаги, да и я всё такой же; так, каким был, совершенно таким же и остался, – так чего же тут было на Пегасе-то ездить? (БЛ, с. 10)	インキのしみも依然とおなじなら、机や書類もものまま、そして私自身、前とおなじ私なので、……以前の私とまったくおなじなのです、… …では、あのときなんでペガサスに乗るような気持ちになったのでしょうか? (КТГ, с. 17)	すべてが灰色にくすんでいるじゃないですか。相も変わらぬインクの染みに、代り映えのしない机に書類。そして私自身も、今までと何ひとつ変わっちゃいないんですから、これでどうしてペガサスに乗って飛んだりできたんでしょう? (ЯСК, с. 25)

В рассмотренном случае мы имеем дело с примером языкового творчества Макара Девушкина. В русском языке существует фразеологизм «оседлать Пегаса» в значении ‘начать писать стихи’, в «Большом толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова он имеет пометы «книжн. шутл.» (БТСРЯ). На основе этого выражения герой образует свое – «ездить на Пегасе», в данном контексте имеющее явную негативную окраску: герой ругает себя за то, что под влиянием весенней погоды погрузился в грезы и писал Вареньке излишне возвышенно.

Сравним два перевода: вариант Н. Китагаки – «Итак, отчего же у меня тогда появилось такое чувство, будто я еду на Пегасе?» – и вариант Х. Ясуоки – «Почему же тогда я оседлал Пегаса и летал на нем?». Они практически идентичны, оба переводчика перевели метафору Макара Девушкина буквально. При этом у выражения сохраняется отрицательная коннотация, однако искажается значение. Поскольку в японском языке отсутствует аналогичный фразеологизм и ни в одном из переводов фраза не снабжена комментарием, для японского реципиента она представляет собой свободное сочетание, по всей видимости не ассоциирующееся с поэзией или творчеством вообще. Можно предположить, что в данном случае переводчикам не удалось распознать метафору, образованную на основе фразеологизма. Вероятно, они истолковали образ Пегаса как нечто, ассоциирующееся с «воздушным», приподнятым настроением М. Девушкина.

Заключение

Мы рассмотрели такие способы передачи оценочных единиц в речи Макара Девушкина на японский язык, как подбор окказионального соответствия, опущение и буквальный перевод. Окказиональные соответствия подбираются, когда

герой наделяет слова неузуальными значениями или по причине малообразованности, или вследствие стремления выразить свою мысль оригинальным образом. В подобных случаях буквальный перевод невозможен, так как он вызовет у реципиента только недоумение. Переводчикам приходится домысливать, что имел в виду герой, и осуществлять перевод в соответствии со своими предположениями. Случаи опущения объясняются речевой избыточностью Макара Девушкина. К буквальному переводу прибегали тогда, когда исходный образ, созданный героем, мог быть интуитивно на каком-то уровне понятен читателю, пусть и не в полной мере. Кроме того, переводчикам не во всех случаях удалось передать такие особенности идиостиля Макара Девушкина, как стилистические ошибки в его письмах, которые говорят о недостатке у него образования и писательского опыта.

Сравнивая два перевода, мы можем также отметить, что более ранний из них (выполненный Н. Китагаки) точнее следует за буквой оригинала: в нем реже встречаются опущения, сохраняются основания оценок. В более позднем переводе Х. Ясуоки можно обнаружить случаи отхода от оригинального текста под влиянием учета широкого контекста.

Указанные различия между изученными переводами можно объяснить изменениями в переводческой традиции Японии. Дело в том, что в XX в. в среде японских переводчиков велись активные дискуссии о том, что важнее сохранить: букву или смысл оригинала. При этом многие ратовали за приоритет формальной стороны. Так, Хакуё Накамура (один из переводчиков произведений Ф.М. Достоевского) в работе «*翻譯文の表現と指導*» («Текст письменного перевода: форма и принципы») (1934) отмечает, что в своих переводах стремится сохранять структуру оригинала, в частности распространенные предложения переводить распространенными, а нераспространенные – нераспространенными [13, с. 277]. Подобная парадигма очень долго была главенствующей для художественных переводчиков в Японии, однако в последние десятилетия можно отметить смещение приоритетов в сторону передачи в первую очередь содержания.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БЛ – *Достоевский Ф.М.* Бедные люди: Роман; Двойник: Петербургская поэма. М.: Сов. Россия, 1985. 272 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/>, свободный.
- ТПС – *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- БТСРЯ – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>, свободный.
- BCCWJ – The Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese. URL: <https://clrd.ninjal.ac.jp/bccwj/en/>, свободный.
- ЯСК – ドストエフスキー 『貧しき人々』 第2版、安岡治子訳、光文社、2016. 334 p. = *Достоевский Ф.М.* Бедные люди / Пер. с рус. яз. Х. Ясуоки. 2-е изд. Токио: Кобунся, 2016. 334 с.

КТГ – ドストエフスキー 『貧しき人びと』 北垣信行訳、 旺文社、1970. 289 p. = *Достоевский Ф.М. Бедные люди* / Пер. с рус. яз. Н. Китагаки. Токио: Обунся бунко, 1970. 289 с.

ИКД – 岩波国語辞典. 岩波書店、 第8版、2019. 1804 p. = *Словарь японского языка Иванами*. 8-е изд. Токио: Издательство Иванами, 2019. 1804 с.

Литература

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 141 с.
2. コックリル 浩子 1970 年代のドストエフスキー翻訳— 三人称代名詞「彼」「彼女」の意味と用法の変化 // 翻訳研究への招待. 2018. 14 巻. Р. 55–72. = *Коккериль Х.* Переводы Достоевского на японский язык в 1970-е годы: изменение в значении и употреблении местоимений третьего лица «он» и «она» // Введение в переводоведение. 2018. № 14. С. 55–72.
3. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 9. Статьи и рецензии 1845–1846. 804 с.
4. *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: избранные труды. М.: Наука, 1976. 512 с.
5. *Буяновская В.И.* «Бедные люди» Ф.М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 4. С. 152–169. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-152-169>.
6. *Захаров В.Н.* Дебют гения // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: канон. тексты: в авт. орфографии и пунктуации. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского ун-та, 1995. Т. 1. С. 609–637.
7. *Баршт К.А.* Чиновник 9-го класса Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Дополнения к комментарию) // *Новый филологич. вестн.* 2009. № 1 (8). С. 93–115.
8. *Власкин А.П., Петров А.В., Савельев К.Н.* Литературная стихия в художественном мире «Бедных людей» Ф.М. Достоевского // *Изв. Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2018. Т. 20, № 2 (59). С. 74–80.
9. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Обнинск: Алконост, 1994. 176 с.
10. *Сдобников В.В.* Стратегии перевода: заблуждения и реальность // *Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 2. С. 27–34. <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9287>.
11. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
12. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
13. 成田一. 翻訳論の歴史 = *Нарита Х.* История теории перевода // *Japio Year Book*. С. 274–279.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Бонадык Наталия Александровна, старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета

Московский государственный лингвистический университет

ул. Остоженка, д. 38, стр.1, г. Москва, 119034, Россия

E-mail: nat5000@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.53-65

**Idiolect of Epistolary Novel's Character through Evaluative Vocabulary:
Translation Perspective**

N.A. Bonadyk

Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034 Russia

E-mail: nat5000@yandex.ru

Received February 20, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

This article outlines the challenges of translating the evaluative vocabulary from the letters of Makar Devushkin, one of the main characters of M.F. Dostoevsky's epistolary novel "Poor Folk", into Japanese. Evaluative connotations are rarely spanned by dictionaries and can be acquired even by neutral words in specific contexts, thus being difficult to render accurately, as confirmed here by a detailed linguistic analysis of the idiolect of Makar Devushkin in comparison to that of Varvara Dobroselova, another main character of the novel. The writing style of Makar Devushkin was found to be marked by poetic and vernacular expressions, creative language use, clerk slang, stylistic inconsistencies, as well as numerous speech errors, clarifications, and interjections. The key strategies for translating Makar Devushkin's idiolect into Japanese without losing his evaluative voice were identified: finding a contextual equivalent, omission, and literal translation. The factors determining the choice of the translation strategies were revealed. The findings show that contextual translation is the best option to convey the meaning of Makar Devushkin's words used in non-standard contexts, altering their meanings in ways that must be guessed from the context. Omission is applied when pleonasm appears in Makar Devushkin's speech. Literal translation is appropriate when the original expressions are likely to be understood intuitively, at least to some extent, by readers.

Keywords: "Poor Folk" by F. M. Dostoevsky, epistolary novel, omission, literary translation, idiolect, contextual equivalent, base of evaluation, stylistic error, wide context, language creativity.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative Aspect in the Semantics of Nominative Units]. Ufimtseva A.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1986. 141 p. (In Russian)
2. Cockerill H. Translations of Dostoevsky's Works into Japanese during the 1970s: A change in the meaning and use of the third-person pronouns "kare" and "kanojo". *Invitation to Interpreting and Translation Studies*, 2018, no. 14, pp. 55–72. (In Japanese)
3. Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii* [A Collection of Writings]. Vol. 9: Articles and Reviews, 1845–1846. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1955. 804 p. (In Russian)
4. Vinogradov V.V. *Poetika russkoi literatury* [Poetics of Russian Literature: Selected Writings]. Moscow, Nauka, 1976. 512 p. (In Russian)
5. Buyanovskaya V.I. "Poor Folk" by F.M. Dostoevsky as a dialogue between the old and new words. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 4, pp. 152–169. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-152-169>. (In Russian)

6. Zaharov V.N. Debut of a Genius. In: Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij. Kanonicheskie teksty* [Collection of works. Canonical texts]. Vol. 1. Petrozavodsk, Izd. Petrozavodskogo un-ta, 1995, pp. 609–637. (In Russ.) Zakharov V.N. The debut of a genius. In: Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij. Kanonicheskie teksty* [A Collection of Writings. Canonical Texts]. Vol. 1. Petrozavodsk, Izd. Petrozavodsk. Univ., 1995, pp. 609–637. (In Russian)
7. Barsht K.A. Makar Alekseevich Devushkin, the official of the 9th class (“Poor Folk” by F.M. Dostoevsky. Addendum to the Commentary). *Novyi Filologicheskii Vestnik*, 2009, no. 1 (8), pp. 93–115. (In Russian)
8. Vlaskin A.P., Petrov A.V., Savel’ev K.N. The literary element in the fictional world of F.M. Dostoevsky’s “Poor Folk”. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Sotsial’nye, Gumanitarnye, Mediko-Biologicheskie Nauki*, 2018, vol. 20, no. 2 (59), pp. 74–80. (In Russian)
9. Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Oeuvre]. Obninsk, Alkonost, 1994. 176 p. (In Russian)
10. Sdobnikov V.V. Translation strategies: Misperceptions and reality. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhdunarodnaya Kommunikatsiya*, 2022, no. 2, pp. 27–34. <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9287>. (In Russian)
11. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice: Essays on Linguistical Translation Theory]. Additions and comments by D.I. Ermolovich. Moscow, R. Valent, 2007. 244 p. (In Russian)
12. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, R. Valent, 2011. 408 p. (In Russian)
13. Narita H. History of translation theory. *Japio Year Book*, 2018, pp. 274–279. (In Japanese)

⟨ **Для цитирования:** Бонадык Н.А. Идиолект героя эпистолярного романа в зеркале оценочной лексики: проблемы перевода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 53–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.53-65>. ⟩

⟨ **For citation:** Bonadyk N.A. Idiolect of epistolary novel’s character through evaluative vocabulary: Translation perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 53–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.53-65>. (In Russian) ⟩

ДИСКУРС. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42+811.111

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.66-79

ФРЕЙМ-СЦЕНАРИЙ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

А.И. Дзюбенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация

В статье рассмотрено функционирование фрейма-сценария в качестве когнитивной структуры в составе художественного образа – конституента художественного вымысла. На материале романа А. Кристи «Карман, полный ржи» как репрезентанта детективного дискурса проанализированы лингвокультурные и прагматические особенности фрейма-сценария *Расследование*. Выявлены и описаны механизмы семиозиса языкового и эстетического знака, позволяющие деконструировать и трансформировать фреймы и сценарии, свойственные лингвокультуре, для формирования художественного вымысла в текстово-дискурсивном пространстве. Методы исследования представляют собой целостный комплекс, включающий методы наблюдения, моделирования, когнитивно-семантический и лингвокультурологический анализ, филологическую интерпретацию. Доказано, что в детективном дискурсе фреймы-сценарии функционируют в координатах и предметно-референтной, и процедурной ситуации, при этом А. Кристи в романе «Карман, полный ржи» отступает от второй, поскольку преступление описано иронически, а персонажи, постепенно представляемые читателю, находятся под подозрением в совершении преступления. От фрейма и сценария как когнитивных структур в координатах конкретной лингвокультуры, характеризующихся определенностью и фиксированностью стереотипических свойств и действий, фрейм-сценарий в художественном дискурсе отличается постоянной деконструкцией, трансформацией ожидаемых адресатом явлений, на чем и основан семиозис художественного вымысла.

Ключевые слова: художественный вымысел, фрейм-сценарий, детективный дискурс, текстово-дискурсивное пространство, культурный код, художественный образ, когнитивная модель, предметно-референтная ситуация, процедурная ситуация

Современная лингвистика обращается к изучению коррелятивных связей концептуального и языкового уровней в продуцировании и интерпретации текстов как результатов речемыслительной деятельности языковой личности. Этим обуславливается закономерное внимание к различным когнитивным структурам, участвующим в формировании текстово-дискурсивного пространства. Изучение лингвокогнитивных механизмов и ментальных моделей в обозначенной связи обретает новые ракурсы, а художественный дискурс стано-

вится актуальным объектом исследования. При этом невозможно корректно определять особенности многообразных явлений, значимых для художественного дискурса, вне понимания тех семиотических трансформаций, которые претерпевают факты обыденного, духовного и общекультурного опыта автора в процессе формирования художественного вымысла. В последнее десятилетие появляются фундаментальные работы [1; 2], которые свидетельствуют о растущем интересе лингвистов к этой перспективной сфере исследований. Отметим также, что определяющим для понимания специфики художественного текстово-дискурсивного пространства является понятие художественного образа – явления сложного и многоаспектного, которое может быть адекватно описано с позиций междисциплинарного подхода.

Филология, культурология, философия и эстетика располагают целым рядом разноплановых определений художественного образа, что свидетельствует о востребованности изучения названного феномена, в том числе и с позиций когнитивной лингвистики. Образ многозначен и эмоционально насыщен, с точки зрения эстетики он рассматривается как способ познания субстанциального, что позволяет человеку воспринимать мир в его конкретно-чувственной полноте. И. Кант указывает, что образ создается посредством представлений в воображении, которые «стремятся к чему-то за пределами опыта и таким образом пытаются приблизиться к изображению понятий разума (интуитивных идей), что придает им видимость объективной реальности; с другой стороны, и при этом главным образом, потому, что им как внутренним созерцаниям не может быть полностью адекватным никакое понятие» [3, с. 330–331]. Наука о литературе определяет его как динамическое обобщение жизненных явлений и представлений человека, которое обеспечивает содержательную целостность художественного произведения (см. [4]).

С позиций семиотики художественный образ всегда есть факт воображаемого бытия: его десигнат – это ценность [5], а денотатом выступают не сами предметы или явления, существующие в объективной действительности, а представления о них автора – продуцента эстетического высказывания, художественного дискурса (см. [6]). Каждый раз при восприятии художественного дискурса художественный образ реализуется в воображении адресата, при этом для адекватной интерпретации художественного вымысла читателю необходимо знание культурного кода. Таким образом, художественный образ правомерно рассматривается как синтез семантической, прагматической и эстетической информации, соотношение которых различно в зависимости от жанра художественного произведения, авторского замысла, механизмов реализации художественного вымысла и пр.

Художественный образ характеризуется комплексом онтологических признаков: он представляет собой способ познания и отражения действительности в идеальной форме, но обретает материальную форму, соответствующую специфике конкретного вида искусства; он имеет аксиологический фундамент, отражая при этом значимые компоненты определенной этно- и лингвокультуры; его содержательная сторона материализована посредством разнообразных композиционных и вербальных средств. Ясно, что все перечисленные признаки свиде-

тельствуют об обусловленности художественного образа в его возникновении и функционировании конкретной культурой. В этой связи важным представляется лингвокультурологический подход к изучению тех когнитивных структур, которые формируют художественную образность в текстово-дискурсивном пространстве. При этом исследователи правомерно указывают на то, что, например, *образ* и *концепт* – явления разного порядка, хотя и тесно связанные между собой: «...концепт – категория культуры, запечатленная в естественном языке, а образ – явление вторичной моделирующей системы. Однако сферой их пересечения является то, что в образе отражены определенные культурные доминанты – собственно лингвокультурные концепты и особенности их осмысления» [7, с. 184]. Отметим при этом, что когнитивная лингвистика демонстрирует сейчас если не отказ от термина *концепт*, то определенное снижение его популярности, и это неслучайно: доказательное описание структурных компонентов дискурсивно-текстового пространства возможно при обращении к терминам *фрейм*, *слот*, *сценарий*, которые ранее получали трактовку как подструктуры, входящие в состав концепта. Фрейм изучается как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [8 с. 188], что определяет его организующую роль в восприятии и понимании окружающего мира.

Очевидно, что категория художественного образа при всей ее востребованности в лингвистическом изучении художественного дискурса остается весьма расплывчатой и неоднозначной, поэтому, на наш взгляд, когнитивная организация художественного вымысла может быть доказательно исследована при обращении к терминам *фрейм* и *сценарий*, которые, по всей видимости, являются конститuentами художественной образности.

Фреймовый анализ в лингвистике способствует моделированию процесса означивания и, как следствие, способствует уточнению механизмов интерпретации художественного дискурса адресатом. Когнитивная лингвистика опирается в рамках обозначенной исследовательской проблематики на возможность фиксации во фрейме значимой информации, следуя методологии, разработанной М. Минским: понятие фрейма было предложено исследователем для описания «единиц хранения» когнитивной информации, при этом сам фрейм ученый трактует как структуру данных (образ), которая предназначается для репрезентации стереотипной ситуации посредством сети, состоящей из «узлов» и связей между ними [9]. Фреймы, по мысли М. Минского, содержат декларативные знания, однако существуют также структуры, которые фиксируют знания динамического характера, представленные как состояния или сцены, сменяющие друг друга (сценарии и скрипты). Очевидно, применительно к художественному текстово-дискурсивному пространству мы не можем в полной мере говорить о декларативности знания, фиксируемого фреймами: так происходит потому, что основу обозначенного пространства составляет художественный вымысел, направленный на разрушение привычных для адресата ассоциативных связей и создание новых на основе фоновых знаний автора и читателя. Именно такой путь позволяет создать некий ментальный каркас, который выводит адресата художественного дискурса за рамки того, что свойственно объективной действительности,

чтобы структурировать художественный дискурс как дискурс образный, отражающий мировосприятие автора, стимулирующий читательское воображение. При этом, конечно, ни один создатель художественного текста не может абсолютно отказаться от опоры на базовые знания о действительности, собственные и читательские, иначе восприятие и корректная интерпретация художественного дискурса будут не только затруднительны, но и невозможны.

Организация концептуального знания посредством фреймов представляет собой иерархическую структуру: фрейм содержит совокупность информации о типичной ситуации, а сценарий является фреймом в динамике, который разворачивается во времени в виде определенной последовательности этапов осуществления деятельности [10]. Сценарии, как и фреймы, отражают особенности конкретной культуры. А. Вежбицкая указывает, что скрытая система культурных правил (культурные сценарии) выражаются определенными речевыми стратегиями, которые несут в себе культурноспецифические установки, верования и нормы: «Такие культурные сценарии не предназначены для того, чтобы описывать, как ведут себя все члены данного общества, но имеют целью четко сформулировать те нормы, с которыми люди знакомы (на сознательном, полусознательном и подсознательном уровне) и которые являются эталонными фреймами для данного языкового коллектива [11, с. 682–686]. Выделяют также когнитивный сценарий, который рассматривают как ситуацию типического характера, вербализующую ментальную схему, декодируемую участниками общения с целью ориентирования в процессе коммуникации, организации и прогнозирования реального или потенциального поведения в рамках такой схемы. Посредством обращения к когнитивному сценарию возможно описание механизмов формирования и функционирования картины мира языковой личности. И культурный, и когнитивный сценарии широко используются в качестве понятийной базы в изучении лингвокультурной специфики коммуникации [12; 13], в том числе эстетической [14; 15].

На наш взгляд, в отношении реализации художественного вымысла правомерно говорить о фрейме-сценарии как сложной по своим характеристикам когнитивной структуре, способной не только синтезировать новые нетривиальные ассоциативные связи для продуцирования художественного образа, но и отразить сложные семиотические процессы, свойственные преобразованию языкового знака в художественном дискурсе. Функция сценария, состоящая не только в манифестировании динамики развития определенной ситуации, но и в связывании смысловых блоков повествования в единое целое, подтверждает убедительность такого понимания функционирования фрейма и сценария в их нерасторжимом синтезе в художественном текстово-дискурсивном пространстве.

В нашем понимании, детективный дискурс содержит репрезентативный материал в отношении реализации в нем различных форм представления знания, что вполне ожидаемо: детективные тексты характеризуются многообразным объединением на основе художественного вымысла вполне логичных умозаключений, которые вписываются в рамки классических определений фрейма и сценария. С позиций выявления когнитивных структур детективный дискурс изучается, например, Ю.Н. Филистовой, которая считает концепт-фрейм сценарием произведе-

ния: все детективы организованы по единой схеме «совершение преступления – тайна – расследование – раскрытие преступления», при этом в указанной исследовательской концепции фрейм трактуется как структура данных для описания сюжета произведения, а основными концептами детективных произведений выступают *преступление – тайна – расследование – наказание* [16].

В детективном тексте определенно выявляются три основных этапа развития сюжетного действия: тайна, или загадка (обычно это преступление), ход расследования и разоблачение (раскрытие преступления), которые в целом могут быть правомерно соотнесены с завязкой, ходом действия, кульминацией и развязкой, представленными в любом художественном тексте эпического жанра. Однако применительно к детективному дискурсу необходимо констатировать возможные отступления от классического понимания фрейма и активное включение в его структуру сценария, что обуславливает обращение к термину *фрейм-сценарий*, который в большей степени способствует непротиворечивому описанию художественного вымысла в лингвокультурном аспекте.

Материалом исследования выступают детективный роман А. Кристи «A Pocket Full of Rye» (1953) («Карман, полный ржи») и его перевод на русский язык. Сопоставление текстов оригинала (Christie) и перевода (Кристи) позволит выявить лингвокультурную специфику фрейма-сценария *Расследование*, являющегося наиболее значимым в развитии сюжетного действия и одновременно представляющего собой такую когнитивную структуру, которая организует художественный вымысел в детективном дискурсе. Кроме того, фрейм-сценарий *Расследование* тесно связан с другими фреймами-сценариями – *Тайной* и *Разоблачением*. Нами избрано именно *Расследование* ввиду насыщенной событийности повествования, в рамках которого развивается этот фрейм-сценарий, составляя основную часть детективного текста (что необходимо для реализации художественного вымысла), а также особого лингвокультурного потенциала, который позволяет особым образом организовать прагматику художественного детективного дискурса. Подчеркнем также, что детективный текст, возможно, дискурсивен в большей степени по сравнению с другими литературными жанрами, так как адресат фактически занимает позицию наблюдателя за выстраивающейся как бы в процессе его восприятия событийности художественного дискурса аргументацией автора или персонажа, ведущего расследование, его логическими умозаключениями, при этом все версии преступления постепенно «отмечаются» как несостоятельные либо, напротив, обобщаются для создания единственно верной и, соответственно, способствуют поимке преступника.

Фреймы-сценарии в детективном дискурсе функционируют в пределах двух когнитивных моделей, представленных в структуре предметно-референтной и процедурной ситуаций. Первую можно описать как определенную «программу» событий, в соответствии с которой организуется детективный жанр. Однако процедурная ситуация не менее важна: она позволяет продуцировать необходимое прагматическое воздействие на читателя, которое применительно к фрейму-сценарию *Тайна* зачастую предстает как страшное, пугающее, красочное описание преступления, в то время как фреймы-сценарии *Расследование* и *Разоблачение* характеризуются подробным анализом методов раскрытия преступления.

Отметим в этой связи, что А. Кристи в романе «Карман, полный ржи» отступает от процедурной когнитивной модели. Само преступление описано с известной долей иронии; события, предшествовавшие ему, а также персонажи, действующие в этой событийности, в соответствии с требованиями жанра должны каким бы то ни было образом быть связаны с преступлением, и на первый взгляд подробная экспозиция подготавливает читателя к тому, что преступник появляется уже на первых страницах, а кто-то из подчиненных мистера Форте-сью и есть отравитель: «Чай готовила мисс Сомерс. В компании “Консолидированная инвестиционная трест” она работала недавно и среди машинисток была самой бестолковой. Лучшие годы остались позади, на лице отпечатались прямо-таки овечья кротость и испуг» (Кристи) / “It was Miss Somers's turn to make the tea. Miss Somers was the newest and the most inefficient of the typists. She was no longer young and had a mild worried face like a sheep” (Christie). Подробное описание портрета мисс Сомерс дано в ироническом ключе. При этом обратим внимание на то, что фраза *She was no longer young and had a mild worried face like a sheep*, переведенная как *Лучшие годы остались позади, на лице отпечатались прямо-таки овечья кротость и испуг*, подготавливает читателя к восприятию этого персонажа именно в ироническом ключе, хотя оригинал вполне мог бы быть переведен и как *Она была уже не молода, и ее слабовольное обеспокоенное лицо было, как у овцы*. Безусловно, ирония в переводе на русский язык сохранена именно посредством некоторой нейтрализации характеристик персонажа, данных в оригинале на английском.

В следующем фрагменте: «Мисс Сомерс налила в заварной чайничек невскипевшую воду – бедняжка никогда не знала наверняка, кипит чайник или нет. И конечно, ужасно из-за этого беспокоилась, впрочем, как и из-за многого другого в этой жизни. Она разлила чай и поставила чашки перед сослуживцами, положив на каждое блюдце две плиточки чуть размякшего печенья» (Кристи) / “The kettle was not quite boiling when Miss Somers poured the water on to the tea, but poor Miss Somers was never quite sure when a kettle was boiling. It was one of the many worries that afflicted her in life. She poured out the tea and took the cups round with a couple of limp, sweet biscuits in each saucer” (Christie) – обратим внимание на лингвокультурную специфику, репрезентированную в сценарии подготовки к чаепитию. Безусловно, и невскипевшая вода в заварном чайничке (*the kettle was not quite boiling*), и чуть размякшее печенье (*limp biscuits*) – это деконструкция лингвокультурной информации, фиксированной во фрейме, который реализован в динамике сценария. Для читателя, знакомого с британским культурным кодом, действия мисс Сомерс неприемлемы. И в целом адресат детективного дискурса вполне может ожидать от нее и дальнейших нарушений традиционного порядка, выстраивая подозрения в отношении этой второстепенной героини.

Однако А. Кристи мастерски акцентирует внимание читателя на мисс Гросвенор, которая также заваривает чай, но исключительно для мистера Форте-сью. Сценарий подачи чая репрезентирован в соответствии с фоновыми знаниями адресата художественного дискурса, который так или иначе представляет, каким образом секретарь должен это делать, а у мистера Форте-сью есть еще и индивидуальный традиционный ритуал, характеризующий этот момент в его жизни

главы фирмы: «Мисс Гросвенор приблизилась к нему грациозным лебедем, поставила поднос на стол возле его локтя, ровным негромким голосом объявила: “Ваш чай, мистер Фортескью” – и вышла. Мистер Фортескью, как того требовал ритуал, в ответ просто хмыкнул» (Кристи) / “Miss Grosvenor glided up to him in her swanlike manner. Placing the tray on the desk at his elbow, she murmured in a low impersonal voice, “Your tea, Mr Fortescue,” and withdrew. Mr Fortescue’s contribution to the ritual was a grunt” (Christie). В тексте оригинала мисс Гросвенор именно *скользит* лебедем, что обнаруживает метафору в составе фрейма, а завершающее выбранный фрагмент высказывание в тексте оригинала включает лексику *grunt* ‘ворчание, хрюканье’, что в целом маркирует саркастическое отношение автора к персонажу более явно, нежели использованная в переводе лексема *хмыкнул*.

Культурный код закономерно привносит определенную степень иронии в восприятие персонажа в следующем фрагменте: «Не сказать чтобы мистер Фортескью полностью “тянул” на свой кабинет, но все же выглядел вполне внушительно. Это был дородный, слегка одряхлевший мужчина с блестящей лысиной. Потакая своей прихоти, на работе он носил свободный твидовый пиджак, более уместный для загородных прогулок» (Кристи) / “Mr Fortescue was less impressive than he should have been to match the room, but he did his best. He was a large flabby man with a gleaming bald head. It was his affectation to wear loosely cut country tweeds in his city office” (Christie). При том что мистер Фортескью старался изо всех сил (*he did his best*), чтобы соответствовать своему солидному кабинету, он также позволял себе нарушать раз и навсегда закрепленные британской культурой правила и надевал в свой городской офис твидовый пиджак, уместный в загородной усадьбе. И эту возможность иметь разные чудачества, допускать нарушения традиций дает мистеру Фортескью, конечно, имущественный статус, что также фиксируется и в комплексе фоновых знаний адресата детективного дискурса.

Следование традициям, реализация различных сценариев в координатах культурного кода, закрепленного в лингвокультуре (в данном случае – сценария выбора невесты и женитьбы на представительнице своего круга) значимы и в следующем репрезентативном контексте: «До замужества она [Дженнифер Фортескью] работала медсестрой в больнице – когда Персиваль слег с воспалением легких, она его выхаживала и выходила до романтической развязки. Старика этот брак сильно разочаровал. Он сноб и хотел, чтобы Персиваль женился “как положено”» (Кристи) / “She was a hospital nurse before her marriage – nursed Percival through pneumonia to a romantic conclusion. The old man was disappointed by the marriage. He was a snob and wanted Percival to make what he called a ‘good marriage’” (Christie). Представляется, что для реализации жизнеподобия А. Кристи приводит вполне объективные характеристики британского общества – четко осознаваемые всеми его членами границы между социальными слоями и осуждение, чаще имплицитное, тех, кто пытается преодолеть пределы своей социальной группы. Так происходит и с Дженнифер Фортескью, которая, как и все другие персонажи романа, находится под подозрением в совершении преступления.

Фрейм-сценарий *Расследование* предполагает в данном случае как статические качества персонажа, так и динамику событийности. В приведенном кон-

тексте манифестирована предыстория Дженнифер, позволяющая понять, что героиня вовсе не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд: ей свойственны авантюризм, четкая постановка жизненных целей и упорство в их достижении, что в тексте оригинала передано высказыванием *nursed Percival through pneumonia to a romantic conclusion* (когда Персиваль слег с воспалением легких, она его выхаживала и выходила до романтической развязки). Если же абстрагироваться от культурного сценария *Выхаживание больного* и принимать во внимание, что в художественном дискурсе мы имеем дело со сценариями, которые заведомо не будут развиваться по стереотипному, фиксируемому конкретной культурой плану, художественный вымысел здесь все же налицо: при всем правдоподобию ситуации, когда выздоровевший больной женится на медсестре, принадлежащей к другому социальному кругу, такой сценарий в объективной действительности, безусловно, редок. Именно поэтому фрейм *Снобизм обеспеченного класса*, характеризующийся закрепленными в нем когнитивными характеристиками, получая реализацию в высказывании *He was a snob and wanted Percival to make what he called a 'good marriage'* (Он сноб и хотел, чтобы Персиваль женился «как положено»), отражает статику ситуации, незыблемость традиций общества, к которым принадлежит семейство Фортескью. Иными словами, фрейм-сценарий *Расследование* обнаруживает в своей структуре тесно взаимодействующие друг с другом статические и динамические характеристики, которые, с одной стороны, соответствуют требованиям жизнеподобия художественного дискурса, с другой же – актуализируют тенденцию к условности [4], причем обе эти фундаментальные стратегии формирования художественной образности обуславливают реализацию художественного вымысла.

Интересно, что первый исследователь, инспектор Нил, от которого читатель первоначально ожидает значимых выводов в ходе следствия, не может прийти к верным умозаключениям именно потому, что, хотя и выдвигает различные версии произошедшего (одну экзотичнее другой), держится все же в рамках культурного кода, и поэтому его расследование заходит в тупик. Его размышления свидетельствуют об известной доле иронии, которая основывается как раз на осмыслении культурного кода (в следующем фрагменте реализован культурный ономастический код): «Ланселот Фортескью! Вот это имя! А как зовут другого сына – Персиваль? Интересно, что за особа была их матушка? Станный вкус на имена...» (Кристи) / “Lancelot Fortescue! What a name! And what was the other son – Percival? He wondered what the first Mrs Fortescue had been like? She'd had a curious taste in Christian names...” (Christie). Отметим, что в тексте оригинала неслучайно отмечены именно христианские имена (*Christian names*): миссис Фортескью дает своим сыновьям имена рыцарей Круглого стола – персонажей эпоса бриттов о короле Артуре, однако ирония заключена здесь в том, что братья вовсе не отличаются рыцарским поведением, а Ланселот и вовсе оказывается убийцей своего отца. Кроме того, имена Ланселот и Персиваль могут иметь отношение к христианской традиции только благодаря более поздним, чем основные сказания о рыцарях Круглого стола, рыцарским романам, но изначально не являются, конечно, христианскими: в легендах о короле Артуре, самом знаменитом кельтском герое, речь идет о событиях V–VI вв., тогда как англосаксонская Брита-

ния принимает христианство лишь в VII в. Инспектор Нил должен был, видимо, обратить внимание на такую склонность к оригинальности в семействе Форте-скью, но дальше размышлений о чудачествах матери Персиваля и Ланселота он не идет, хотя в дальнейшем фрейм-сценарий *Расследование* будет обнаруживать все большее количество маркеров деконструкции закрепленного в составляющих его фреймах и сценариях культурного кода.

Значимой отсылкой к культурному коду становится и обозначение хронологического промежутка появления одной из подозреваемых – второй супруги мистера Форте-скью, мачехи Персиваля и Ланселота. При этом адресат текста оригинала, разумеется, знает, что чай в Британии пьют в 17.00, тогда как обед может быть назначен на 19.00 и позднее, однако в переводе на русский приходится эти моменты уточнять в комментариях к основному тексту с тем, чтобы читателю был ясна последовательность событий: «Миссис Форте-скью наверняка вернется к обеду, а возможно, даже к чаю. Это будет для нее настоящий удар. Все произошло внезапно? Утром мистер Форте-скью, когда уходил из дому, чувствовал себя нормально» (Кристи) / “Mrs Fortescue will certainly be in to dinner and she may be in to tea. It will be a great shock to her. It must have been very sudden? Mr Fortescue was quite well when he left here this morning” (Christie). Отметим также, что предположения экономки Мэри Доув относительно реакции миссис Форте-скью на смерть ее супруга уже в приведенных репликах неубедительны, а сам вопрос *Все произошло внезапно? (It must have been very sudden?)* имплицитно содержит противоположное значение – ожидание кончины мистера Форте-скью, что в соответствии с авторским замыслом должно включить мисс Доув в число подозреваемых в совершении преступления.

Разумеется, не только к культурному коду, который маркирован различными компонентами британской культуры, отсылает своего читателя А. Кристи. В романе «Карман, полный ржи» обнаруживаем также контексты, которые характеризуют событийность с позиций развития британского общества и его достижений в конкретный исторический период, например: «Кто-то предложил набрать 999 и вызвать неотложку, но мисс Гриффит даже замахала руками – как можно, ведь тогда придется разбираться с полицией! Для граждан страны, где право на медицинскую помощь имеет каждый, несколько вполне разумных женщин проявили поистине исключительное невежество» (Кристи) / “Someone suggested 999 but Miss Griffith was shocked at that and said it would mean the police and that would never do. For citizens of a country which enjoyed the benefits of Medical Service for all, a group of quite reasonably intelligent women showed incredible ignorance of correct procedure” (Christie). В приведенном фрагменте замечательна ирония автора в отношении персонажей, которые, промедлив с вызовом скорой помощи, оказываются косвенно причастными к смерти мистера Форте-скью. Любопытна здесь также и характеристика мисс Гриффит, которая, как и другие сотрудники офиса Форте-скью, не желает контактировать с полицией, хотя этого и требует ситуация, что во многом характеризует скорее национальный менталитет, нежели нерешительность персонажа: ведь придется впустить полицейских в свое личное пространство, которое в британском культурном коде маркировано специальным термином *privacy*.

Примечательны в этой связи и характеристики других персонажей – мисс Гросвенор и Мэри Доув: обе они демонстрируют профессиональные навыки, необходимые для выполнения их служебных обязанностей: «При встрече с неожиданным она [мисс Гросвенор] пасовала. Однако она, ни на секунду не забывая об осанке, подошла к двери мистера Фортескью, постучала и вошла» (Кристи) / “Confronted by the unexpected, her poise was shaken. However, she moved towards Mr Fortescue's door in her usual statuesque fashion, tapped and entered” (Christie). Мисс Гросвенор, как характеризует ее автор, имеет достаточно благородное происхождение, чтобы противопоставлять себя другим сотрудникам офиса мистера Фортескью, но по какой-то причине вынуждена работать. Мэри Доув, служащая экономкой у семьи Фортескью, достигла уже такого уровня профессионализма, что работает только у очень богатых хозяев, имеющих возможность оплачивать ее дорогостоящие услуги. Несомненно, эта высокая оплата должна быть оправдана выучкой Мэри Доув, что отмечает и инспектор Нил: «Она помолчала, потом продолжала уже прежним уверенным тоном: – Если миссис Фортескью вернется до вашего приезда, что ей передать? “Вот это выучка, – подумал инспектор Нил, – дело – прежде всего”» (Кристи) / ““If Mrs Fortescue returns to the house before you arrive, what do you want me to tell her?” Practical as they make 'em, thought Inspector Neele” (Christie).

Преступление, инициирующее реализацию фрейма-сценария *Расследование*, последовательно раскрывается в детективном дискурсе, который репрезентирует квазифактуальный мир в его ограниченных пространственно-временных координатах. С учетом того, что сама по себе организация этого дискурса требует малого количества персонажей и ограниченности их функций, отметим, что А. Кристи отступает от описанного канона и дает подробную характеристику героям, причем не столько с позиций всеведущего автора, сколько с точки зрения других персонажей, чем углубляет прагматический потенциал художественного вымысла за счет привлечения к его формированию культурного кода. Очевидно, что вымышленный персонаж говорит о вымышленном же персонаже и фикциональной ситуации, что создает двойную призму художественного дискурса, сквозь которую читатель воспринимает внешне вполне логичную картину расследования. Но функционирование фрейма-сценария *Расследование* осложнено не только дополнительной детализацией и наличием «ложных путей», по которым автор ведет читателя в расследовании преступления, но и самой имплицированностью преступника, которая постоянно подкрепляется деконструкцией фреймов и сценариев, закрепленных в пространстве лингвокультуры.

Безусловно, фрейм-сценарий *Расследование* как динамическая когнитивная структура, содержащая знания о ситуации, не может быть охарактеризован именно как носитель типического в качестве понятийной категории: типичность нарушается в детективном художественном дискурсе не только и не столько самим фактом совершения преступления, сколько последовательным вовлечением читателя в само формирование сюжетного действия, в разворачивание дискурса расследователя. Логика расследования манифестирована эксплицитно, однако адресат постоянно сомневается в корректности рассуждений проводящего расследование. Именно поэтому фрейм-сценарий отражает неопределенность ситуации в противоположность тому, что ожидается от фрейма и сценария как

когнитивных структур, свойственных конкретной лингвокультуре и являющихся конструктами, фиксирующими знания ее представителей.

В детективном дискурсе событийность в координатах художественного вымысла развивается сообразно законам правдоподобия, однако и событийность, и художественные образы остаются условными, причем эта условность определяется даже не темпом или насыщенностью действия в конкретный хронологический промежуток (хотя и это мы, конечно, должны принимать во внимание, потому что в объективной действительности они не свойственны даже расследованию преступления, не то что обычному течению жизни). Подобная условность, фундаментальная для художественного вымысла и художественного дискурса в целом, связана с целенаправленной авторской деконструкцией ожидаемого семантико-прагматического наполнения фрейма-сценария. Привычным, закрепленным в культурном коде остается собственно то, что характеризует лингвокультуру в целом и индивидуально-авторское мировосприятие в частности (в случае с А. Кристи это как раз лингвокультурная детализация, подробно воссоздающая британский быт, обычаи, традиции, формирование национального менталитета и стереотипов этнического характера), тогда как главенствующим в организации фреймов-сценариев *Тайна*, *Расследование*, *Разоблачение* оказываются нетипичность, нелогичность поведения не только самого преступника, но и расследователей. Для первого такая незакрепленность поведенческих особенностей и, соответственно, воплощение аномалий в событийности обуславливаются желанием запутать следствие, пустить его по ложному следу, в то время как расследователи, желая раскрыть преступление и покарать преступника, вынуждены следовать этой алогичности, пытаясь объяснить ее себе и читателю. Иными словами, художественный вымысел (в том числе и в детективном дискурсе) маркирован нарушением стереотипизации последовательности действий, насыщенностью событий в жизни персонажей, кумулятивным эффектом художественного времени при сохранении внешнего подобия определенной эпохи и культуре и отсутствии референта, как всегда, когда речь идет о художественном текстово-дискурсивном пространстве, так как читатель здесь имеет дело лишь с возможными, а не реальными мирами, только с гипотетическим развитием событий, а не с тем, что происходит в объективной реальности.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Christie – Christie A. A Pocket Full of Rye. URL: https://onlinereadfreenovel.com/agatha-christie/33643-a_pocket_full_of_rye_read.html, свободный.

Кристи – Кристи А. Карман, полный ржи / Пер. с англ. М. Загота. URL: https://librebook.me/a_pocket_full_of_rye/vol1/1?ysclid=lwz7g26hw617067818, свободный.

Литература

1. Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 512 с.

2. Клейменова В.Ю. В гостях у Гарри Поттера: фикциональный мир английской литературной сказки. Псков: Псковский гос. ун-т, 2014. 176 с.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т. / Пер. с нем.; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 5. М.: Мысль, 1966. 564 с.
4. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004. 404 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
6. Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. 511 с.
7. Томберг О.В. Лингвокультурологические аспекты исследования художественного образа // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 183–186.
8. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 187–189.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
10. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ. 2001. 123 с.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры. 1999. XII, 776 с.
12. Белякова О.В. Средства языковой репрезентации англоязычного лингвокультурного сценария «Посещение банка» // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 2 (14). С. 421–425. <https://doi.org/10.30853/phil210028>.
13. Шалина И.В. Культурный сценарий «Жизнь в деревенской семье»: из опыта лингвокультурологической интерпретации // Вестн. ТГУ. 2009. № 320. С. 31–37.
14. Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария // Научный результат. Сер.: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. Т. 1. № 2 (2). С. 75–87.
15. Кожанов Д.А. Сюжетообразующая стратегия художественного произведения как результат интердискурсивных взаимодействий // Изв. ВГПУ. Сер.: Филологич. науки. 2021. № 4 (157). С. 214–220.
16. Филистова Н.Ю. Структурная организация детективного нарратива (на материале английских и русских рассказов) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3986–3990. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55062.htm>, свободный.

Поступила в редакцию 10.04.2024

Принята к публикации 15.06.2024

Дзюбенко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков

Южный федеральный университет

ул. Б. Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: aidzyubenko@sfsedu.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.66-79

**Frame-Scenario in the Representation of Literary Fiction:
Linguocultural Insights**

A.I. Dzyubenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, 344006 Russia

E-mail: aidzyubenko@sfedu.ru

Received April 10, 2024; Accepted June 15, 2024

Abstract

The role of the frame-scenario as a cognitive structure within the artistic image, a key element of literary fiction, was studied. By examining Agatha Christie's novel "A Pocket Full of Rye", an example of detective discourse, the linguocultural and pragmatic features of the frame-scenario "investigation" were identified. The mechanisms of semiosis of linguistic and aesthetic signs were described, revealing how they deconstruct and transform frames and scenarios typical of a given linguoculture to create literary fiction in the textual and discursive space. The methods used include observation, modeling, cognitive-semantic and linguocultural analysis, and philological interpretation. It was demonstrated that frame-scenarios of detective discourse function within the contexts of both subject-referent and procedural situations. However, in "A Pocket Full of Rye", A. Christie deviates from the procedural context by describing the crime with irony, as well as by gradually introducing the characters falling under suspicion of committing the crime. Unlike frames and scenarios as two cognitive structures within a particular linguoculture characterized by the certainty and stereotypy of properties and actions, the frame-scenario in literary discourse is marked by constant deconstruction, transformation of the events expected by the reader, thereby constituting the basis of the semiosis of literary fiction.

Keywords: literary fiction, frame-scenario, detective discourse, textual and discursive space, cultural code, artistic image, cognitive model, subject-referent situation, procedural situation

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Il'inova E.Yu. *Vymysel v yazykovom soznanii i tekste* [Fiction in Linguistic Consciousness and Text]. Volgograd, Volgogr. Nauchn. Izd., 2008. 512 p. (In Russian)
2. Kleimenova V.Yu. *V gostyakh u Garri Pottera: fiktsional'nyi mir angliiskoi literaturnoi skazki* [Exploring Harry Potter: The Fictional World of the English Literary Fairy Tale]. Pskov, Pskov. Gos. Univ., 2014. 176 p. (In Russian)
3. Kant I. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 5. Asmus V.F., Gulyga A.V., Oizerman T.I. (Eds.). Moscow, Mysl', 1966. 564 p. (In Russian)
4. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vyssh. Shk., 2004. 404 p. (In Russian)
5. Lotman J.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, Iskuststvo, 1970. 384 p. (In Russian)
6. Borev Yu.B. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Vyssh. Shk., 2002. 511 p. (In Russian)
7. Tomberg O.V. Linguistic and cultural dimensions in the study of artistic imagery. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2012, no. 5 (16), pp. 183–186. (In Russian)

8. Dem'yankov V.Z. Frame. In: Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G. et al. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Kubryakova E.S. (Ed.). Moscow, Filol. Fak. MGU, 1996, p. 187–189. (In Russian)
9. Minsky M. *Freimy dlya predstavleniya znaniy* [A Framework for Representing Knowledge]. Grinbaum O.N. (Trans.). Kulakov F.M. (Ed.). Moscow, Energiya, 1979. 151 p. (In Russian)
10. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics]. Tambov, TGU, 2001. 123 p. (In Russian)
11. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and the Description of Languages]. Moscow, Yazyki Russ. Kul't., 1999. xii, 776 p. (In Russian)
12. Belyakova O.V. Means of linguistic representation of the English linguocultural scenario “visiting the bank”. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2021, no. 2 (14), pp. 421–425. <https://doi.org/10.30853/phil210028>. (In Russian)
13. Shalina I.V. “Life in a village family” as a cultural scenario: A linguocultural interpretation. *Vestnik TGU*, 2009, no. 320, pp. 31–37. (In Russian)
14. Ogneva E.A. The concept of interpreting the architectonics of a textual cognitive script. *Nauchnyi Rezul'tat. Seriya: Voprosy Teoriticheskoi i Prikladnoi Lingvistiki*, 2014, vol. 1, no. 2 (2), pp. 75–87. (In Russian)
15. Kozhanov D.A. The plot-building strategy in fiction as a result of interdiscursive interactions. *Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskie Nauki*, 2021, no. 4 (157), pp. 214–220. (In Russian)
16. Filistova N.Yu. Structural organization of detective narrative (based on the English and Russian stories). *Nauchno-Metodicheskii Elektronnyi Zhurnal “Kontsept”*, 2014, vol. 20, pp. 3986–3990. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55062.htm>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Дзюбенко А.И. Фрейм-сценарий в репрезентации художественного вымысла: лингвокультурный аспект // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 66–79. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.66-79>. ⟩

⟨ **For citation:** Dzyubenko A.I. Frame-scenario in the representation of literary fiction: Linguo-cultural insights. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 66–79. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.66-79>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.80-94

ОСОБЕННОСТИ НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ ‘СЕМЬЯ’ И ‘БРАК’ В КАРТИНЕ МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЙ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕСТВА¹

М.А. Еливанова^{1,2}, В.А. Семушина²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191086, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А,
г. Санкт-Петербург, 190000, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей наполнения концептов ‘семья’ и ‘брак’ в картине мира представителей четырех поколений русскоязычного общества: детей (41 респондент; группы 5–7 лет и 10–13 лет значительно отличаются в видении этих концептов; у дошкольников концепт ‘брак’ не сформирован), молодежи (24 опрошенных 19–24 лет), респондентов зрелого (32 опрошенных 42–55 лет) и пожилого (14 опрошенных 66–80 лет) возраста. Участникам эксперимента предлагалось дать пять реакций (слов и/или выражений) на стимулы *семья* и *брак*. Выявлено, что оба концепта имеют сложную структуру, которую удобно описывать как фрейм, состоящий из слотов (объединений схожих в смысловом отношении реакций). Наполнение концептов изменяется по следующей траектории: дошкольники представляют семью конкретно, опираясь на непосредственное восприятие того, что происходит «здесь и сейчас»; это отражает наивную картину мира, характерную для указанного возраста → дети 10–13 лет поднимаются на некоторый уровень обобщения, абстракции, но опираются по-прежнему на «здесь и сейчас», концепт ‘брак’ формируется → молодежь, начинающая самостоятельную жизнь, имеет абстрактную, идеальную модель семьи и брака → люди зрелого и пожилого возраста предлагают конкретные ассоциации, связанные с собственным опытом.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, картина мира, семья, брак

Человеческий язык представляет собой систему знаков, которые в онтогенезе впервые складываются именно так, как понимал их Ф. де Соссюр: образы предметов (отраженный в сознании предмет или явление, понятие) / означаемые, устойчиво соединенные с образами звуковых цепочек / означающих [1]. С одной стороны, набор языковых знаков по большей части совпадает у носителей одного языка, поэтому последний и выполняет коммуникативную функцию. С другой стороны, язык становится инструментом переработки информации, над знаками с закрепленным конкретным значением надстраиваются более сложные поня-

¹ Проект реализуется победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

тия, концепты [2–4], а отражательно-познавательная функция языка дополняется более сложными когнитивными субфункциями – аккумулятивной и национально-культурной [5].

Знания человека, накопленный им опыт отражаются в картине мира, которая, как отмечают исследователи [6; 7], может быть множественной и многомерной: наивная противопоставляется научной и религиозной, индивидуальная – национальной, концептуальная – языковой. В сознании одного человека могут сочетаться элементы всех возможных вариантов картин мира. Последнее противопоставление (концептуальная и языковая) отчасти может быть объяснено через теорию знаков: концепты соотносятся с понятиями, элементами знаний человека (означаемыми, за которыми могут быть традиционно закреплены или не закреплены означаемые), а языковые единицы – настоящие знаки, в которых означающее и означаемое обязательно связаны. Для настоящего исследования актуальными являются определения концептуальной и языковой картин мира, которые дает Е.В. Дзюба. Концептуальная картина мира – «система разнородных и комплексных знаний и представлений человека о мире (реальном и/или воображаемом), сформированная в процессе познания окружающей действительности и себя самого: познания научного и ненаучного, практического и перцептивного, с одной стороны, и абстрактного, или теоретического, с другой стороны; в целом это вся информация, которой владеет человеческое сознание» [8, с. 35]. Языковая картина мира – «зафиксированные в виде языковых единиц и категорий процессы и результаты когнитивной деятельности человека; вербализованный коррелят концептуальной картины мира» [8, с. 35].

Термину «концепт» ученые дают разные дефиниции. Е.С. Кубрякова определяет концепты как «единицы ментальных или психических ресурсов нашего сознания», «“кванты” знания», «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира» [9, с. 90]. Такой же точки зрения придерживаются Г. Кларк и С. Маршалл [10]. А.П. Бабушкин [11] и В. Эванс [12] считают, что существование концепта невозможно без вербализации.

Настоящее исследование является продолжением работы М.А. Еливановой и А.С. Кабановой [13], в которой исследовались сходства и различия концептов 'семья' и 'брак' в картинах мира представителей молодого (24 опрошенных 19–24 лет) и зрелого (21 респондент 42–53 лет и 3 – в возрасте 67, 71 и 79 лет) поколений. Теперь в исследовании приняли участие 111 испытуемых. Мы выделили четыре группы респондентов: дети (всего 41 ребенок²), представители молодого поколения (24 человека 19–24 лет), респонденты зрелого (32 опрошенных в возрасте 42–55 лет) и пожилого (14 человек 66–80 лет) возраста. Поскольку количественно выборка респондентов молодого поколения осталась без изменений в сравнении с [13], то мы очень кратко опишем ответы обозначенной группы участников эксперимента.

² Выборка поколения 'дети' неоднородна в силу того, что в дошкольном возрасте (8 респондентов) и в период позднего детства – начале подросткового возраста, в 10–13 лет (33 респондента), наполнение концепта 'семья' очень различается, а концепт 'брак' в картине мира дошкольников практически не представлен (слово оказалось знакомым одному из 8 испытуемых).

Основной метод исследования – ассоциативный эксперимент. Представителей каждого поколения просили дать по пять реакций на стимулы *семья* и *брак*. Хотя в русском языке существуют омонимы *брак*¹ (русская по происхождению лексема, от *брати*, обозначает союз двух людей; по С.И. Ожегову, «семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной» [14, с. 62]) и *брак*² (заимствование из германских языков, ср. *break* – ‘поломка, неисправность’), мы предполагали, что соседство слова того же семантического поля «семья» поможет избежать двусмысленности. Представители молодежи и люди зрелого поколения, а также часть респондентов пожилого возраста заполняли анкету онлайн. Другие представители поколения пожилых были опрошены лично. Дети – ученики 4–6-х классов – давали письменные ответы на листочках, а с дошкольниками была проведена беседа с фиксацией их ответов.

Не все респонденты давали именно пять реакций на каждый стимул – их могло быть больше или меньше.

Приведем список реакций представителей каждого поколения на стимул *семья*.

Дети 5–7 лет. Все дети отреагировали на слово *семья*. 8 опрошенных дали 46 реакций, которые можно, на наш взгляд, объединить в 23 типа (ассоциации расположены в порядке убывания частотности): *мама* (5), *папа* (5, в том числе *папа, но у меня нет*), *добро / добрые чувства / добрая* (4), *семья без детей не бывает / без детей нет семьи* (3), *большая* (3), *брат* (3), *сестра* (3), *хорошая* (3), *двоюродные* (2), *когда человек другого человека любит / любовь* (2), *бабушка* (1), *бережно относятся* (1), *дедушка* (1), *доча* (1), *должны помогать друг другу* (1), *дружная* (1), *игрушки* (1), *красивая* (1), *путешествуем когда* (1), *родители с детьми* (1), *сын* (1), *счастье* (1), *это когда вы вместе и смотрите сериал интересный* (1).

Дети 10–13 лет. От 33 респондентов мы получили 134 реакции, которые объединяются в 50 типов: *любовь* (14), *родители* (9), *мама* (9), *папа* (8), *брат* (7), *дом* (7), *помощь* (5), *бабушка* (4), *дети* (4), *дружба / дружные отношения* (4), *сестра* (4), *доброта/добро/добрые* (3), *забота* (3), *радость / принести радость* (3), *поддержка* (3), *родные* (3), *счастье* (3), *близкие* (2), *взаимоотношения* (2), *дедушка* (2), *обнимашки* (2), *семейная жизнь / жизнь* (2), *ссоры / небольшие ссоры* (2), *уважение* (2), *я* (2), *веселые* (1), *дружно жить* (1), *зависимость* (1), *измена* (1), *лучшее, что есть на свете* (1), *милые* (1), *общество* (1), *ответственность* (1), *приятное чувство* (1), *отдых* (1), *развлечения* (1), *ремень на попе* (1), *свет* (1), *сердце* (1), *скучно* (1), *смех* (1), *собака* (1), *сон* (1), *супруга* (1), *тепло* (1), *уют* (1), *хорошие* (1), *хорошее настроение* (1), *эмоции* (1), 7-я (1).

Представители молодого поколения. Ответы 24 респондентов в возрасте 19–24 лет приведены в [13]. Отметим, что они дали 124 реакции, которые можно объединить в 52 типа. Приведем те ассоциации, которые встречались два и более раз: *любовь* (16), *поддержка* (10), *дом* (7), *забота* (7), *родители* (5), *счастье* (5), *уют* (5), *помощь* (4), *спокойствие* (4), *теплота* (4), *взаимопонимание* (3), *понимание* (3), *дети* (3), *уважение* (3), *деньги* (2), *доверие* (2), *надежность* (2), *дружья* (2).

Представители зрелого поколения. Количество респондентов зрелого возраста по сравнению с [13] увеличилось, при этом мы исключили из набора ас-

социаций ответы респондентов 67, 71 и 79 лет. От 32 участников эксперимента были получены 173 реакции, которые объединены в 72 типа: *любовь* (18, в том числе – *безграничная любовь*), *дети* (15), *дом* (12), *мама* (6), *папа* (6), *дача* (5), *дружба* (5), *взаимопонимание* (4), *забота* (4), *защита* (4), *родители* (4), *бабушка* (3), *дедушка/дед* (3), *еда* (3), *ответственность* (3), *поддержка* (3), *радость* (3), *родные* (3), *счастье* (3), *традиции* (3), *взаимовыручка* (2), *доверие* (2), *дочь/дочки* (2), *жена* (2), *нежность* (2), *смех* (2), *собака* (2), *стол* (2), *уважение* (2), *уют* (2), *тепло* (2). Единичные ответы – *альбом*, *брак*, *быт*, *верность*, *вместе*, *внуки*, *гости*, *дискуссии*, *доброта*, *жизнь*, *защищенность*, *игрушки*, *каша*, *квартира*, *кладбище*, *крепость*, *за руку с мамой*, *кот*, *муж*, *надежность*, *опора*, *память*, *понимание*, *праздник*, *путешествия*, *работа*, *радио*, *свои*, *святое*, *сестры/братья*, *сила*, *солнце*, *спокойствие*, *супруг*, *сын*, *суп*, *тыл*, *ужин*, *хозяйство*, *хорошо*, *ячейка общества*.

Респонденты пожилого возраста. В опросе приняли участие 14 человек в возрасте от 66 до 80 лет (в основном женщины, лишь один мужчина). 70 реакций можно отнести к 45 типам: *дети* (6), *любовь* (5), *дом* (4), *единомышленники / едино мыслить / мыслить одинаково* (4), *взаимопонимание* (3), *забота* (3), *дружная* (2), *муж* (2), *общие интересы* (2), *понимание* (2), *родители* (2), *союз* (2), *близкие* (1), *брак* (1), *братья* (1), *взаимопомощь* (1), *гордость за успехи членов семьи* (1), *доверие* (1), *защищенность* (1), *здоровье* (1), *крепкая* (1), *лепка пельменей* (1), *многонациональный* (1), *очаг* (1), *печеный хлеб* (1), *переживание за родных* (1), *положительная* (1), *порядочность* (1), *пьяниц и алкоголиков* (1), *работа* (1), *радость* (1), *родственники* (1), *страх потери близких* (1), *супружество* (1), *творческая* (1), *тепло* (1), *тепло мамы* (1), *традиции* (1), *трудоголики* (1), *труженики* (1), *фамилия* (1), *честность* (1), *уверенность в себе* (1), *уважение* (1), *уют* (1).

Нужно отметить, что ассоциации *любовь*, *дети* зафиксированы (в разных соотношениях) в ответах респондентов всех поколений.

Мы убедились в том, что концепт 'семья' – сложное образование, даже в дошкольном детстве он многослоен. Его структуру удобнее всего представить как фрейм (рамку), который позволит отразить и разграничить несколько направлений/ячеек/аспектов, описывающих сознание человека, – слотов (о подобной структуре концепта см., например, в [11; 15]). Состав слотов мы определили в исследовании [13]: 1) «члены семьи»; 2) «общий быт, совместная деятельность»; 3) «эмоции (положительные и отрицательные) и ценности»; 4) «единство» и 5) «финансы и бюджет».

Каждый из слотов для молодого и зрелого поколений мы подробно описывали в [13], сделаем акцент на распределении ассоциаций у представителей самого младшего поколения и пожилых людей.

«Члены семьи». С рассматриваемым слотом связаны 26 из 46 реакций (57 %) детей дошкольного возраста (*мама*, *папа*, *брат*, *сестра*, *бабушка*, *дедушка*, *сын*, *доча*, *родители*, *дети*, *двоюродные*). Опрошенные убеждены, что «семья без детей не бывает». Если у дошкольников самые частотные ассоциации *мама* и *папа*, а *родители с детьми* (более абстрактные лексемы) встретились лишь один раз, то у детей в возрасте 10–13 лет с практически одинаковой высокой частотностью

появлялись *родители, мама, папа*. Интересно, что у школьников члены семьи женского пола (*мама* – 9, *бабушка* – 4) упоминаются чаще, чем члены семьи мужского пола (*папа* – 8, *дедушка* – 2). Возможно, лучше осознается как часть семьи тот, кто оказывает больше внимания и проявляет больше заботы. Только в рассматриваемой возрастной группе встретились ассоциация *я* (в том числе в варианте 7-я). Вероятно, начало подросткового возраста – период, когда человек начинает осознавать себя как некую исходную точку, восприятие подростка эгоцентрично. Упоминались *брат и сестра*, и связано это, по всей вероятности, с тем, что респонденты не единственные дети в семье. Появились слова с высокой степенью абстракции, субстантивированные прилагательные *родные* и *близкие*. Однажды встретившаяся лексема *супруга*, на наш взгляд, имеет стилистическую окраску. Один ребенок упомянул *собаку* (в беседе с дошкольниками каждому из детей был задан вопрос: «Собака – тоже семья?», все опрошенные ответили отрицательно). Всего обнаружилось 56 ассоциаций слота «члены семьи», что составляет 43 % ответов детей начала подросткового периода.

Отметим, что ассоциаций, входящих в слот «члены семьи», у респондентов молодого поколения было намного меньше (10 %), чем у участников эксперимента из других групп. *Детей* упомянули три респондента из 24, были реакции *родители* (но не *мама* и *папа*), *жена* и *теща*. Зато в большей степени распространенными оказались лексемы с более обобщенным, отвлеченным значением *родные, родственники, близкие*. Животных (*кот, собака*) молодежь признает членами семьи, а это значит, что под семейными подразумеваются не только кровные узы, но близость взаимодействия, отношений. Этим же можно объяснить появление среди ассоциаций слова *друзья*.

Представители зрелого поколения дали самые разнообразные реакции, общее количество ответов, связанных со слотом «члены семьи», – 56 (32 %). Одна из самых частотных реакций вообще – *дети*, но упоминается почти весь «ближний круг»: *мама, папа, родители, бабушка, дедушка/дед, внуки, сестры, братья, сын, дочь, муж, жена*. Очевидно, что люди зрелого возраста «богаче» других поколений в плане взаимодействия с родными: они – связующее звено между бабушками, дедушками и внуками, имеют мам и пап и одновременно сами являются родителями, мужьями и женами. Животные (*собака*) тоже рассматриваются как члены семьи.

В ответах представителей поколения пожилых в нашей выборке члены семьи были упомянуты 15 раз (причем один ответ связан не только с членами семьи – *тепло мамы*), что составляет 21 % от общего количества ассоциаций. Лексема *дети* оказалась самой частотной среди ответов этой группы респондентов; другие реакции, связанные с рассматриваемым слотом, – *муж, родители, близкие* (в одном из двух случаев – *страх потери близких*), *братья, родственники, мама (тепло мамы)*. Очевидно, люди пожилого возраста меньше взаимодействуют с родственниками и, видимо, чаще обращаются к анализу жизни и воспоминаниям. Одна из опрошенных дала довольно большой ряд реакций, в который входило немало ассоциаций других слотов, но позже (при личном разговоре), почувствовав необходимость уточнить свое восприятие семьи, описала картинки детства, когда вся большая родительская семья (пятеро детей, мама и

папа, бабушка) праздновала Новый год или дни рождения, собираясь за большим столом, старшая сестра играла на пианино, бабушка (у которой было больше средств, чем у родителей, и которая очень любила внуков) раздавала всем сладкие подарки (конфеты, печенье и большие яблоки).

«Общий быт, совместная деятельность». Реакции, связанные с этим слотом, менее частотны во всех группах респондентов. У дошкольников мы зафиксировали три ответа (7 %): *игрушки, путешествуем когда, это когда вы вместе и смотрите сериал интересный*. У школьников, оканчивающих начальные классы, и подростков общее количество ассоциаций слота 14 (10 %; *дом, семейная жизнь, жизнь, дружно жить, отдых, сон, развлечения, ремень на попе* – последняя реакция отражает не столько совместную деятельность, сколько взаимодействие взрослых с ребенком в процессе воспитания; ее можно, вероятно, отнести и к эмоционально-ценностному слоту), причем достаточно часто (7 из 13 реакций) встречается слово *дом*.

У молодежи выявлено 12 % реакций, связанных со слотом «общий быт, совместная деятельность»: *вещи, взаимодействие, дом, еда, общение, решение проблем*. У зрелого поколения 36 ассоциаций (20 %), более разнообразных и богатых, чем у молодежи: если у молодых людей зафиксировано слово *еда*, то у зрелых – *еда, ужин, каша, суп, стол*; если у молодежи *дом*, то у представителей зрелого поколения – *дом, дача, квартира, гости* (как место, где члены семьи вместе проводят время). Обращает на себя внимание наличие таких реакций, как *дискуссии, быт, работа, хозяйство*, характеризующих ежедневную рутину.

В группе представителей поколения пожилых ассоциации слота встретились 7 раз (10 %): *дом* (самая частотная – 4 раза), *лепка пельменей, печеный хлеб* (2 реакции одного респондента, возможно, вспоминается родительский дом), *работа*.

«Эмоции и ценности». Этот слот оказался самым разнообразным по составу ассоциаций в большинстве групп респондентов. У дошкольников связанные с ним ответы зафиксированы в 16 случаях (36 %). Большинство реакций – синтагматические ассоциации (*добрая, большая, дружная, хорошая* и даже *красивая*) или развернутые ответы, описывающие ситуации (*когда человек другого человека любит, бережно относится, должны помогать друг другу*). Существительные с абстрактным значением встречались редко (*любовь, счастье, добро*). Самая частотная семантическая реакция включает лексические единицы с корнем *добр-* (*добро / добрые чувства / добрая*). У школьников 62 реакции (46 %) связаны с эмоциями и ценностями. *Любовь* занимает первое место по частотности. Часто встречаются реакции *помощь, доброта/добро/добрые, забота, радость, поддержка, счастье*. Семья вызывает у детей в основном положительные эмоции, они передаются в том числе метафорически (*свет, сердце*), однако встретилось несколько ассоциаций, которые свидетельствуют о негативе (*ссоры / небольшие ссоры, зависимость*; две реакции на стимул *семья* дал один и тот же ребенок; он же написал слово *измена*, которое, безусловно, характеризует семейную «антиценность») или отсутствии положительных эмоций (*скучно*). Все отрицательные ассоциации возникли у мальчиков. Интересно, что некоторые дети осознают ценность ответственности и уважения, однако подобные ответы были единичными.

В группе молодежи в слот «эмоции и ценности» можно включить почти 2/3 всех ответов (67 %), первая ассоциация по частотности – *любовь* (16 из 24 респондентов указали эту лексему). *Комфорт, гармония, нежность, счастье, спокойствие, понимание, взаимопонимание, поддержка, доверие* – эти реакции, возможно, описывают ожидания начинающих собственные отношения или семейную жизнь или планирующих ее молодых людей. Подобные ответы встречались в описываемой группе респондентов чаще, чем в других группах. В целом молодежь чаще представляет некую идеальную модель семьи. У двух мужчин 23 лет возникли негативные реакции на стимул *семья: конфликт, ссора, столкновение интересов (разные поколения)*.

У представителей зрелого поколения и пожилых респондентов ассоциации *любовь* и *дети* конкурируют за лидерство. Опрошенные 42–55 лет дали 80 ответов (46 %), связанных с эмоционально-ценностным слотом. Большинство ассоциаций отражает ценностные аспекты: *взаимопонимание, поддержка, ответственность, доверие, уважение, забота, защита, взаимовыручка* и т. п. В отличие от более младших поколений (детей и молодежи), люди зрелого возраста дают реакции, связанные с традициями и преемственностью поколений: *традиции (3), альбом, память, кладбище*.

У респондентов пожилого возраста (66–80 лет) важным элементом слота, помимо взаимопонимания и заботы, становится единение мыслей и интересов членов семьи (возможно, супругов): *единомышленники / едино мыслить / мыслить одинаково, общие интересы*. В ассоциациях отражены ценности советской эпохи: *честность, порядочность, труженики, многонациональная (толерантность к другим культурам и принятие представителей других культур)*. Среди синтагматических ценностных ассоциаций (*дружная, крепкая, положительная*) встречается «антиценностная» (*пьяницы и алкоголиков*). Как у поколения респондентов зрелого возраста, у 66–80-летних опрошенных представлены реакции, отражающие традиции и преемственность поколений (*традиции, гордость за успехи членов семьи, страх потери близких* и т. п.). Всего реакций, связанных со слотом «эмоции и ценности», у самого старшего поколения выявлено 45 (64 %). Реакции слота «эмоции и ценности» у респондентов последних двух групп подтверждают, что опыт семейной жизни порождает видение конкретных моделей семьи.

«Единство». Этот слот совсем не представлен у детей дошкольного возраста, только один подросток предложил ассоциацию *общество* (менее 1 %).

У молодежи ассоциативный ряд наиболее богатый (8 % реакций): *брак, группа, единство, ЗАГС, коллектив, круг, равноправность, социум, социальная ячейка*. Обратим внимание, что аббревиатура ЗАГС соотносится с правовым аспектом концепта (в концепте «брак» выделим такой отдельный слот), но в то же время указывает на начало официального союза двух людей.

У участников эксперимента в возрасте 42–55 лет ассоциации слота составляют 2 % от общего числа реакций (*брак, вместе, ячейка общества*), а в возрасте 66–80 лет – 6 % (*союз, брак, супружество, фамилия*).

«Финансы и бюджет». Только в группе молодежи, планирующей создание семьи и представляющей себе ее идеальную модель, возникли ассоциации, связанные с финансами, – *деньги* (2 реакции), *зарплата, бюджет* (3 % ответов).

Соотношение слотов, составляющих структуру концепта 'семья', в представлении нескольких поколений: дошкольников, детей начала подросткового периода, молодежи, респондентов зрелого и пожилого возраста – можно видеть на рис. 1.

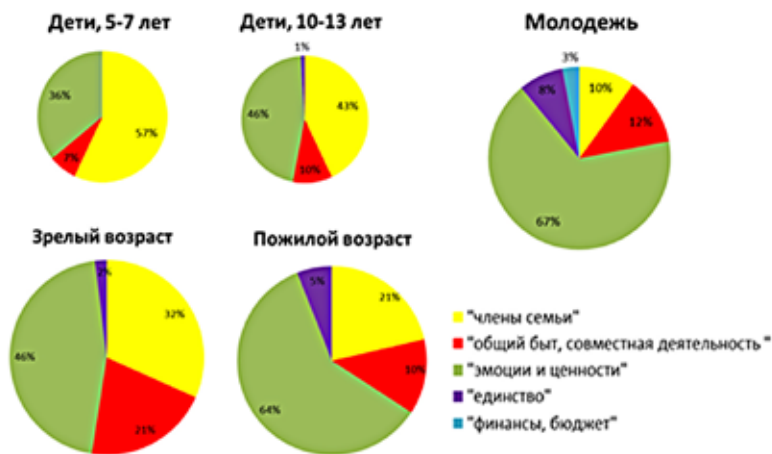

Рис. 1. Соотношение слотов в структуре концепта 'семья' у дошкольников (5–7 лет), детей 10–13 лет, представителей молодежи (19–24 года), респондентов зрелого (42–55 лет) и пожилого (66–80) возраста

Концепт 'брак' в значительной степени пересекается с концептом 'семья', но векторы его формирования у представителей русскоязычного общества могут быть различными. Отметим, что некоторые респонденты практически одинаковым составом ассоциаций (с небольшими нюансами) реагировали на оба стимула (ответы *любовь, верность, поддержка, дети* и т. д. были зафиксированы в ответах респондентов от 10–12 до 66–80 лет как реакции на стимулы *семья* и *брак*; для части испытуемых различие семьи и брака заключается в наличии или принятии во внимание детей, ср. мальчик, 12 лет: «Чем отличается семья без детей от брака?»). Другой вариант: *брак* – официальный правовой институт, который держится на правах и обязанностях и имеет точку отсчета в виде церемонии бракосочетания и свадьбы, *семья* же – эмоциональные и ценностные связи между ее членами. Еще один очевидный вариант разграничения концептов связан с эмоциональной составляющей; приведем наиболее иллюстративный ряд ассоциаций: *семья* – *очаг, любовь, традиции, уважение, понимание, уют, дети, порядочность, общие интересы*, *брак* – *женитьба, обязанность, терпение, ответственность, забота, обуза, тюрьма, уныние* (респондент – женщина, 73 года, эмоционально окрашенные для нее лексемы выделены подчеркиванием).

Остановимся подробнее на составе реакций каждой группы испытуемых.

У детей 5–7 лет представления о браке (по данным нашего эксперимента) практически нет. 7 из 8 респондентов ответили: «Не знаю, что это», один ребенок переспросил: «Брат?». Только одна девочка связала брак с наличием мужа, при этом прокомментировала: «Не хочется замуж. Может, муж такой... не убирает...». Продолжая рассуждения, описывает, как выходят замуж: «У них чувства случились. Дзынь – и все! Потом переписываться... на свидания ходить... замуж выйти...».

От детей 10–13 лет получена 91 реакция, они объединяются в 42 типа ассоциаций: *свадьба* (9), *дети* (7), *любовь* (7), *жена* (5), *ЗАГС* (5), *муж* (5), *семья / появление новой семьи* (5), *кольца / брачные кольца* (4), *деньги / мало денег / большие траты* (3), *совместная жизнь / быть вместе / жить вместе* (3), *взаимопомощь* (2), *документ* (2), *жених* (2), *невеста* (2), *работа / много работы* (2), *церковь* (2), *бытовуха* (1), *венчаться* (1), *верность* (1), *добро* (1), *доверие* (1), *дом* (1), *женитьба*, *ну и все* (1), *забота* (1), *лимузин* (1), *машина* (1), *молодожены* (1), *мужчина и женщина* (1), *объединение* (1), *общий интерес* (1), *подарки* (1), *подпись* (1), *понимание* (1), *поцелуй* (1), *праздник* (1), *пустота* (1), *радость* (1), *родители* (1), *свидетельство о браке* (1), *союз* (1), *счастье* (1), *Чем отличается семья без детей от брака?* (1). Одна девочка связала брак с поломкой (вопреки нашему ожиданию). Ее ассоциации (*грязь, порча, ужас, возврат, порченная вещь, плохое качество, ковер*) мы при подсчетах не учитывали.

Представители молодого поколения – 24 респондента в возрасте 19–24 лет – дали 122 реакции, которые можно объединить в 66 типов [13]. Приведем те ассоциации, которые встречались более двух раз: *любовь* (14), *свадьба* (6), *доверие* (6), *семья* (5), *поддержка* (5), *взаимопонимание* (4), *забота* (4), *дети* (4), *содружество* (3), *ЗАГС* (3), *жена* (2), *жизнь* (2), *надежность* (2), *опора* (2), *ответственность* (2), *отношения* (2), *понимание* (2), *развитие* (2), *развод* (2), *счастье* (2), *уважение* (2), *штамп* (2).

В группе представителей зрелого поколения зафиксированы 154 реакции, которые можно объединить в 94 типа ассоциаций: *любовь* (11), *семья* (6), *дети* (5), *жена* (5), *ЗАГС* (5), *ответственность* (5), *дом* (4), *свадьба* (4), *доверие* (3), *муж* (3), *обязательства* (3), *наследство* (3), *поддержка* (3), *радость* (3), *счастье* (3), *вместе* (2), *забота* (2), *кольца* (2), *общество* (2), *пара* (2), *паспорт* (2), *преданность* (2), *по расчету / расчет* (2), *развод* (2), *супруги* (2), *ужин* (2), единичные реакции – *а надо ли?*, *алименты*, *банки*, *брачный договор*, *взаимопонимание*, *взаимопомощь*, *взаимоотношения*, *взвешенность*, *венчание*, *верность*, *волнение*, *всем должна*, *вступление*, *гнездышко*, *дела*, *документы*, *дружба*, *жених*, *законный*, *защита*, *измена*, *кухня*, *институт*, *мужчина и женщина*, *надежда*, *надежность*, *не главное*, *невеста*, *нитки*, *нотариус*, *общество*, *однопольный*, *отношения*, *очаг*, *очень трудно*, *партнерство*, *перемены*, *перспектива*, *печать*, *подстраиваться*, *покупки*, *понимание*, *привычка*, *рука об руку*, *серьезность*, *свекровь*, *свидетельство*, *свидетели*, *семейный кодекс (закон)*, *совместимость*, *сомнения*, *союз*, *суд*, *телевизор*, *тепло*, *тетки*, *терпение*, *теща*, *традиции*, *уважение*, *уверенность в будущем*, *формальность*, *честь*, *шампанское*, *штамп*, *ячейка общества*. Два респондента отреагировали на стимул *брак* в значении ‘неисправность, поломка’ (*некачественная работа, косяк*). Подобные ответы мы не учитывали.

Представители поколения пожилых дали 62 реакции, которые объединяются в 45 типов ассоциаций: *любовь / ожидание любви* (4), *развод* (4), *жилье/квартира* (3), *ответственность* (3), *дача* (2), *деньги/финансы* (2), *женитьбы* (2), *забота / забота о муже и детях* (2), *замужество* (2), *обязательства* (2), *счастливый* (2), *больной ребенок* (1), *верность* (1), *внуки* (1), *волнение* (1), *дети* (1), *есть кому подать стакан воды* (1), *золотая свадьба* (1), *исполнение долга* (1),

машина (1), *надо*, *Федя, надо* (1), *необходимость* (1), *нужен или не нужен?* (1), *несовместимый* (1), *неудачный* (1), *обуза* (1), *обязанности* (1), *осознание через 50 лет* (1), *ощущение, что ты нужен* (1), *пересуды* (1), *понимание* (1), *проблемы* (1), *радость* (1), *регистрация* (1), *семья* (1), *сохранить во что бы то ни стало* (1), *статус* (1), *супружество* (1), *терпение* (1), *Троегузов в К* (1), *тюрьма* (1), *тяжелый* (1), *уныние* (1), *узаконить* (1), *хозяин* (1).

Все слоты, образующие структуру фрейма 'семья', можно выделить и в структуре фрейма 'брак': «члены семьи», «общий быт», «эмоции и ценности», «единство» (но к этому аспекту присоединяется его антагонист – разъединение: *развод, попытка, ошибка, измена* встречаются в группе молодежи, зрелых и пожилых респондентов), «финансы, бюджет». В концепте 'брак' выделяются новые слоты – «церемония бракосочетания и ее участники» и «юридический, правовой».

Несмотря на общность названий слотов фреймов 'семья' и 'брак', содержание и состав их иногда довольно значительно различаются. Так, в ассоциациях к *браку* у молодежи и респондентов поколения зрелых и пожилых людей (слот «члены семьи») реже встречаются *дети*, еще реже *родители*, совсем нет места *маме и папе, бабушке и дедушке* (в том числе у детей), но при этом чаще упоминаются *муж и жена* (они частотны у детей 10–13 лет), *супруг и супруга, теща, свекровь* – официальные термины родства.

В слоте «эмоции и ценности» концепта 'брак' (особенно у людей пожилого возраста, которые стремились сохранить семью, несмотря на трудности отношений с супругом, и терпели) чаще встречаются указания на отрицательные эмоции и обязательства (*тяжелый, неудачный, тюрьма, обуза, необходимость, исполнение долга* и т. п.). У представительниц поколения и зрелых, и пожилых людей возникает вопрос: «А надо ли?». Однако если брак удачный, то остается ощущение своей необходимости и осознание ценности партнера. Молодежь отмечает отрицательные эмоции другого плана: *давление, стресс, непостоянство, ненадежность, бремя, разрушительность*.

Слот «финансы, бюджет» появляется даже у детей 10–13 лет: *деньги / мало денег / большие траты*. А реакции *дом, квартира* к стимулу *брак* в контексте других реакций *машина, дача, финансы* уже не выступают в значении 'место, где члены семьи проживают на одной территории', а являются показателями благосостояния. В ответах представителей поколения пожилых слоты «финансы» и «общий быт» могут быть практически совмещены.

Слот «общий быт, совместная деятельность» может быть сокращен до варианта «общий быт» (ассоциаций, связанных с путешествиями и проведением времени в развлечениях дома или вне его, не дал ни один респондент).

Остановимся подробнее на анализе новых слотов – «церемония бракосочетания и ее участники» и «юридический, правовой».

«Церемония бракосочетания и ее участники». Дети 10–13 лет дали такие реакции: *свадьба, ЗАГС, появление новой семьи, кольца / брачные кольца, жених, невеста, женитьба, церковь, венчаться, лимузин, молодожены, подпись, поцелуи, праздник* – всего 33 реакции из 91 (36 %). Молодежь назвала только *свадьбу* (5 % ответов на стимул *брак*). Респонденты зрелого поколения, помимо того, что

называли дети, предложили *шампанское* и *свидетели* (всего 17 % ответов описывают церемонию). У представителей поколения пожилых к бракосочетанию можно отнести только ассоциации *женитьба* и *регистрация* (5 %) и косвенно *волнение* (оно попадает в слот «эмоции и ценности»), но очевидно, что это связано с моментом вступления в брак).

«Юридический, правовой» слот у детей представлен реакциями *документ* и *свидетельство о браке* (3 %), у молодежи ответы гораздо более разнообразны и составляют 13 % от их общего количества: *документы*, *ЗАГС*, *закон*, *ипотека*, *контракт*, *наследство*, *обязательства*, *официальность*, *страховка*, *штамп*, *юристы*. Реакции некоторых представителей зрелого поколения были связаны исключительно с рассматриваемым слотом (женщина 54 лет: *законный*, *по расчету*, *ЗАГС*, *наследство*, *нотариус*, *обязательства*; реакции *развод*, *вступление*, *супруги* пограничные, например, супруги – члены семьи, но официально, «юридически» названные). 12 % ответов респондентов зрелого возраста связаны с правовой стороной брака. Реакции представителей старшего поколения, касающиеся юридического аспекта, – *узаконить* и *статус* (5 %). Некоторые ассоциации, как мы уже отмечали, можно рассматривать как пограничные и общие для разных слотов, например, *развод* и *супружество* – одновременно единение и разъединение и юридическое оформление статуса, *регистрация* имеет и правовой, и церемониальный аспекты значения.

Соотношение слотов, составляющих структуру концепта ‘брак’, в представлении нескольких поколений: детей начала подросткового периода, молодежи, респондентов зрелого и пожилого возраста – можно видеть на рис. 2.

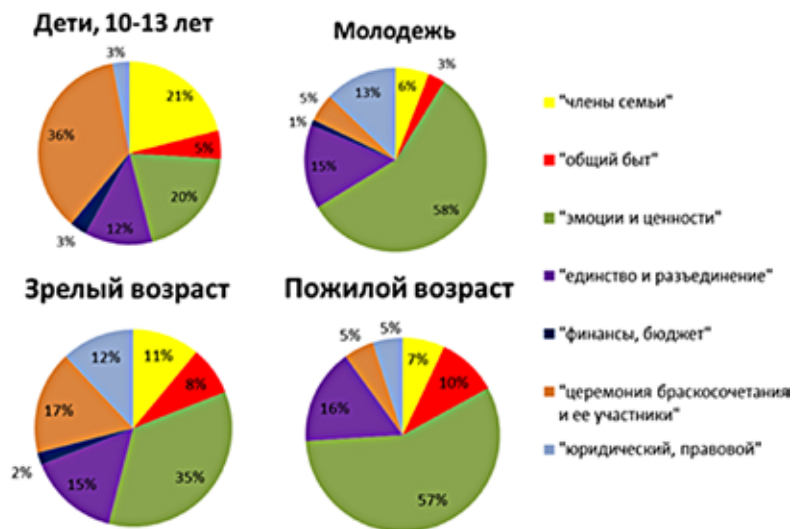

Рис. 2. Соотношение слотов в структуре концепта ‘брак’ у детей 10–13 лет, представителей молодежи (19–24 года), респондентов зрелого (42–55 лет) и пожилого (66–80 лет) возраста

Таким образом, концепты ‘семья’ и ‘брак’ являются сложными, многослойными. Представление их в виде фрейма дает возможность выделить слоты, которые «высвечивают» смысловые акценты концептов. Все ассоциации, которые

дали участники эксперимента, распределяются между слотами. Распределение иногда носит условный характер, поскольку одна и та же реакция может быть классифицирована по-разному (например, регистрация брака – это одновременно единение двух людей и юридический акт, расчет – одновременно финансы и ценности брака).

Наполнение концептов в разных возрастных группах респондентов отличается иногда очень значительно. Так, представление о семье имеют все опрошенные, но оно в зависимости от их возраста меняется следующим образом: дошкольники представляют семью конкретно, опираясь на непосредственное восприятие того, что происходит «здесь и сейчас»; это отражает наивную картину мира, характерную для указанного возраста (самый насыщенный слот для них – «члены семьи», а самые частотные реакции – *мама* и *папа*; во всех остальных группах респондентов самый объемный слот – «эмоции и ценности») → дети 10–13 лет поднимаются на некоторый уровень обобщения, абстракции, но также опираются на «здесь и сейчас»; они уделяют больше внимания разнообразным вариантам взаимоотношений в семье, понимают, что семья строится на заботе, уважении и поддержке → молодежь, начинающая самостоятельную жизнь, имеет абстрактную, идеальную модель семьи и брака → представители поколения зрелых и пожилых людей предлагают конкретные ассоциации, связанные с собственным опытом, при этом люди 66–80 лет часто обращаются к воспоминаниям, приходят к осознанию жизненного опыта в их собственных семьях и подводят некоторые итоги.

Концепт 'брак' в онтогенезе формируется позже, чем концепт 'семья' (у дошкольников он практически отсутствует), и в значительной степени пересекается с ним. В концепте 'брак' выделяются дополнительно два слота – «церемония бракосочетания и ее участники» и «юридический, правовой». В картине мира одних респондентов ядро концепта «высвечивается» благодаря акценту на указанных сторонах брака, тогда как для других концепт 'семья' соотносится с наличием детей, а 'брак' – с отношениями мужчины и женщины, для третьих значимы различия двух концептов в отношении слота «эмоции и ценности»: все положительное – забота, уважение, взаимопонимание и т. п. – связано с семьей, а с браком – обязанности и тяготы совместной жизни. Дети в 10–13 лет связывают с концептом 'брак' момент начала совместной жизни и церемонию бракосочетания, праздник.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.
2. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // *Cognit. Sci.* 1998. V. 22, No 2. P.133–187. [https://doi.org/10.1016/S0364-0213\(99\)80038-X](https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X).
3. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL, London: Univ. of Chicago Press, 1987. 632 p.

4. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual integration and formal expression // *Metaphor Symbolic Act.* 1995. V. 10, No 3. P. 183–204. https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3.
5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова [и др.] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212 с.
6. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // *Proceedings of the XVth World Congress of Philosophy.* 1974. № 3. С. 325–327. <https://doi.org/10.5840/wcp151974371>.
7. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петерб. востоковедение, 1996. 275 с.
8. *Дзюба Е.В.* Когнитивная лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2018. 280 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. 245 с.
10. *Clark H.H., Marshall C.R.* Definite reference and mutual knowledge // *Elements of Discourse Understanding* / Ed. by. A.K. Joshi, B.L. Webber, I.A. Sag. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981, pp. 10–63.
11. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
12. *Evans V.* How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction. Ser.: Oxford Linguistics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. 396 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199234660.001.0001>.
13. *Еливанова М.А., Кабанова А.С.* Экспериментальное исследование концептов «семья» и «брак» в картине мира разных поколений русскоязычного общества // *Russ. Linguist. Bull.* 2024. № 3 (51). URL: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.3>, свободный. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.3>.
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М: Рус. язык, 1989. 924 с.
15. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 10.09.2024

Еливанова Мария Анатольевна, доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка¹, доцент кафедры 63 (английского языка)²

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия
E-mail: melivanova@yandex.ru, foreign@hf-guap.ru

Семущина Валерия Анатольевна, старший преподаватель кафедры 63 (английского языка)

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия
E-mail: foreign@hf-guap.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.80-94

**Essential Characteristics of the Concepts of “Family” and “Marriage”
in the Russian Worldview Across Four Generations**M.A. Elivanova^{a,b*}, V.A. Semushina^{b**}^aHerzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191086 Russia^bSt. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, 190000 Russia

E-mail: *melivanova@yandex.ru, **foreign@hf-guap.ru

Received July 10, 2024; Accepted September 10, 2024

Abstract

This article examines the evolution of the concepts of “family” and “marriage” in the Russian worldview across four generations: children (41 respondents, with significant differences observed between the groups aged 5–7 and 10–13 years, as well as preschoolers (under 7 years) generally lacking a fully developed concept of “marriage”), young adults (24 respondents aged 19–24 years), middle-aged adults (32 respondents aged 42–55 years), and seniors (14 respondents aged 66–80 years). The respondents were asked about their five reactions (words and/or word combinations) to the stimuli *family* and *marriage*. The analysis of these reactions reveals that both concepts have a complex structure, which can be best described as a frame consisting of slots (groups of related semantic reactions), and unfold over time as a series of changes: preschoolers are normally concrete thinkers with a straightforward idea of family, a result of their age-specific naïve worldview → children aged 10–13 years attain an ability to abstract from reality, but still depend on their immediate experiences → young adults, starting to live on their own, have an abstract, idealized model of family and marriage → middle-aged adults and seniors associate family and marriage with their personal life experiences.

Keywords: cognitive linguistics, concept, worldview, family, marriage**Conflicts of Interest.** The authors declare no conflicts of interest.**Figure Captions**

Fig. 1. Pie charts showing the distribution of slots within the structure of the concept of “family” in preschoolers (5–7 years), children aged 10–13 years, young adults (19–24 years), middle-aged adults (42–55 years), and seniors (66–80 years).

Fig. 2. Pie charts showing the distribution of slots within the structure of the concept of “family” in children aged 10–13 years, young adults (19–24 years), middle-aged adults (42–55 years), and seniors (66–88 years).

References

1. de Saussure F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 1999. 425 p. (In Russian)
2. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 1998, vol. 22, no. 2, pp. 133–187. [https://doi.org/10.1016/S0364-0213\(99\)80038-X](https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X).
3. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, IL, London, Univ. of Chicago Press, 1987. 632 p.

4. Turner M., Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression. *Metaphor & Symbolic Activity*, 1995, vol. 10, no. 3, pp. 183–204. https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3.
5. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988. 212 p. (In Russian)
6. Brutyan G.A. Language and worldview. *Proc. XVth World Congr. of Philosophy*, 1974, no. 3, pp. 325–327. <https://doi.org/10.5840/wcp151974371>. (In Russian)
7. Kasevich V.B. *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Worldview. Language]. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 1996. 275 p. (In Russian)
8. Dzyuba E.V. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Gos. Pedagog. Univ., 2018. 280 p. (In Russian)
9. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Kubryakova E.S. (Ed.). Moscow, Filol. Fak. MGU, 1996. 245 p. (In Russian)
10. Clark H.H., Marshall C.R. Definite reference and mutual knowledge. In: Joshi A.K., Webber B.L., Sag I.A. (Eds.) *Elements of Discourse Understanding*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1981, pp. 10–63.
11. Babushkin A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka* [Concept Types in Lexical and Idiomatic Semantics of Language]. Voronezh, Izd. Voronezh. Gos. Univ., 1996. 103 p. (In Russian)
12. Evans V. *How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction*. Ser.: Oxford Linguistics. Oxford, Oxford Univ. Press, 2009. 396 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199234660.001.0001>.
13. Elivanova M.A., Kabanova A.S. An experimental study of the concepts “family” and “marriage” in the worldview of different generations of Russian-speaking society. *Russian Linguistic Bulletin*, 2024, no. 3 (51). URL: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.3> <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.3>. (In Russian)
14. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Shvedova N.Yu. (Ed.). Moscow, Russ.Yazyk, 1989. 924 p. (In Russian)
15. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007. 314 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Еливанова М.А., Семушина В.А. Особенности наполнения концептов ‘семья’ и ‘брак’ в картине мира представителей четырех поколений русскоязычного общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 80–94. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.80-94>. ⟩

⟨ **For citation:** Elivanova M.A., Semushina V.A. Essential characteristics of the concepts of “family” and “marriage” in the Russian worldview across four generations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 80–94. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.80-94>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.95-111

СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ И МИТИГАЦИИ КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕННОСТИ СЕТЕВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНФЛИКТОГЕННОМ ДИСКУРСЕ

Е.С. Палеха

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме речевого оформления конфликтогенного дискурса общественно значимой тематики. Описаны особенности современного сетевого текста в широком понимании, его отличия от медиатекста; выявлены смена роли автора и адресата, речевые функции, прагмаустановки пишущего, его стратегии речевого поведения в Сети. Выделены пять значимых сущностных характеристик сетевого дискурса новой формации, предполагающего прямое или косвенное взаимодействие коммуникантов (явную диалогизацию). В качестве иллюстративного материала рассматривались каналы мессенджера «Телеграм» общественной тематики, освещающие острые социально-политические темы и имеющие неодинаковые читательские аудитории, разные коммуникативные задачи, а также презентующие различные целевые установки их авторов. На примере двух типичных для общественно-политического дискурса речевых стратегий – дискредитации и митигации, противоположных по своей прагманправленности – показано, какое преломление они получают в современном сетевом потенциально конфликтном пространстве; как их тактическая реализация зависит от позиции автора, его личностных особенностей. Практические речевые данные приведены только в качестве иллюстраций и подробно освещены в других работах автора.

Ключевые слова: речевые стратегии, лингвокриминалистика, сетевая языковая личность, интернет-дискурс, вербальный конфликт, политическая лингвистика, прагмалингвистика

Пространство Сети в языкознании и речеведении изучается многоаспектно уже несколько десятилетий. Оно рассматривается как место для вербальных экспериментов, языковой свободы и брендинга Я-концепта. Ученые активно исследуют языковую специфику интернет-текста как разновидности медиатекста [1; 2], его лингвокультурологический аспект [3], потенциал экспрессивности, языковой игры [4–6] и др. Изучено понятие гипертекстуальности, введен термин «нетикет», обсуждается тема коммуникационной [7] и коммуникативной безопасности личности [8], частично описано языковое пространство блогосферы, телеграм-каналов [9–11].

Примечательно, что интернет-пространство сочетает в себе противоположные тенденции. Разножанровая публичность, речевая проявленность субъекта,

открытость коммуникативного поля удивительным образом сосуществуют с возможностями ложной идентичности личности, конструирования целевой ирреальной картины мира и стирания границ авторского «Я». И если во времена «догигабайтного» общения публичность, массовость взаимодействия все же предполагали выход из зоны ближайшего окружения говорящего, установку на открытость и принятие норм, правил говорения «вовне», то теперь, ввиду специфики пространства Сети, эти законы работают не в полной мере, а зачастую и вовсе отменяются. Наша гипотеза относительно новых особенностей интернет-коммуникации была ранее частично представлена в одной из работ [12] и основывалась на идее вербальной радикализации значительной части сетевого пространства, распространении дискommunikации как главной стратегии проявления авторского «Я», отчуждения нетикета как избыточного элемента при сохранении установки на масочность контактов. Мы предлагали ввести в оборот термин «радикализированный дискурс», под которым понимали «не только речевую пропаганду идей терроризма и экстремизма, распространение информации, содержащей призывы к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающей/оправдывающей необходимость осуществления таковой», но и «речевые практики языковой агрессии и языкового насилия, ксенофобные нападки в комментариях соцсетей, контент, способствующий распространению “языка вражды” и чувства обострения разного рода социальных конфликтов у коммуникантов» [12, с. 61].

Поводом для написания настоящей статьи, развивающей уже озвученные идеи, стали наши размышления в процессе проведения судебной лингвистической экспертизы материалов экстремистской, радикальной и диффамационной тематики, полученных в ходе мониторинга социальных сетей, интернет-СМИ, мессенджеров правовыми и волонтерскими организациями по заявлению граждан и в рамках реализации различных госпрограмм. Начиная с февраля-марта 2022 г. количество таких спорных публикаций резко увеличилось в разных жанровых направлениях (статьи, интервью, посты, комментарии, мемы, демотиваторы и др.), что обусловлено совокупностью историко-политических, юридических и психолого-социальных факторов. В общей сложности более трех тысяч текстовых единиц, размещенных в разных каналах «Телеграм» общественно значимой тематики онлайн и имеющих спорную смысловую направленность, стали объектом нашего описания и комплексного лингвоанализа.

В качестве еще одного вводного замечания отметим, что современная научная библиотека изобилует исследованиями преимущественно по медиатексту, под которым понимается «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [13, с. 11]. К числу значимых признаков такого текста, помимо массовости его адресата, также относят поликодовость и открытость [14]. Т.Г. Добросклонская отмечает, что традиционное понимание текста в применении к сфере интернет-СМИ расширилось и вышло «за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию... которое подразумевает последовательность любых знаков» [15, с. 29]. Заметим, что возникающий в связи с этим вопрос о границах текста остается пока не решенным:

к примеру, текст статьи, размещенной на странице новостного портала, содержит собственно авторский текст, заголовок, подводку, фотосопровождение; однако существуют сомнения относительно того, следует ли включать в пространство такого текста комментарии читателей к статье, околотекстовую рекламу, рекомендованные к прочтению статьи на сходную тематику, которые гипотетический читатель будет видеть на полях интересующей его публикации, гиперссылки в самом теле статьи, отправляющие читателя к другим материалам портала или даже сторонним сайтам. Так или иначе вышеперечисленные элементы могут рассматриваться как фоновые гиперфакторы, которые оказывают определенное влияние на восприятие первичного авторского текста читателем, а значит, они отчасти являются составляющим (дополняющим) элементом первичного текста.

Вне исследовательского прицела остаются тексты авторской блогосферы, телеграм-каналов, комментинга, диджитал-постеры (мемы, демотиваторы, листовки, иллюстрации к постам) – для обозначения всей их совокупности до сих пор не имеется общепризнанного термина: сочетания «сетевой текст», «интернет-текст» все же нельзя назвать терминологичными, а между тем следует признать необходимость введения подобного понятия.

Напомним, что закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (97-ФЗ) обязал обладателей интернет-ресурсов с аудиторией «более 3 000 посещений в сутки» регистрироваться в Роскомнадзоре, то есть фактически наложил определенные ограничения на контент и наделил блогеров рядом прав и обязанностей классических СМИ; при этом текстовое пространство соцсетей детальному научному осмыслению именно с позиций лингвистического знания подвергнуто не было. Имеются узко тематические исследования, в частности касающиеся отдельных жанров – YouTube-интервью, комментария, авторского блога, мемов [16–20], но значимой всеобъемлющей концепции дискурса блогосферы пока не выработано.

Думается, этому есть логичное объяснение. Язык, на котором вот уже более двух десятилетий люди общаются в мессенджерах и соцсетях, относят к письменной разновидности устной речи, а ее концепция, равно как и теория разговорного стиля речи, в современной науке о языке категории весьма разработанные.

Исторически сложилось так, что интернет-текст был в фокусе исследований, ранее занимавшихся изучением публицистических жанров – газетных текстов, текстов радио и ТВ. В.Г. Костомаров еще в своих ранних работах определил эстетику языка и прагматику подобных текстов как «основанную на единстве стандарта и экспрессии и их динамическом объединении» [21, с. 89]. Ученый полагал, что именно чередование экспрессивных и информативных блоков, субъективного и объективного помогает авторам СМИ удерживать внимание читателя и воздействовать на его отношение к прочитанному [21, с. 92], поэтому манипулятивная и оценочная функции массмедиа зачастую подавляют функцию объективной передачи информации – гносеологическую. В более поздних работах автора [22] отмечается, что массовая природа медийности значительно повлияла на

соотношение письменных и устных текстов, стерла границы между книжностью и разговорностью, а значит, уже в конце XX в. язык медиа осмыслялся как экспериментальная база для наблюдения за языком в моменте его трансформации, перерождения, обновления. Позднее о способности медиатекстов, особенно сетевых, отражать живую разговорную речь, трансформировать культурно-языковые клише писали Т.Г. Добросклонская [15], О.А. Гаврикова [23], Е.И. Горошко, Л.В. Павлова [24] и др.

А.В. Полонский полагает, что современные печатные, визуальные и онлайн-медиа следует рассматривать как некий контекст, в рамках которого освещаются все социальные события, закрепляются нравственно-эстетические поведенческие паттерны, формируется картина мира носителя языка, его когнитивно-аксиологический опыт (в дополнение к когнитивно-логическому) [25, с. 233]. Наша коллега Л.М. Салмина еще в монографии 2001 г. писала о том, что такой опыт «представляет собой неизбежное следствие и условие взаимодействия человека с миром» и «существенным образом влияет на моделирование поведения личности как члена данного социума» [26, с. 49]. Приведенный довод лишь подтверждает значимость научного осмысления не только сетевого медиатекста, но и текстового пространства соцсетей, пабликов, блогов во всех его жанровых проявлениях – с позиций коммуникативной прагматики прежде всего. Справедливости ради стоит отметить и тот факт, что зачастую провести четкую границу между медиаресурсом и соцсетью непросто (примером подобной «сложной» диагностики могут стать канал в мессенджере «Телеграм» или страница в социальной сети «ВКонтакте» агентства «РИА-новости»).

Завершая первую (вводную) часть нашего исследования, отметим пять важных, на наш взгляд, особенностей дискурса соцсетей, которые несколько выделяют их на фоне медиа- и интернет-текстов, а заодно и поднимают круг исследовательских и социальных вопросов и проблем, о которых пока массово в научном дискурсе не говорят.

Первое – соотношение спонтанного и условно контролируемого в речи: в соцсетях, блогах, тематических группах и каналах мессенджеров спонтанности гораздо больше, чем в медиапространстве, где тексты вычитываются редакторами, «подгоняются» под корпоративную политику издания и требования закона. Элементы цензуры вводятся в некоторых соцсетях (например, в запрещенной на территории РФ сети Instagram), модераторы которых реагируют на нецензурную лексику в постах, комментариях, этнофолизмы, а также на слова «секс», «деньги», «лечить» в рекламном контенте. Обойти такую цензуру помогает графическая замена буквенных элементов или эвфемизация понятий. При этом контент в блогах и на страницах пользователей не маркируется возрастными ограничениями, не верифицируется авторами (то есть не подвергается проверке на истинность) и т. д., а следовательно, он представляет собой зону риска для проявленности фактов речевой агрессии или распространения недостоверной информации.

Второе – размытость границ между авторским контентом и контентом гипертекстовой природы (упоминали об этом чуть выше), что поднимает проблему ответственности субъекта за распространение нелегитимного, нарушающего чьи-либо права или ложного контента. Так, остаются нерешенными следующие

вопросы: предполагает ли репост сторонней публикации на личную страницу пользователя, страницу группы или в тематический канал ответственность за распространение противоправного контента; должно ли использование чужой оформленной цитаты с комментарием о несогласии автора с позицией цитируемого рассматриваться с позиций лингвокриминалистики как спорный контент, подлежащий анализу и судебному рассмотрению: ведь, несмотря на несогласие, автор распространяет текст, способствует тому, чтобы его увидело большее количество пользователей. С научных позиций требуется переосмыслить понятия автора и адресата сетевого текста, механизмов диалогизации и отражения структуры языковой личности в Сети, поскольку сетевая личность не просто потребляет контент – она всегда коммуницирует с сетевой личностью «Другого» (исходим из позиции: у любого сетевого текста есть автор, хотя вскоре ввиду расцвета искусственного интеллекта, способного продуцировать тексты любой природы, и этот постулат может быть оспорен) и выступает неким «отраженным» автором.

Третье – сетевая коммуникация уже давно не является лишь зоной обмена текстами-репликами, текстами-высказываниями по примеру привычного нам диалога (имеем в виду следующие феномены: посты и реакции на них, подкасты/интервью с экспертами или селебрити и комментарии к ним, комментарий и ответ на него в дереве комментариев, объявление о вакансии и отклик на него). Взаимодействие в интернет-пространстве напоминает, скорее, обмен взаимно направленными (ответ на комментарий) или массово ориентированными (пост, сторис, прямой эфир, статус) вербализованными и невербализованными действиями субъектов. Примером вербализованного действия может стать комментарий-похвала, комментарий-критика или комментарий-дискуссия под публикацией в СМИ или блоге, невербализованного – (дис)лайк под видео или постом, сохранение его в закладки, репост, отметка человека или страницы в сторис/статусе, реакция на видео, приглашение вступить в закрытую группу и т. д. В подобных случаях мы также сталкиваемся с вопросом правовой оценки: если контент попадает под категорию запрещенного для распространения в публичном пространстве, то как следует расценивать подобные речевые и неречевые действия? Лайки, комментарии, репосты повышают популярность публикации и тем самым косвенно способствуют ее распространению, аккумулируя ее сетевой рейтинг именно через взаимодействие с ней. Или, к примеру, отклик на вакансию на сайте или в приложении с объявлениями – это сообщение текстовой природы или текст, который сопровождает личностно значимый поступок – решение пользователя о пригодности вакансии?

Уместным в обозначенной связи кажется использование понятия когнитивной лингвистики – фрейма – применительно к сетевой коммуникации. Одно из классических его пониманий восходит к концепциям И. Филлмора, Э. Гоффмана, Г. Бейтсона и презентует его как «схему, сценарий, когнитивную модель» или «единицу знаний, организованную вокруг некоторого понятия» и соединяющую «несколько видов информации: использование, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся» [27, с. 542]. Можно смело утверждать, что сетевая личность обладает рядом навыков: 1) ориентации в интернет-пространстве и его когнициирования (вход), 2) выбора стратегии коммуникативного

ответа на стимулы пространства (ориентация), 3) реализации стратегии в конкретной коммуникативной тактике (действие), 4) оценивания потребности в развитии, продолжении сетевого диалога в конкретном сетевом контакт-случае (рефлексия). Этот фрейм сетевого поведения отражает схему псевдосоциальных контактов и ситуаций их психологического проживания.

Четвертая особенность связана со сменой соотношения коммуникативных функций в сетевом общении. Если за сетевым медиатекстом закрепляют, помимо основной информационной функции, «консолидирующую, адаптирующую и собственно формирующую» [5, с. 59], то блогинг как главная стратегия инфлюэнс-маркетинга, а также общение в комментариях под новостными статьями, постами или отзывами на товары и услуги и даже поисковики, выдающие информацию по запросу пользователя, в полной мере реализуют функции регулятивную и волюнтаристическую (помогают принять решение и сформировать желание). Новое преломление получает и фатическая функция: роль «социальных поглаживаний» выполняют не только комментарии и лайки, но и скроллинг новостной или блогерской ленты («я в контакте с социумом и миром», «я в курсе происходящего»). При этом, поскольку реального контакта не происходит, а дофаминопроизводящая система эксплуатируется, человек в Сети все чаще выбирает стратегии конфликта, эпатажа, дискommunikации. Так, согласно данным Р.А. Абдуллаевой, негативные комментарии в Интернете оставляют чаще без просьбы об отзыве, а люди, которые проводят онлайн от двух-трех часов в день, более других склонны выбирать стратегии критики, «хейта», диффамации [28].

Пятая особенность следующая: установка на диалогизацию на уровне поступков, фреймирование коммуникации, стирание границ между автором/адресатом сетевого сообщения, иные приоритетные функции взаимодействия личностей в блогах, каналах мессенджеров и соцсетях и многое другое – все это делает немедийное и околomedийное сетевое пространство повышенно конфликтным, а в крайних случаях – радикализированным. В нашем раннем исследовании мы уже отмечали потенциальную конфликтность интернет-среды [12], объясняя ее природой Сети и принципами личностного поведения в ней. Добавим сюда усиливающееся в последние годы разделение сетевого пространства и его участников на «своих» и «чужих» (по Е.В. Кишиной, наследие политического, а ранее историко-культурного дискурса [29]), причем набор критериев разделения все более усложняется: политическая, религиозная или философская позиция субъектом может напрямую и не высказываться, но проявляться в ряде его сетевых фреймов. При этом речевое поведение сетевой личности для специалистов по прагмалингвистике, психолингвистике может стать маркером социальных девиаций, приверженности потенциально опасным умонастроениям (например, колумбайн, ваххабизм), сектам («Аум Синрикё», «Свидетели Иеговы»), а значит, может использоваться в программах социальной профилактики.

В качестве примера того, как проявляется коммуникативная конфликтность интернет-среды в преломлении речевых стратегий разных типов языковых личностей, нами были рассмотрены две противоположные по эмоционально-интенциональной направленности, прагмаустановке стратегии – дискредитация и митигация. Обе стратегии характеризуются как типичные для общественно-по-

литического или так называемого парламентского дискурса, а потому выбраны нами как публично и медийно уместные приемы ведения диалога с очевидными оппонентами. Их оппозицию можно условно описать как «жесткое» и «мягкое» вербальное противостояние.

Стратегия дискредитации (от фр. *discrediter* – ‘подрывать доверие’) зачастую рассматривается как одна из форм проявления речевой агрессии в предвыборном политическом дискурсе или медиадискурсе [30, с. 3]. Целью ее является создание у массового адресата негативного образа какого-либо субъекта или события. Ее природа «я»-центрична: за счет умаления достоинств другого автор стремится прямо или косвенно возвеличить себя. Ее языковым выражением становятся утверждения о фактах прошлого с негативным смысловым компонентом, оценочные суждения и дефиниции, символические коннотации, иронические зарисовки, намеки и прочие речевые инструменты.

Стратегия митигации (от лат. *mitigare* – ‘смягчать’, ‘ослаблять’) не имеет фиксированной трактовки, но чаще рассматривается как реализованное в речи желание общающегося избежать возможных коммуникативных рисков и найти оптимальные тактики их минимизации в целях сохранения статус-кво, лица говорящего, ситуации сетевого мира [31–35]. Ее языковым выражением становятся этикетные формулы, фатические высказывания, оформленное авторское мнение говорящего, эвфемизация, образные и прямые диминутивы и т. д.

С позиции информационно-коммуникативной безопасности вторая стратегия предпочтительна в массовой среде: она по сути неконфликтна, ориентирована «вовне», хотя и допускает возможное несогласие с адресатом, не нарушает эмоционального баланса в диалоге, нацелена на выстраивание взаимодействия, не несет деструктивных последствий для личности автора/адресата, не попадает в поле правовой и лингвокриминалистической оценки.

В качестве иллюстраций приведем некоторые примеры из телеграм-каналов общественно-значимой тематики (были выбраны каналы, различающиеся по охвату аудитории, авторские и тематические, с разными сетевыми личностями авторов – по возрасту, гендеру, транслируемой общественной позиции):

– «Павел Островский» (191 138 подписчиков, <https://t.me/pavelostrovski>, авторский канал широкой общественной тематики, в том числе религиозной, ориентирован на взрослую православную аудиторию РФ),

– «БП Онлайн» (68 172 подписчика, <https://t.me/bponline>, новостной канал с групповым автором, авторы – женщины),

– «Екатерина Мизулина» (751 322 подписчика, https://t.me/ekaterina_mizulina, авторский канал правозащитной направленности, ориентирован на молодежь),

– «Кристина Потупчик» (139 307 подписчиков, <https://t.me/krispotupchik>, авторский канал общественно-политической, историко-просветительской направленности, ориентирован на образованную аудиторию среднего возраста),

– «Дмитрий Медведев» (1 368 359 подписчиков, https://t.me/medvedev_telegram, авторский канал с широкой аудиторией).

Среди публикаций каждого канала можно найти речевые примеры и стратегии дискредитации, и стратегии митигации, однако разными являются их количественное соотношение и тактики речевого воплощения.

Так, в канале «Кристина Потупчик» при всей его смысловой смелости и эпатажности наряду со стратегией дискредитации регулярно используется тактика смягчения оценки, при этом интенция очернить образ противника сохраняется (автор актуализирует концептуальную оппозицию «Россия – США»). К примеру, в рамках одной публикации сначала дается эвфемистичная негативная оценка, затем используется достаточно жесткая тактика доведения ситуации до абсурда:

*«Все-таки американская система медицинской помощи с каждым годом становится все более **странной** (митигация. – Е. П.). В пяти штатах разрешили доступ к ней людям, недавно вышедшим из тюрьмы. Обосновывается это тем, что им нужна поддержка при интеграции в социум, а потому для них такая возможность предоставляется по сути просто так. **То есть какой-нибудь студент в кредитах и приезжий работага никакой помощи не получают, а вот отсидевший преступник – вполне. Или по логике законодателей теперь честные, но бедные граждане должны совершать преступления, чтобы для них такие возможности открылись?** (дискредитация. – Е. П.)»¹.*

В целом комбинация дискредитирующих прямых утверждений о фактах и мягкой митигативной оценки характерна для женского стиля автора канала. Текст следующей публикации начинается с жесткой стратегии, а завершается мягкой – в целом создается «минус»-образ и правительства Японии, и американских военных:

*«С бесчинствами американских военных на Окинаве все не так просто – случаев **преступлений сексуального характера** там еще больше. Судя по всему, чиновники совместно с американцами хотели замять дело, но не получилось. Причем известно о них еще с прошлого года, но обвинений так никому и не предъявили. Но это все мелочи. Токио **умудрился забыть**, кто на Японию ядерные бомбы сбрасывал, а подобные **американские шалости** (митигация. – Е. П.) для него вообще не проблема»².*

Другой автор-женщина, ведущая канала «Екатерина Мизулина», гораздо более сдержанна в оценках и склонна заменять языковую оценочность на смысловую оценку с позиций права – в итоге текст с точки зрения языка выглядит нейтрально, однако воспринимается как сообщение о преступлении или нелегитимном поступке именно благодаря оценке автора как носителя правовой экспертизы: на уровне языка это выражается в использовании юридической терминологии, примет официально-делового стиля речи. Приведем один из множества типичных контекстов:

*«Получили **ответ от Прокуратуры Воронежской области по небезызвестной ситуации с досмотром на ЕГЭ**. Как сообщается в ответе, **по результатам проверки фактов принуждения к снятию одежды не выявлено**. Вместе с тем проверка показала, что осуществление досмотра проведено с нарушением закона, в связи с чем губернатору региона внесено представление об устранении нарушений, виновные должностные лица были привлечены к дисципли-*

¹ <https://t.me/krispotupchik/10599>.

² <https://t.me/krispotupchik/10598>.

плинарной ответственности. В отношении сотрудников ППЭ составлены протоколы об административном правонарушении. Также в СУ СК региона проводится доследственная проверка по сообщению о халатности и самоуправстве сотрудников пункта проведения экзамена»³.

Примечательно, что автор настойчиво использует официальную «мы»-форму повествования, хотя и ведет авторский канал единолично: *«История вызвала широкий общественный резонанс в регионе, а семья мальчика обратилась ко мне. На днях мы получили ответ от Прокуратуры Свердловской области...»⁴*. Считаем, что подобную манеру подачи социально острой информации можно рассматривать в рамках митигативных стратегий.

Гораздо реже комбинация митигативной иронии и жестких утверждений негативной (зачастую правовой) направленности наблюдается в телеграм-стиле автора канала «Дмитрий Медведев»:

«Столтенберг надеется на членство Украины в НАТО к 2034 году. Вот, право слово, молодец! Это ответ честного человека (митигация. – Е. П.). К 2034 году ни одного из нынешних руководителей стран НАТО не останется на своих местах. Часть из них будет на пенсии или в лучшем из миров / в аду (выбрать требуемое). И самой страны 404 не будет (дискредитация. – Е. П.)»⁵.

Однако стратегия дискредитации представителей группы «Они/чужие» в канале автора-мужчины с высоким должностным положением превалирует, причем в самых крайних вариантах речевого оформления при сохранении той же концептуальной оппозиции «Россия – недружественные страны». На уровне речевых особенностей она проявляется следующим образом:

а) использование грубой, обсценированной или жаргонной номинативной лексики для достижения эффекта гиперболизации (*«Это не детская игра в спички или невинная шалость с зеленкой. Это прямое содействие тем выродкам, которые сегодня обстреливают наши города»*;

б) использование тактики предсказания наказания за содеянное (*«Все недодяи, которые совершают преступления на избирательных участках или рядом с ними (поджоги, вандализм и пр.), должны помнить, что они могут быть привлечены к ответственности отнюдь не по ст. 141 УК РФ “Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий”. Они – предатели, и их деяния могут быть квалифицированы гораздо строже: по ст. 275 УК РФ – государственная измена в форме оказания иностранному государству какой-либо помощи в период войны... Криминальные активисты на избирательных участках должны осознавать, что за свой поступок могут загреметь лет на двадцать особого режима...»⁶*;

в) уничтожение – смысловое, графическое (написание со строчной буквы имени собственного: *«...и с ними изображающий из себя президента несуществующей страны латвии ничтожество по фамилии ринкевичс, пожелавший смерти России»⁷*);

³ https://t.me/ekaterina_mizulina/9670.

⁴ https://t.me/ekaterina_mizulina/9673.

⁵ https://t.me/medvedev_telegram/514.

⁶ https://t.me/medvedev_telegram/466.

⁷ https://t.me/medvedev_telegram/465.

г) угроза возмездия, оформленная в категориях будущего времени («*И там же будут болтаться убудки, обстреливающие мирных жителей наших городов... Memento mori!*»⁸);

д) тактика высмеивания.

Кстати, использование грубой лексики, этнофолизмов в других исследованных нами каналах встречалось крайне редко и исключительно в иронических контекстах, контекстах с намеками (более мягкий вариант дискредитации), например в канале «БП онлайн».

Близкий к нейтральному эмоциональный градус публикации с дискредитирующими данными автору удастся сохранить благодаря множественным вводным и ссылочным конструкциям – практически в каждом сложном предложении с уничижающими деловую честь солдата фактами: «...и об этом пишут не российские СМИ, и суд проходит не в Москве; об этом пишут чешские сми, и суд проходит в Праге»; «по словам прокурора Мартина Биле...»; «согласно материалам»; «согласно обвинительному заключению»; «по словам свидетелей» и т. д. Такой вариант стратегии по прагматике ближе к митигации, чем к открытому обвинению.

Автор канала «Павел Островский» в целом тяготеет к митигации, даже если в тексте высказывается явная критика. Так, нередко пишущий использует известный в риторике «прием бутерброда», когда критическое замечание предваряется и закрывается похвалой, например: «Сегодня с женой сходил на Всероссийский парад семьи, чтобы лично поддержать это **важнейшее начинание**. Надеюсь, что данный парад станет не только традиционным для страны, но и приобретет **грандиозный масштаб**. От себя хочу добавить **небольшую ложку дегтя – официальную часть финального концерта надо бы делать в разы меньше, ибо это просто лютая скукота**: слушать 20 минут о достижениях выставки “Россия”... Детей маленьких надо щадить, а не приучать с малолетства, что официальные мероприятия – это долго и нудно. :) Сам же парад был очень крутецким – организаторам поклон»⁹. Литота (*небольшая ложка дегтя*), использование пунктуационного смайла сразу после высказывания с критикой – маркеры стратегии смягчения.

Таким образом, анализ показал наличие разных способов речевой реализации стратегий дискредитации и митигации в каналах со сходными тематическими направлениями, но с разным позиционированием, неодинаковой степенью проявленности авторского начала, различными коммуникативными задачами и потенциальными адресатами.

Авторы каналов с прозрачной политической повесткой (пророссийской, близкой к официальной) чаще оперируют прямыми стратегиями дискредитации, построенными на утверждениях о фактах, ссылках на источники информации. Явной негативной оценки избегают, подают ее в ироническом ключе или подкрепляют правозащитной позицией.

Исключение составляет канал с названием «Дмитрий Медведев». Он также содержит значительную долю правовых контекстов, однако они поданы через тактики угроз или возмездия. Оценка зачастую имеет номинативную форму выра-

⁸ https://t.me/medvedev_telegram/465.

⁹ <https://t.me/pavelostrovski/9176>.

жения (она более «жесткая», чем оценка адъективная). В обозначенном смысле канал являет собой образец текстов-дебатов с элементами классических парламентских речей, воззваний (см. об этом в работах у Я.А. Волковой, Н.Н. Панченко, Н.М. Головиной [37; 38]). Социальный статус сетевой языковой личности автора канала значительно выше, чем у авторов других каналов – отсюда и бóльшая речевая смелость, эмоциональная хлесткость.

Каналы авторов-женщин ожидаемо содержат больше примеров митигативных стратегий, эвфемистичных оценок, риторических приемов для смягчения дискредитирующих фактов, что в целом, скорее, опровергает теорию некоторых авторов об отсутствии гендерных различий в смыслопорождении, лексико-семантических предпочтениях политиков [39] – в текстах телеграм-каналов они есть, хоть и не такие значительные.

Речевой рисунок канала «Павел Островский» можно охарактеризовать как ориентированный на прямые эксплицитные оценки, данные хотя и при помощи разговорной лексики, но адъективно, «мягко», и фактологичность, доказательность. Здесь можно наблюдать определенную сдержанность как в стратегии дискредитации, так и в стратегии митигации, что отражает позиционирование автора (священнослужитель, блогер и общественный деятель).

Как видно, языковое оформление, речевая подача, прагматика контента разных каналов мессенджера «Телеграм» отражают и сетевую языковую личность его автора/авторов, и идеологическую позицию, и социальный статус, и половозрастные характеристики. Следует признать, что специфика телеграм-канала с точки зрения жанра позволяет отнести его к разновидности онлайн-дневников с определенной долей саморедактуры, а значит, и в содержании, и в форме его представления находят отражение спонтанные личностные эмоции. Взаимодействие с адресатом происходит постоянно (у части каналов открыта возможность комментирования, постановки реакций, пользователи могут отправить сообщение автору в мессенджер), что помогает ведущим каналов управлять контентом (например, выкладывать отдельные комментарии, блокировать пользователя, если он нарушает нетикет или личные границы кого-либо из участников коммуникации) на уровне речевого поступка. Автор канала «Екатерина Мизулина» открыто пишет, почему комментарии в ее публикациях закрыты – это способ защитить аудиторию от чрезмерной речевой агрессии, визуального насилия, то есть автор канала чувствует собственную ответственность в том числе и за комментарии других пользователей в ее авторском пространстве, и за конфликтность информационного поля, которое создается дискурсом повестки канала.

Указанные признаки демонстрируют отличие подобных сетевых контактов от медиалингвистики. Настоящее исследование имеет несколько вариантов продолжения: проводится контент-анализ использования конкретных лексем, вычисляется математическое соотношение степени речевой эмоциональности текста публикации и количества реакций пользователей, рассматриваются иные стратегии самопрезентации авторов и воздействия на аудиторию в ракурсе политической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- 97-ФЗ – Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201405050068>, свободный.

Литература

1. Ульянова М.А. Интернет-дискурс как жанр электронной коммуникации // Наука и современность. 2011. № 11. С. 349–354.
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Е.И. Горошко, Е.Н. Галичкина, М.С. Рыжков [и др.]; науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2012. 323 с.
3. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 519 с.
4. Сиротинина О.Б. Медиалингвистика или медиастилистика? // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 17–23.
5. Клушина Н.И., Байгожина Д.О., Тахан С.Ш. Медиатизация: стилистический вектор // Верхневолж. филологич. вестн. 2019. № 2. С. 57–62.
6. Золотарева Л.А., Андреева И.Г. Особенности заголовков в интернет-маркетинге (на примере YouTube, netology.ru, habr.com) // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 39–48. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-14039>.
7. Покровская Е.М., Озеркин Д.В. Проблема манипуляционного воздействия на человека в информационно-коммуникационном пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7268>, свободный.
8. Палеха Е.С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 117–126. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126>.
9. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: J. Media Stud. 2022. № 1. С. 114–144. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230>.
10. Ванько Т.Р. Синтаксические параметры политической коммуникации в блогосфере // Вестн. МГЛУ. Гуманит. науки. 2020. Вып. 11 (840). С. 21–35.
11. Шапошников В.А. Преодоление коммуникативного вакуума в блогосфере // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 141–144.
12. Палеха Е.С. Радикализированный дискурс: понятие, структура, особенности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 5. С. 59–73. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.5.59-73>.
13. Современный медиатекст / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
14. Казак М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 65–76.
15. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28–34.
16. Палеха Е.С., Садыкова И.А. Комментарии пользователей социальных сетей: еще раз к вопросу об агрессивном тексте // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 2 (52). С. 98–101.

17. *Палеха Е.С.* Воздействующий потенциал Youtube-интервью: психология жанра и феномен популярности // Психология личностного и профессионального развития человека: материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири (Иркутск, 20–21 июня 2022 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 504–508. 1 электронный оптический диск (CD-ROM). <https://doi.org/978-5-9624-2060-8.2022.1-652>
18. *Степанова Л.Н.* Типология комментария в условиях перехода в Сеть (на основе лексикографического анализа) // Учен. зап. ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 398–403
19. *Карпоян С.М.* Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Т. 1. № 11-2. 2015. С. 242–245.
20. *Бабикова М.Р.* Интернет-мемы как инструмент soft-power – технологии миромоделирования современной молодежи // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 116–121. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_13.
21. *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. 267 с.
22. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
23. *Гаврикова О.А.* Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2020. 204 с.
24. *Горошко Е.И., Павлова Л.В.* Лингвистика новых медиа как один из вызовов лингвистической традиции прошлого // Вопр. психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 43–54.
25. *Полонский А.В.* Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 37, № 2. С. 230–240.
26. *Салмина Л.М.* Коммуникация. Язык. Мышление. Казань: ДАС, 2001. 168 с.
27. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 485 с.
28. *Абдуллаева Р.А.* Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 9-3. С. 542–546.
29. *Кишина Е.В.* Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политического дискурса // Вестн. КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 174–179.
30. *Лисюткина И.С.* Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950–2019 гг.: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 25 с.
31. *Труханова Д.С.* Митигативные стратегии и тактики в современном российском парламентском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 25 с.
32. Watts R.J., Ide S., Ehlich K. (Eds.) Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice. Ser.: Mouton Textbook. Berlin, New York, NY: De Gruyter Mouton, 2005. 404 p. <https://doi.org/10.1515/9783110199819>.
33. *Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.
34. *Эзех А.О.* Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах (на материале русско- и немецкоязычного диалогического дискурса): дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 199 с.
35. *Воинова Е.А.* Медиатизация политики как феномен новой информационной культуры: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 237 с.

36. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. М.: URSS, 2013. 344 с.
37. Головина Н.М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе // *Вопр. психолингвистики*. 2019. № 3. С. 200–215. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.06.27>.
38. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // *Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика*. 2016. Т. 20, № 4. С. 161–178. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178>.
39. Верзун А.Б. Гендерная атональность политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 05.09.2024

Палеха Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: katerina.paleha@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 95–111

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.95-111

Discreditation and Mitigation Strategies as Two Forms of Online Identity Expression in Conflict-Generating Discourse

E.S. Palekha

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: katerina.paleha@gmail.com

Received June 10, 2024; Accepted August 5, 2024

Abstract

This article explores the language of conflict-generating discourse in socially important contexts using the methods of complex linguo-stylistic and communicative analysis, elements of content and intent analysis, conceptual and discourse analysis, etc. The characteristics of contemporary online texts, in a broad sense, were identified. Their differences from media texts were outlined. The shifting roles of the author and audience, verbal functions, and the writer's pragmatic intentions and communication strategies on the internet were revealed. Five key characteristics of this new form of online discourse, involving either direct or indirect interaction between the communicators (explicit dialogization), were singled out. The study is based on a number of public Telegram channels that focus on burning socio-political issues, each catering to diverse audiences, fulfilling different communication tasks, and reflecting the distinct objectives of their authors. Two speech strategies typical of socio-political discourse – discreditation and mitigation, which are opposite in their pragmatic aims – were examined. Their manifestations in the modern, potentially conflict-generating online space were demonstrated. Particular attention was given to the tactical implementation of these strategies and how it depends on the author's stance and personal qualities. The speech examples under study were taken from previous works and provided here for

illustration purposes only. The conclusion was made about the interrelation between the speech strategies and tactics used by the authors of Telegram channels and their social status, content focus, and gender. The results obtained are relevant for understanding how individuals express their identity online, as well as for increasing the safety of online interaction, promoting the principles of language ecology, and preventing excessive radicalization in the online environment.

Keywords: speech strategies, forensic linguistics, online linguistic identity, internet discourse, verbal conflict, political linguistics, pragmalinguistics

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Ul'yanova M.A. Internet discourse as a genre of electronic communication. *Nauka i Sovremennost'*, 2011, no. 11, pp. 349–354. (In Russian)
2. Goroshko E.I., Galichkina E.N., Ryzhkov M.S., et al. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet Communication as a New Form of Speech]. Kolokol'tseva T.N., Lutovinova O.V. (Eds.). Moscow, Flinta, Nauka, 2012. 323 p. (In Russian)
3. Lutovinova O.V. Lingvocultural characteristics of virtual discourse. *Cand. Philol. Diss.* Volgograd, 2009. 519 p. (In Russian)
4. Sirotnina O.B. Media linguistics or media stylistics? *Medialingvistika*, 2015, no. 2 (8), pp. 17–23. (In Russian)
5. Klushina N.I., Baigozhina D.O., Takhan S.Sh. Mediatization: A stylistic vector. *Verkhnevolzhskii Filologicheskii Vestnik*, 2019, no. 2, pp. 57–62. (In Russian)
6. Zolotareva L.A., Andreeva I.G. The specifics of headlines in internet marketing (based on YouTube, netology.ru, and habr.com). *Mir Russkogo Slova*, 2020, no. 4, pp. 39–48. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-14039>. (In Russian)
7. Pokrovskaya E.M., Ozerkin D.V. The problem of manipulative impact on a person in the information and communication space. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 2012, no. 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7268>. (In Russian)
8. Palekha E.S. Linguoecology as a factor of information and communication security on the Internet. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 117–126. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126>. (In Russian)
9. Lyakhovenko O.I. Telegram channels within the system of expert and political communication in modern Russia. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2022, no. 1, pp. 114–144. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230>. (In Russian)
10. Van'ko T.R. Syntactic parameters of political communication in the blogosphere. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*, 2020, no. 11 (840), pp. 21–35. (In Russian)
11. Shaposhnikov V.A. Overcoming the communication vacuum in the blogosphere. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2014, no. 1, pp. 141–144. (In Russian)
12. Palekha E.S. Radicalized discourse: Definition, structure, and features. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 5, pp. 59–73. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.5.59-73>. (In Russian)
13. *Sovremennyy mediatekst* [Modern Media Text]. Kuz'mina N.A. (Ed.). Omsk, 2011. 414 p. (In Russian)
14. Kazak M.Yu. Modern media texts: Problems of identification, delimitation, and typology. *Medialingvistika*, 2014, vol. 1, no. 4, pp. 65–76. (In Russian)
15. Dobroslonskaya T.G. Media text: Theory and methods of studying. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2005, no. 2. pp. 28–34. (In Russian)
16. Palekha E.S., Sadykova I.A. Comments of social network users: Once again on the issue of aggressive text. *Filologiya i Kul'tura. Philology and Culture*, 2018, no. 2 (52), pp. 98–101. (In Russian)
17. Palekha E.S. The influencing potential of YouTube interviews: Psychology of the genre and the phenomenon of popularity. *Psikhologiya lichnostnogo i professional'nogo razvitiya cheloveka: materialy Sed'moi konferentsii psikhologov obrazovaniya Sibiri* (Irkutsk, 20–21 iyunya 2022 g.). [The Psychology of Personal and Professional Development: Proc. 7th Conf. Educ. Psychol.

- in Siberia (Irkutsk, June 20–21, 2022)]. Irkutsk, Izd. IGU, 2022, pp. 504–508. CD-ROM. <https://doi.org/978-5-9624-2060-8.2022.1-652>. (In Russian)
18. Stepanova L.N. A typology of comments in the context of transition to the internet (from the lexicographic analysis). *Uchenye Zapiski TNU imeni V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye Kommunikatsii"*, 2013, vol. 26 (65), no. 1, pp. 398–403. (In Russian)
 19. Karpoyan S.M. Functions of comments on various communication platforms of social networks. *Gumanitarnye, Sotsial'no-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*, 2015, vol. 1, no. 11-2, pp. 242–245. (In Russian)
 20. Babikova M.R. Internet memes as a soft power tool – technologies modeling the world of today's youth. *Politicheskaya Lingvistika*, 2021, no. 5 (89), pp. 116–121. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_13. (In Russian)
 21. Kostomarov V.G. *Russkii yazyk na gazetnoi polose: nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki* [Russian Language in Newspapers: Some Features of the Language of Modern Newspaper Journalism]. Moscow, Izd. MGU, 1971. 267 p. (In Russian)
 22. Kostomarov V.G. *Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our Language in Action: Essays on Stylistics of Contemporary Russian]. Moscow, Gardariki, 2005. 287 p. (In Russian)
 23. Gavrikova O.A. Pragmatics of clickbaiting in the intertextual space of media discourse. *Cand. Philol. Diss.* Ufa, 2020. 204 p. (In Russian)
 24. Goroshko E.I., Pavlova L.V. Linguistics of new media as one of the challenges to the linguistic tradition of the past. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2015, no. 2 (24), pp. 43–54. (In Russian)
 25. Polonskii A.V. Medialect: Language in a media format. *Nauchnye Vedomosti. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 37, no. 2, pp. 230–240. (In Russian)
 26. Salmina L.M. *Kommunikatsiya. Yazyk. Myshlenie* [Communication. Language. Thinking]. Kazan, DAS, 2001. 168 p. (In Russian)
 27. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Piligrim, 2010. 485 p. (In Russian)
 28. Abdullaeva R.A. Analysis of the influence of social networks on the life of modern society. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Prikladnykh i Fundamental'nykh Issledovaniy*, 2015, no. 9-3, pp. 542–546. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7369>. (In Russian)
 29. Kishina E.V. The semantic opposition “friend–foe” as the manifestation of the ideological and manipulative potential of political discourse. *Vestnik KemGU*, 2011, no. 4 (48), pp. 174–179. (In Russian)
 30. Lisutkina I.S. The dynamics of implementing the discreditation strategy in media discourse from 1950 to 2019: Based on the Russian and English languages. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Saratov, 2021. 28 p. (In Russian)
 31. Trukhanova D.S. Mitigation strategies and tactics in contemporary Russian parliamentary discourse. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2021. 25 p. (In Russian)
 32. Watts R.J., Ide S., Ehlich K. (Eds.) *Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice*. Ser.: Mouton Textbook. Berlin, New York, NY, De Gruyter Mouton, 2005. 404 p. <https://doi.org/10.1515/9783110199819>.
 33. Shakhovskii V.I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [The Dissonance of Environmental Friendliness in the Communicative Circle: Humans, Language, and Emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I.L., 2016. 504 p. (In Russian)
 34. Ezekh A.O. Communicative mitigation in directive speech acts (based on Russian and German dialogic discourse). *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2018. 199 p. (In Russian)
 35. Voinova E.A. The mediatization of politics as a phenomenon of the new information culture. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2006. 237 p. (In Russian)
 36. Van Dijk T.A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Pereverzev E., Kozhemyakin E. (Trans.). Moscow, URSS, 2013. 344 p. (In Russian)
 37. Golovina N.M. Parliamentary “non-parliamentary expressions”: Verbal aggression as a rhetorical strategy in parliamentary discourse. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2019, no. 3, pp. 200–215. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.06.27>. (In Russian)

-
38. Volkova Ya.A., Panchenko N.N. Destructiveness in political discourse. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 2016, vol. 20, no. 4, pp. 161–178. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178>. (In Russian)
39. Verzun A.B. Gender atonality of political discourse. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Volgograd, 2005. 24 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Палеха Е.С. Стратегии дискредитации и митигации как формы проявления сетевой личности в конфликтогенном дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 95–111. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.95-111>. ⟩

⟨ **For citation:** Palekha E.S. Discreditation and mitigation strategies as two forms of on-line identity expression in conflict-generating discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 95–111. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.95-111>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.112-128

ТРАНСДИСКУРСИВНОСТЬ КИТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Н.И. Немкина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119234, Россия*

Аннотация

В настоящей статье понятие трансдискурсивности раскрывается как результат взаимодействия традиционного фольклорного дискурса и дискурса массовой культуры. Фольклор с позиции трансдискурсивности описывается в терминах фольклоризации, фольклоризма и мифологизма. Отмечается, что исследование трансдискурсивного перехода на материале китайских фольклорных произведений является актуальным, поскольку позволяет с помощью метода контекстуального анализа найти причины подобного перехода, понять процесс взаимодействия дискурсов и спрогнозировать основные тенденции развития китайского фольклора. Одним из факторов трансдискурсивного перехода является функционирование фольклорного дискурса в условиях современного общества потребления. Приведены основные формы существования фольклора в результате трансдискурсивного перехода, к которым относятся способы представления фольклорных сюжетов в видеоиграх, мультфильмах, спектаклях и др. Сделан вывод о том, что китайский фольклор, функционируя в современной дискурсивной среде, вбирает в себя новые черты, что меняет восприятие традиционных образов в сознании реципиента.

Ключевые слова: трансдискурсивность, китайский фольклор, фольклоризация, фольклоризм, мифологизм, дискурс, фольклорный образ

Результатом критического осмысления теории диалогичности М.М. Бахтина стала разработка феномена *интертекстуальности*. Согласно «Большой российской энциклопедии», «интертекстуальность в литературоведении обозначает соотносительность литературного текста с другими текстами» (БРЭ). Сам термин был введен Ю. Кристевой после ее знакомства с идеей диалогичности у М.М. Бахтина и сейчас представляет собой понятие, на котором строятся многие исследования дискурса. По мнению Р. Барта, «трактуя культуру как переплетение текстов и тем самым как единый “интертекст”, представители этих направлений видели в интертекстуальности обязательное свойство всякого текста, который, по их мнению, всегда содержит сознательные и/или бессознательные отсылки к другим текстам и представляет собой “новую ткань, сотканную из старых цитат”» (БРЭ). Подобное понимание текста сводится к совокупности всех возможных форм взаимоотношений между текстами, что приводит к другому термину – *трансдискурсивность*.

Мифы, сказки, легенды, песни, пословицы, а также само мифологическое сознание подвержены изменениям. Если, например, миф не развивается, то

он «закостеневаает и остается лишь отсылкой или цитатой» [1, с. 155]. Развитие мифа может осуществляться не только в плане изменения его содержания и расширения концептосферы образов, но и за счет «перекладывания» некоторых черт мифотворчества в сферу социального взаимодействия. С введением в теорию фольклористики терминов *постфольклор* и *интернетлор*, предложенных С.Ю. Неклюдовым, изменилась сама концепция фольклора. По мнению ученого, новые традиции порождают свои собственные тексты, которые распространяются как в устной, так и в письменной форме, тесно взаимодействуя друг с другом. Такие тексты связаны с массовой культурой, воспроизводящей разные свойства традиционного фольклора, среди которых С.Ю. Неклюдов выделяет следующие: «социально-адаптационное значение произведений, их преимущественная анонимность, господство стереотипа в их поэтике, вторичность сюжетных мотивировок в повествовательных текстах и т. д.» [2, с. 3].

Американские ученые Майкл Фостер и Джеффри Толберт для описания фольклора в новой массовой культуре вводят понятие *folkloresque*, обозначающее ‘подобие фольклору; то, что похоже на фольклор’ [3]. Рассмотрение фольклора в таком ключе является неким импульсом для осознания взаимодействия между традиционной и массовой культурой, их взаимного влияния. Под упомянутым термином подразумевается как некий продукт рынка, удовлетворяющий запросам потребителя и заключающий в себе фольклорную ценность, так и то, что называется фольклором в его традиционном понимании. Следовательно, можно предположить, что в первом случае *folkloresque* включает в себя все продукты, созданные киноиндустрией и индустрией компьютерных игр, связанные с определенными элементами фольклора (сюжетом, образами, концепцией и т. д.); во втором случае рассматриваемый термин имеет более абстрактное значение и соотносится с такими характеристиками фольклора, как коллективность, анонимность или отсутствие авторства и изменчивость. И в том, и в другом случае *folkloresque* характеризуется высокой степенью адаптивности к запросам пользователей.

В связи с вышеизложенным целесообразно введение другого термина, описывающего сам процесс посредничества между традиционной культурой и массовой культурой потребителя, – *фольклоризация* (*folklorization*). Этот термин, введенный Америко Парадесом, описывает способ адаптации фольклора к общим моделям коммуникации, существующим в обществе [4, р. 172]. Джон Макдауэлл объясняет приведенное понятие, используя его глагольную форму – *to folklorize*, и дает ему следующее определение: “In its most common acceptionation today, “to folklorize” means to remove traditional expressive culture from an original point of production and relocate it in a distanced setting of consumption” («В наиболее распространенном сегодня понимании “подвергнуться процессу фольклоризации” означает переместить традиционную культурную специфику из привычных для фольклорного сознания категорий в новые условия потребления»¹) [5, р. 182]. Ключевое слово *consumption* подчеркивает переход форм и черт фольклора в новое языковое пространство, в котором фольклорный дискурс, бытуя в обще-

¹ Перевод наш. – Н. Н.

стве потребления, вбирает в себя новые черты, обусловленные спецификой этого общества. Подобный трансдискурсивный переход предусматривает применение широкого круга инструментов для преобразования традиционного фольклора в современной культуре.

Иными словами, подобное уподобление фольклору представляет собой уже не просто процесс (*folklorization*), а реализуемую человеком деятельность. Для обозначения такого явления используют понятие *фольклоризм* (*folklorism*), предложенный в XIX в. П. Себийо (ЛЭС). М.К. Азадовский вводит термин *художественный фольклоризм*, описывая его как отражение фольклора в художественной литературе XVIII в. [6, с. 90]. Следовательно, факт существования фольклоризма как явления имел место задолго до появления современных медиа, однако наиболее заметными его проявления стали именно в информационную эпоху.

В Китае названный феномен наиболее четко представлен в мифологии, поэтому профессором Пекинского педагогического университета Ян Лихуэй (杨利慧) был предложен термин *мифологизм* (神话主义) как результат использования и адаптации мифов в современной культурной индустрии и электронных медиа [7]. Подобный переход мифов и мифологических образов в новое дискурсивное пространство в полной мере может быть описан термином *трансдискурсивность* и выражаться различными семиотическими приемами: например, с помощью таких популярных среди людей разного возраста стриминговых сервисов и платформ для создания и просмотра коротких видео, как 快手 (Kuaishou – приложение для размещения коротких видео и лайфстриминга), 抖音 (TikTok – сервис для создания и просмотра коротких видео), 小红书 (Xiaohongshu – лайфстайл-платформа для молодежи с визуальной лентой). По мнению Ян Лихуэй, интернет выступает исследовательской средой, посредством которой собирается мифологический текст и изучается взаимодействие людей в виртуальном пространстве с использованием мифологического материала.

Целью настоящего исследования является описание явления трансдискурсивности на примере развития китайских фольклорных сюжетов и образов, а также определение степени влияния данного феномена на восприятие образов фольклорных произведений реципиентом. Исследование китайского фольклора с позиции трансдискурсивности проведено впервые, что свидетельствует о его научной новизне. В работе были осуществлены следующие задачи: 1) представлен анализ имеющихся изысканий в области фольклористики на ее современном этапе развития; 2) приведены примеры современных произведений, в которых используются традиционные фольклорные образы; 3) выявлена причина адаптации сюжетов и образов китайских фольклорных произведений; 4) показаны различные семиотические формы и способы представления китайских фольклорных образов.

Тенденция обращения к фольклорным героям в рамках современного дискурса набирает все большую популярность. К социальным и культурно-историческим предпосылкам указанного явления можно отнести стремление развивать культуру исходя из запросов современного общества, живущего в мультимодальной языковой среде. Так, первая китайская мобильная игра от Tencent под назва-

нием “King of Glory” (《王者荣耀》) завоевала популярность не только внутри страны. В ней можно встретить таких героев китайских мифов, как Паньгу, Нюйва, Нэчжа, Хоу И и Чан Э. Герой видеоигры Паньгу – воин, держащий топор. Его виртуальная роль соответствует мифическому сюжету (сотворение мира, возрождение всего сущего). Образы лучника Хоу И и Чан Э также не подверглись значительной модификации: Хоу И сражается с помощью своего волшебного лука, а Чан Э все так же прекрасна и ее действия в игре сопровождаются ее главными атрибутами – зайцем и луной. Кроме того, в игре, как и в легенде, Чан Э и Хоу И являются супружеской парой.

Однако другой персонаж, Нюйва, несмотря на то что в видеоигре она имеет способности к созиданию и защите, подверглась практически полной модификации как в плане внешнего облика, так и внутренне. Во-первых, классический образ Нюйвы – полуженщина-полузмея, ее обычно изображают с человеческой головой и змеиным телом; однако в мобильной игре она представлена в человеческом облике. Во-вторых, в Китае Нюйва считается божеством, подарившим жизнь, она возведена в культ матери-прародительницы; в видеоигре же это маг, нападающий на других и использующий божественные способности для уничтожения. По мнению некоторых пользователей видеоигры, такое искажение классических черт и роли героя может извратить представления людей о священных образах китайской мифологии.

а)

б)

Рис.1. а) Нюйва с телом змеи; б) Нюйва в человеческом облике в видеоигре “King of Glory”

Выступая в качестве особой коммуникативной среды, видеоигры способны трансформации образов в зависимости от контекста задуманного сюжета, а также от возможностей персонажей, определяющих силу и роль последних в исходе игры: «Модификации специальных значений связаны не только с изменением концептуального объема термина... но и со способом конструирования

значения в тексте» [8, с. 102]. Следовательно, за счет новых концептуальных характеристик, обусловленных сюжетом видеоигры, объем концепта увеличивается, приобретая новые аспекты содержания.

Следует отметить, что в упомянутой видеоигре, помимо традиционных китайских персонажей Паньгу, Чан Э, Хоу И и Нэчжи, встречаются герои древнегреческой мифологии, например богиня мудрости Афина. Подобное смешение персонажей не только разных китайских мифов, но и героев разных мифологий говорит о высокой степени интертекстуальности, что может во многом усложнять восприятие образов пользователем. Один из игроков, Лу Цютун, комментируя трансформацию образа Нюйвы в игре, отметил, что, проанализировав все способности, внешние характеристики и функцию героя в игре, он воспринял Нюйву как богиню древнегреческой мифологии Афину, что говорит о столкновении двух различных концептосфер из-за ошибочной интерпретации образа Нюйвы в игре.

Еще один активный участник игры, Дэн Ипэн, отмечал: «Мне не нравится, что в “King of Glory” нет практической ценности. Такие мифические персонажи, как Паньгу, Чан Э, Хоу И, Нэчжа, Афина и др. использованы в игре с позиции их героической роли, однако построение мировоззрения очень хаотично. Иными словами, степень подобного представления ограничивается лишь знакомством с именем игрового персонажа, пониманием того, что “он имеет определенную культурную основу”, это не вызывает интереса у большинства игроков и не способствует созданию конкретного образа... У меня создается ощущение хаотичности и бессвязности»² (энц. «Байду»).

Другой пользователь игры по имени Янь Сяочжэнь считает: «Популяризация мифологического знания в данной игре носит очень ограниченный характер. “King of Glory” может сформировать образ в сознании игрока лишь благодаря опоре на внешние характеристики игрового персонажа, однако игра не способствует распространению духовных ценностей и более глубоких смыслов, заключенных в реальных мифах» (энц. «Байду»). Таким образом, из комментариев игроков можно сделать вывод, что трансдискурсивность, выраженная через интертекстуальность, а также значительную адаптацию традиционных образов мифологических героев, может накладывать отпечаток на восприятие образа в сознании реципиента.

Однако надо отметить, что создатели игры преследуют иные цели, в частности коммерческие. Бесспорно, апеллирование к ранее созданным вербальным текстам позволяет авторам мобильной игры вписать свое электронное произведение в контекст китайской культуры, тем самым привлекая больше пользователей, но большинство игроков в процессе игры вряд ли задумывается о неверном истолковании образов героев древних мифов, для них первостепенной задачей является выполнение задания и переход на следующий уровень. Таким образом, в процессе виртуальной игры происходит «скрытое от наблюдения формирование структур знания» [8, с. 101], которое усиливается мультимодальностью, так как пользователю больше не нужно с помощью воображения представлять

² Перевод с китайского здесь и далее наш. – Н. Н.

образ, описываемый вербальными средствами, внешний облик героя уже создан графически и представлен на экране телефона. По мнению Л.А. Манерко, «мультимедийные средства дополняют коммуникацию, выраженную языковыми средствами, заставляя авторов быть более изобретательными, привлекая внимание слушателей и задействуя зрительный и слуховой каналы восприятия информации» [9, с. 726].

Аналогичные цели преследуют создатели фильмов и мультфильмов с участием героев фольклорных произведений. Одним из самых востребованных в плане экранизации мифических сюжетов является «Легенда о белой змейке», кинокартины на ее основе не только популярны в Китае, но и вызывают большой интерес у зрителей за рубежом. В качестве примеров для анализа были отобраны два наиболее известных из современных китайских мультфильмов: 《水满金山》 («Наводнение в храме Цзиньшань») 2012 г. и 《白蛇：缘起》 («Белая змея: начало»), выпущенный в 2019 г. совместно с американской киноиндустрией.

Первый мультфильм состоит из 52 серий и включает такие основные сюжетные линии, как праздник драконьих лодок, кража волшебной травы с горы Куньлуньшань и наводнение в Цзиньшане. Именно сюжетная кульминация – наводнение в храме Цзиньшань – послужила названием для данной анимационной ленты. Следует отметить, что большое количество сцен было «срисовано» с реальных мест событий легенды (Чжэньцзян, провинция Цзянсу).

Помимо основных персонажей легенды – Бай Сучжэнь, или Белой змеи, Сяоцин, Фахая и Сюй Сяня – в мультфильме представлены новые действующие лица: антагонист водяная змея с лягушачьим лицом (哇面水蛇), Бодхисаттва Гуаньинь (观音菩萨) и царь драконов и повелитель вод Лун Ван (龙王). Добавление нового антагониста сделано с целью наполнения сюжета противоречиями бинарных оппозиций, когда сталкиваются любовь и ненависть, добро и зло, справедливость и пристрастность, то есть то, что соответствует образу мышления большинства молодых людей, воспринимающих все в черно-белых тонах, а значит, входящих в целевую аудиторию.

Еще одной отличительной особенностью сюжета мультфильма, по сравнению с фабулой легенды, служит смещение акцента с роли Бай Сучжэнь на роль Сяоцин, что также способствует развитию сюжета в несколько иной парадигме, в которой описывается путь ее взросления от безрассудной импульсивности к сдержанной мудрости и пониманию того, что такое настоящая любовь. Именно упомянутый персонаж вообрал в себя множество человеческих качеств, которые делают его близким сердцу каждого зрителя.

Герои другого анимационного фильма, снятого в 2019 г., так же подверглись определенным адаптациям, тем не менее, по мнению критиков, в данной картине воплощены черты китайской культуры: «Как отечественный анимационный фильм, рассказывающий историю Востока, “Белая змея: Начало” визуально представляет зрителям красивое и трогательное восточное пиршество. Живопись тушью, катание на лодках, пейзаж, пагода, зонтик, шпилька для волос, лацкан и манера движения персонажей – все это представлено в китайском стиле» (Комментарий «Вечерних новостей Яньчжао») (энц. «Байду»). Подобное «китайское мультимодальное представление» позволяет оценить упомянутую картину как

произведение преимущественно китайской культуры, однако, по мнению одного из российских обозревателей, «мультфильм явно заразился “диснеевостью” с обязательным комичным животным-компаньоном и карикатурными злодеями» (Дзен), что объясняется совместной работой китайской и американской кинокомпаний.

Российские зрители, знакомые с китайской культурой, так комментируют перевод имен персонажей с китайского: «Главную героиню зовут Бланка в русском переводе. Постоянно хочется спросить, где же Губерт...», «Главный герой тоже интересно общается... “Мы оба фрики”. Да, как-то так в конце династии Тан и говорили, фрики» (Дзен). Очевидно, что чрезмерная адаптация произведения может вызвать негативную оценку зрителей даже за пределами Китая. Кроме того, сюжет картины далеко отошел от фабулы в легенде, некоторые зрители оценивают мультфильм как «не совсем детскую драму, в которой найдется место и жестокости, и даже любовной сцене» (Дзен). Жестокость главным образом присуща Белой змее, которая, будучи на перепутье, получает огромную силу, убивает воинов и уничтожает город Юньчжоу. Новый признак героини получает особый акцент благодаря мультимодальности за счет представления Бай Сучжэнь в образе огромного питона.

Таким образом, китайский мультфильм, выпущенный совместно с американской киностудией, хотя и воплощает многие черты китайской культуры, отличается примитивным сюжетом, добавлением выдуманных животных-компаньонов и карикатурных злодеев, а также чрезмерной адаптацией главных героев. «Дискурс оказывается связанным с актуализацией разных типов статического и динамического знания в коммуникативном событии в зависимости от социокультурного контекста, интертекстуального взаимодействия и явления мультимодальности» [10, с. 88]; открытость системы цифрового общения, а также процессы глобализации, направленные на всеобщую интеграцию, приводят к чрезмерной адаптации фольклорных произведений, связывающих в едином контексте китайские национально-культурные образы и принципы создания мультфильмов по лекалам “Disney”.

Культура древнего Китая воплощается также в жанре традиционных комических представлений с преобладанием разговорных форм Сяншен (相声), характеризующихся изобилием каламбуров и аллюзий. В одном из юмористических шоу Сяншен была представлена миниатюра «Муланы вступает в армию». В ее основу положена китайская история о Хуа Мулань – отважной девушке, переодетой в мужскую одежду. Образ Мулань считается в китайской культуре символом женской силы и патриотизма, однако в миниатюре, представленной в 2015 г., показан трансформированный образ девушки. Подобный трансдискурсивный переход выражен «переворачиванием» известного образа героини ввиду специфики юмористического шоу, в котором главной целью является создание комического эффекта.

В начале представления мы видим в роли Мулань комикессу Цзя Лин, одетую в традиционный китайский наряд и грызущую на сцене ножку жареной курицы. Ее перевоплощение в образ прожорливой простушки удивляет зрителей с первых секунд представления. Далее, согласно разворачивающемуся на сцене сюжету,

зрители сталкиваются с иным, неклассическим развитием событий: Мулань идет на службу не по своей воле, а в результате обмана ее отца, сообщившего рекрутеру о том, что у него есть сын. Несмотря на то что за службу Мулань назначают адъютантом генерала, происходит это не благодаря ее храбрости и подвигам, а в результате случайностей, интересным образом обыгранных в миниатюре.

Комический эффект в юмористическом дискурсе может быть достигнут за счет трансформаций на всех языковых уровнях. На лексическом уровне подобный эффект является результатом использования многозначных слов, омонимов, фразеологических единиц, метафор, на синтаксическом – употребления алогизмов, изменения порядка слов, использования служебных слов и т. д. Кроме того, комический эффект может достигаться за счет нарушения языковых норм. В современном дискурсе обозначенное явление прослеживается как на уровне форм слов, так и на синтаксическом, «феномен намеренного искажения слов распространился в Интернет-дискурсе довольно быстро и сейчас повсеместно используется авторами новостных и образовательных каналов». Употребление «неконвенциональных языковых средств активизируют творческую активность, а разрушение алгоритмизированных моделей интерпретации придает эффект комичности» [11, с. 255]. Исходя из приведенного примера адаптации образа Мулань в современном юмористическом шоу, можно предположить, что подобный феномен существует и на концептуальном уровне, поскольку зрители, знакомые с образом храброй девушки, несомненно столкнутся с полной противоположностью базовых признаков образа.

Неудивительно, что подобная трансформация традиционного образа получила спорные оценки зрителей, однако цель шоу не заключалась в пересказе всем известной легенды. За основу миниатюры была взята история о Мулань, которую обыграли таким образом, чтобы зрители смогли насладиться юмористическим подтекстом с главным фокусом на переворачивании образа «с ног на голову». Именно так телепередачу описывает один из зрителей: «Комикесса Цзя Лин снялась в скетч-комедии “Мулань вступает в армию” в программе спутникового телевидения в июне 2015 г. В этой программе Цзя Лин была в образе Хуа Мулань и сыграла ее как жадную, не почитающую родителей, ленивую и трусливую девушку. Такая адаптация подорвала представление о традиционном образе героини Хуа Мулань, что вызвало широкую полемику. И хотя есть те, кто считает, что такое изображение искажает образ героя, другие называют это новой формой представления хорошо известной традиционной истории, воплощающей ценности развлекательной сферы» (энц. «Байду»).

Следует отметить, что в упомянутой миниатюре представлен момент взоружения главной героини, что объединяет образ Мулань с образом Сяо Цин из адаптации легенды о Белой змее 《水满金山》 («Наводнение в храме Цзиньшань»). Новая деталь сюжета может быть объяснена стремлением приблизиться к предпочтениям современного зрителя, живущего в обществе, где важной частью общего дискурса выступает мотивационный дискурс, обусловленный побуждением людей к саморазвитию.

Кроме фильмов/мультфильмов, телепередач, игр и новых платформ общения в интернете, мифы и мифологические образы ярко представлены как объекты

культурно-познавательного туризма. Так, для привлечения туристов специально создают тематические парки с использованием сюжетов из китайских легенд, мифов и сказок. Например, в развлекательном парке г. Нинсян провинции Хунань можно поучаствовать в различных развлекательных программах и отправиться в фантастическое путешествие вместе с такими образами китайской мифологии, как Нюйва, Куафу, Мэн Цзяннун и т. д. В крупнейшем театре исполнительских искусств в парке, посвященном народным классическим историям о любви, проходит захватывающее представление «Мэн Цзяннун плачет у Великой китайской стены».

Рис. 2. Представление «Мэн Цзяннун плачет у Великой китайской стены»

Благодаря технологическим инновациям и изысканному оформлению тематические парки интерпретируют глубокий культурный подтекст китайской истории с использованием прожекторного освещения.

В тематическом парке г. Мяньян провинции Сычуань можно посетить несколько тематических зон с уникальными аттракционами. Фестивальная площадка состоит из 11 зданий в этническом стиле, включая павильоны, башни, небольшие мостики и водопады – все это отражает глубину и очарование традиционной китайской культуры. Кроме того, красота и мистика древних мифов воплотилась в аттракционе, созданном по мотивам китайского мифа «Нэчжа покоряет морского дракона» (《哪吒闹海》): посетители могут отправиться на специально сконструированном ковчеге вслед за Нэчжой во дворец дракона в Восточно-Китайском море, окунуться в удивительный мир реалистичной морской жизни с великолепными подводными дворцами. Не менее содержательный аттракцион, созданный по сюжету китайского мифа «Нюйва восстанавливает небо» (《女娲补天》), позволит отправиться на ковчеге вслед за Нюйвой в увлекательное путешествие, в котором посетители смогут встретиться с мифическим богом огня Чжужуном и божеством водных стихий Гунгуном, попасть в логово чудовища, собрать разноцветные камни, взобраться на гору Бучжоушань и стать свидетелями процесса восстановления неба Нюйвой.

а)

б)

Рис. 3. а) аттракцион «Нэчжа покоряет морского дракона»; б) аттракцион «Нюйва восстанавливает небо»

Парки, подобные описанным выше, позволяют не только ближе познакомиться с образами фольклорных произведений, но и насладиться красочным оформлением и интерактивным зрелищем.

Вторичный текст может находить отражение в различных видах и формах творческого проявления. Кроме уже перечисленных платформ и площадок, еще одной формой такого рода деятельности служат фестивали косплея, где фанаты компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов и т. д. перевоплощаются в образы любимых героев. Степень вхождения в роль персонажа зависит от самого участника, иногда она ограничивается лишь переодеванием в костюм, но часто бывает и так, что фанат передает характер героя, копирует пластику тела и даже мимику выбранного персонажа, что имеет некоторую связь с исторической реконструкцией.

В отличие от мультфильмов и игр, в которых мифические герои занимают ключевое место и которые создаются на основе сюжета исходного текста бытования образа, в тех формах существования фольклорного дискурса, где люди

могут ассоциировать себя с определенным персонажем и наряжаться в соответствии с его образом, герои фольклорных произведений являются лишь частью общего креативного пространства и создаются отдельно взятой личностью, а не группой людей. Безусловно, адаптации в такой форме характеризуются свободой выражения, а сложность изучения мотивов их создателей объясняется когнитивно-психологическими особенностями отдельного человека.

Как уже было отмечено ранее, подобные трансдискурсивные переходы наблюдаются не только в новом медиапространстве. Следует обратить внимание на связь устной литературной традиции с письменной и оценить влияние последней на концептуальное расширение фольклорных образов. После появления письменности фольклор обрел новую форму своего существования, а с распространением электронных носителей информации бытование фольклорного текста приобрело совершенно иные конфигурации. По мнению С.Ю. Неклюдова, парадоксальным образом тексты сети Интернет в определенном смысле более «фольклороподобны», нежели тексты книжные, поскольку они более пластичны (ПостНаука). Устная традиция может сохранять текст, только периодически воспроизводя его, письменная же «оторвала» текст от человека и от непосредственной коммуникации, от дискурса. В письменной традиции текст может быть обращен в будущее, не востребован на протяжении длительного времени, в устной – он должен быть актуален и нужен аудитории. Следовательно, фольклор существует в трех формах – устной, письменной и электронной, взаимодействие которых и обеспечивает его трансдискурсивное развитие.

В Китае влияние письменной традиции на устную прослеживается на примере одного из четырех великих китайских произведений – «Путешествия на Запад» (《西游记》, XVI в.), которое берет начало в фольклоре. В процессе прохождения эволюционного пути от легенды и оперы до рассказа главный образ произведения – Царь обезьян Сунь Укун (孙悟空) – изменялся по мере развития письменного текста. Этот образ имеет множество различных современных интерпретаций, будучи представленным в фильмах, мультфильмах и играх, и является ярким примером китайского фольклорного образа, несмотря на то что корни его уходят в индийскую культуру. Таким образом, трансдискурсивный переход упомянутого фольклорного произведения характеризовался двумя этапами: между устным текстом и мультимодальным имелась промежуточная стадия его развития – письменный текст.

Другим примером развития фольклорного произведения в письменной литературной традиции является легенда о Мэн Цзяннунь. Китайский писатель-прозаик Су Тун написал рассказ «Бину» (《碧奴》), в основе сюжета которого лежит традиционная история доброй и самоотверженной девушки Мэн Цзяннунь, плачущей у Великой китайской стены. Чтобы достоверно воплотить ее образ в своем произведении, автор посетил Великую китайскую стену и храм-музей святой Мэн Цзян, а также тщательно изучил исследовательские работы китайского историка Гу Цзегана. Несмотря на особенности идиостиля писателя и принадлежность к современной литературе, в рассказе прослеживается романтическая идея, присущая оригинальному содержанию сказки.

«Дискурс имеет значение для изучения когнитивного конструирования мира потому, что он строится из различных единиц номинации и основывается на раз-

личных способах описания одного и того же предмета или ситуации» [12, с. 26]. Возможность описания предмета с разных сторон способствует непрерывности дискурса и его трансдискурсивному выражению. Когда образ героя развивается в рассказах, мультфильмах, представлениях и различных творческих проявлениях, он не предается забвению, а продолжает жить в других дискурсивных условиях. Именно этот факт определяет жизнеспособность фольклора и его образов, что объясняется неподдельным интересом к подобного рода тематике и ее развитию.

Кроме того, возрождение интереса к культурному наследию народа остро ставит вопрос о национально-культурной идентичности. По выражению Л.А. Манерко, «следует отличать два типа идентичности – первый состоит в идентификации людей как личности, второе понимание связано с идентификацией людей как единого целого на основе территории и границ государства, людей, которые населяют эту территорию (государство) и говорят на том или ином языке. Второй тип идентичности связан с такими понятиями, как “самоопределение” или “национальное самоопределение”» [13, с. 37].

Фольклор существует в рамках социальных групп; городской фольклор развивается преимущественно в границах субкультур, фольклор сети Интернет выделяют в рамках групп по интересам. Подобная социальная направленность позволяет утверждать, что современный фольклор выполняет функцию социальной идентичности и, несмотря на существующие отличия от традиционного фольклора, «сохраняет общность ядерных черт и выполняемых функций» [14, с. 51]. Анализ таких базовых черт социальной и национальной идентичности позволяет подчеркнуть самобытность тех или иных культурных феноменов. По мнению профессора Пекинского педагогического университета Ян Лихуэй, говоря о драконе в контексте китайской культуры, разумнее при переводе на другие языки использовать китайское слово Лун (龙 – Long ‘дракон’) или переводить как ‘китайский дракон’, поскольку у него нет аналогов в мире, его образ уникален и священен, а сами китайцы считают себя детьми дракона.

Национальная идентичность представителей китайской нации выражается в их уважении к своим традициям и знаниям, веками передававшимся из поколения в поколение. Стремление придать еще большее значение героям фольклорных произведений, так почитаемых в Китае, воплотилось в номинациях объектов китайской автоматической межпланетной станции для изучения Луны и космического пространства. Символичность упомянутого события состоит в том, что космическая миссия, состоящая из стационарной лунной станции «Чан Э» (嫦娥), несущей на борту луноход «Юйту» (玉兔 – ‘яшмовый заяц’), а также ретрансляционного спутника «Цюэцяо» (鹊桥 – ‘сорочий мост’), получила название в честь легенды о красавице Чан Э, живущей на луне с яшмовым зайцем Юйту, и сказки о Пастухе и Ткачихе, встречающихся на сорочьем мосту Цюэцяо каждый седьмой день седьмого месяца. Попытка соотнести технологическое достижение с ассоциативно связанными с космосом народными сказаниями посредством номинации космической станции именами китайских фольклорных образов является актом подчеркивания национальной идентичности китайской нации путем воплощения чувства гордости за свою историческую и культурную уникальность.

Проблема китайской идентичности выражена в сюжетах фольклорных произведений и их связи с самосознанием. Так, основным мотивом в китайском мифе является изображение жизни простых людей. Герои часто прибегают к помощи волшебных трав и мест, чтобы спасти жизни людей. Например, это гора Куньлуньшань (昆仑山), лекарство бессмертия (不死药), исцеляющее тутовое дерево Фусан (扶桑树) и т. д. К характерным чертам героев мифов относятся глубокое чувство скорби, расчет на свои силы, упорная борьба за изменение текущего положения, стойкость характера и непреклонность, осознание важности заботы о близком и любовь к народу. Очень часто подчеркиваются их моральные качества и нравственность.

Перед когнитивной лингвистикой ставятся задачи выяснения природы языкового знания, его усвоения и использования, она отвечает не только на вопрос о том, что такое язык, но и определяет его роль в процессах познания и осмысления мира. По мнению В.А. Лекторского, «сегодня дискуссия по проблеме знания имеет смысл как попытка осмысления той ситуации, в которой оказался современный человек» [15, с. 76]. Развитие новых речевых жанров в фольклорном дискурсе делает проблему знания особенно актуальной.

Сегодня важное место в жизни людей занимают необрядовые фольклорные жанры, к которым относятся не только видоизмененные традиционные жанры (загадки, пословицы) и относительно молодые формы («уличные» песни, анекдоты), но и городские легенды (о заброшенных больницах, заводах), фантастические «историко-краеведческие очерки» (о происхождении названия города или его частей, о памятниках и мистических аномалиях и т. д.), рассказы о невероятных происшествиях, казусах и т. д. В понятие фольклора можно включить и слухи. В Китае к популярным фольклорным жанрам относятся студенческие легенды и песни, а также пугающие истории, или страшилки. По мнению Яна Брунванда, люди интересуются легендами не только из любопытства, но и по причине того, что подобные истории действительно передают контекст языковой среды, в которой находятся их создатели и коммуниканты, и соотносенные с этим контекстом особенности социальной психологии и, в свою очередь, влияют на их собственные психологию, знания и систему норм поведения. Следовательно, стремление к рецепции и распространению жанров подобного рода вызвано желанием присоединиться к общему дискурсу, принимая и передавая определенный набор знаний. Можно сказать, что современный фольклорный дискурс стал включать в себя любые тексты, действия и изображения, выражающие коллективные эмоции и знания.

Помимо структуры самого фольклора, изменилась структура его распределения в обществе в связи с тем, что носителями фольклорного дискурса являются не жители определенных территорий, а члены конкретных социокультурных групп. У туристов, пациентов одной больницы или учащихся одной школы есть свои приметы, легенды, анекдоты и т. д. Каждая, даже самая небольшая, группа людей, едва осознав свою общность и отличие от других, немедленно обзаводится собственным «фольклором». Причем элементы группы могут меняться, а фольклорные тексты будут оставаться.

Способность языка «приспосабливаться к нуждам коммуникации и условиям ее произведения» является неотъемлемым атрибутом существования современ-

ных дискурсивных практик, что относится и к фольклорному дискурсу [16, с. 18]. «Не только язык является формирующим сознание индивида элементом, но и индивид постоянно преобразует и создает язык, проявляя креативность» [17, с. 17]. Новые технологии предоставляют большие возможности для развития дискурса.

Трансдискурсивность как форма взаимодействия различных по своей семиотической природе дискурсов, принципов мышления и реалий, а также как форма слияния художественных и нехудожественных текстов может выражаться в китайском фольклорном дискурсе через мультфильмы, видеоигры, одежду, памятники культуры и архитектурные сооружения, технологические объекты, а также существовать в форме письменных текстов и современных необрядовых фольклорных жанров.

Фольклорный дискурс в наши дни характеризуется открытостью и динамичностью, на основе анализа примеров адаптаций фольклорных образов можно сделать вывод, что стремление соответствовать запросам современного участника коммуникативного пространства приводит к значительным модификациям китайских фольклорных произведений, что меняет восприятие образов рецепиентами и вызывает различные оценки пользователей.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БРЭ – *Махов А.Е.* Интертекстуальность // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/intertekstual-nost-1bdf6c/?v=6709136>, свободный.
- ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь. URL: https://literary_academic.ru, свободный.
- энц. «Байду» – 百度百科 (энциклопедия «Байду»). URL: <https://www.baidu.com/>, свободный.
- Дзен – Непопулярный контент. О мультфильме «Белая Змея». URL: <https://dzen.ru/a/YKwJwucWmgiBPIB4>, свободный.
- ПостНаука – Введение в теоретическую фольклористику // ПостНаука. URL: <https://postnauka.org/courses/31551>, свободный.

Литература

1. *Шаранкова А.А.* Эволюция мифа о короле Артуре и особенности его языковой презентации в англоязычном культурно-историческом пространстве (XV–XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 387 с.
2. *Неклюдов С.Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
3. *Foster M.D., Tolbert J.A.* The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World. Logan, UT: Utah State Univ. Press, 2016. viii, 265 p.
4. *Paredes A.* “El Corrido de José Mosqueda” as an example of pattern in the ballad // West. Folklore. 1958. V. 17, No 3. P. 154–162. <https://doi.org/10.2307/1496039>.
5. *McDowell J.H.* Rethinking folklorization in Ecuador: Multivocality in the expressive contact zone // West. Folklore. 2010. V. 69, No 2. P. 181–209.

6. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики // Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
7. 杨利慧. 神话主义: 遗产旅游与电子媒介中的神话挪用和重构 // 中国社会科学出版社. 北京, 2020. 533 页. = Ян Л. Мифологизм: присвоение и использование мифов в культурном-познавательном туризме и СМИ. Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2020. 533 с.
8. *Новодранова В.Ф., Мотро Ю.Б.* Семантические модификации термина в медицинском дискурсе // Вестн. Челяб. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 101–104.
9. *Манерко Л.А.* Мультиmodalность дискурса как основа для междисциплинарных когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике / Гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 720–730.
10. *Манерко Л.А.* Изучение мультиmodalности дискурсивного знания средствами методологического аппарата когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. 30 сентября – 2 октября 2015 г. / Гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. Т.А. Клепикова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 86–89.
11. *Немкина Н.И.* Мультиmodalность в интернет-дискурсе: прагматический подход в описании средств создания комического эффекта // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. Материалы III Междисциплинар. науч. конф. 1–2 июня 2023 г. / Науч. ред. Г.Г. Молчанова. М.: КДУ, Добросовет, 2023. С. 250–259.
12. *Заботкина В.И.* От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славян. культуры, 2015. С. 15–38.
13. *Манерко Л.А., Проконичев Г.И., Устинова Д.В.* Мир англо-шотландской баллады как отражение языка, культуры и перевода. М.: Р. Валент, 2022. 239 с.
14. *Эмер Ю.А.* Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. Вып. 2. С. 50–60.
15. *Лекторский В.А.* О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 74–76.
16. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
17. *Таймур М.П.* Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 24 с.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 10.08.2024

Немкина Николь Игоревна, аспирант Высшей школы перевода (факультета)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119234, Россия

E-mail: nemkinani@my.msu.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.112-128

Transdiscursivity of Chinese Folklore*N.I. Nemkina**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 119234 Russia*E-mail: *nemkinani@my.msu.ru*

Received June 10, 2024; Accepted August 10, 2024

Abstract

This article examines the concept of transdiscursivity as a result of the interaction between the discourses of traditional folklore and mass culture. Folklore, viewed through transdiscursive lens, can be described using the terms of folklorization, folklorism, and mythologism. The transdiscursivity of Chinese folklore deserves special attention as, being studied through contextual analysis, it unveils the reasons behind this phenomenon in general, exposes the interplay between different discourses, and can be indicative of the evolutionary trajectories of Chinese folklore in particular. One of the most powerful drivers of the transdiscursive transition is the influence of consumer society, which compels traditional narratives to adapt and acquire new features. Under the conditions of transdiscursivity, folklore manifests through its representation in video games, cartoons, plays, etc. The fusion of traditional folklore imagery with modern cultural motifs leads to the incorporation of self-development discourse into contemporary adaptations of folklore, which is reflected in the behavior of fictional characters. Concerning Chinese folklore, the conclusion was made that it takes on new features when functioning in a new discursive environment, thereby altering the perception of traditional images by its recipients. Therefore, the folklore discourse of China is constantly evolving in diverse forms, which ensures its vitality and maintains its unique national and cultural specificity.

Keywords: transdiscursivity, Chinese folklore, folklorisation, folklorism, mythologism, discourse, folklore image

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. a) Nüwa with a snake body; b) Nüwa appearing as a human in the video game “King of Glory”.

Fig. 2. The performance of “Meng Jiangnu Weeping at the Great Wall”.

Fig. 3. a) “Nezha Conquers the Dragon King” amusement ride; b) “Nüwa Repairs the Sky” amusement ride.

References

1. Sharapkova A.A. The evolution of the myth of King Arthur and its linguistic representation in the English cultural and historical space (from 15th to 21st centuries). *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2015. 387 p. (In Russian)
2. Neklyudov S.Yu. After folklore. *Zhivaya Starina*, 1995, no. 1, pp. 2–4. (In Russian)
3. Foster M.D., Tolbert J.A. *The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World*. Logan, UT: Utah State Univ. Press, 2016. viii, 265 p.
4. Paredes A. “El Corrido de José Mosqueda” as an example of pattern in the ballad. *Western Folklore*, 1958, vol. 17, no. 3, pp. 154–162. <https://doi.org/10.2307/1496039>.

5. McDowell J.H. Rethinking folklorisation in Ecuador: Multivocality in the expressive context zone. *Western Folklore*, 2010, vol. 69, no. 2, pp. 181–209.
6. Azadovskii M.K. *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian Folkloristics]. Platonov O.A. (Ed.). Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2014. 1056 p. (In Russian)
7. Yang L. *Mythologism: The Appropriation and Use of Myths in Cultural Tourism and Media*. Beijing, China Soc. Sci. Press, 2020. 533 p. (In Chinese)
8. Novodranova V.F., Motro Yu.B. Semantic modifications of the term in medical discourse. *Vestnik Chelyabinskogo Universiteta*, 2011, no. 33 (248), pp. 101–104. (In Russian)
9. Manerko L.A. Multimodal discourse as a basis for interdisciplinary cognitive research. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Boldyrev N.N. (Ed.). Vol. XXVII: Anthropocentric approach in cognitive linguistics. Dem'yankov V.Z. (Ed.). Moscow, Inst. Yazykozn. Ross. Akad. Nauk; Tambov, Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2016, pp. 720–730. (In Russian)
10. Manerko L.A. Studying multimodality of discursive knowledge using the methodological tools of cognitive linguistics. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Boldyrev N.N. (Ed.). Vol. XXII: Language and Consciousness in the Interdisciplinary Research Paradigm: Proc. Int. Congr. on Cognitive Linguistics. Sept. 30–Oct. 2, 2015. Klepikova M. (Ed.). Moscow, Inst. Yazykozn. Ross. Akad. Nauk; Tambov, Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015, pp. 86–89. (In Russian)
11. Nemkina N.I. Multimodality in Internet discourse: A pragmatic approach in describing the means of creating a comic effect. *Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsii cheloveka novogo pokoleniya. Materialy III Mezhdistsiplinar. nauch. konf. 1–2 iyunya 2023 g.* [Communicative Codes in Intercultural Space as a Means of Formation of General Humanities Competences of a New Generation: Proc. III Interdiscip. Sci. Conf. June 1–2, 2023]. Molchanova G.G. (Ed.). Moscow, KDU, Dobrosovets, 2023, pp. 250–259. (In Russian)
12. Zabotkina V.I. From the integration challenge in cognitive science to an integrated methodology. In: Zabotkina V.I. (Ed.) *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod* [Methods of Cognitive Analysis of Word Semantics: A Computer-Corpus Approach]. Moscow, Yazyki Sl. Kul't., 2015, pp. 15–38. (In Russian)
13. Manerko L.A., Prokonichev G.I., Ustinova D.V. *Mir anglo-shotlandskoi ballady kak otrazhenie yazyka, kul'tury i perevoda* [The World of the Anglo-Scottish Ballad as a Reflection of Language, Culture, and Translation] Moscow, R. Valent, 2022. 239 p. (In Russian)
14. Emer Yu.A. Folklore discourse: Cognitive and discursive insights. *Voprosy Kognitivnoi Linguistiki*, 2011, no. 2, pp. 50–60. (In Russian)
15. Lektorskii V.A. On the problem of knowledge. *Epistemologiya i Filosofiya Nauki*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 74–76. (In Russian)
16. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Path to Understanding Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Cognition of the World]. Moscow, Yazyki Sl. Kul't., 2004. 555 p. (In Russian)
17. Taimur M.P. Mixed metaphor as a linguocognitive phenomenon (based on the English language). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2020. 24 p. (In Russian)

Для цитирования: Немкина Н.И. Трансдискурсивность китайского фольклора // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 112–128. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.112-128>.

For citation: Nemkina N.I. Transdiscursivity of Chinese folklore. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 112–128. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.112-128>. (In Russian)

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. СЕМАНТИКА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'367.6(091)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.129-140

ИСТОРИЯ СЛОВА *ЦЕНИННЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ)

Г.Х. Гилязетдинова¹, Л.Р. Ахмерова²

¹Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420008, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены особенности образования и функционирования в аспекте истории русского языка лексемы *ценинный*, относящейся к группе цветообозначений-ориентализмов. В ходе исследования были выявлены семантические закономерности в развитии изучаемой лексической единицы; привлекались разнообразные источники (исторические, этимологические, диалектные словари, памятники письменности). Для изучения истории обозначенной лексемы в русском языке были выявлены два определяющих аспекта: 1) системно-языковой, или парадигматический, и 2) этимологический. Отмечается, что в русских памятниках письменности лексические единицы *ценинный*₁ в качестве цветообозначения, называющего оттенок синего цвета, и *ценинный*₂ как наименование поливной (глазурованной) керамики с синей эмалью появились практически одновременно во второй половине XVI в. Исчезновение цветового прилагательного *ценинный* еще до конца XVII в. обусловлено модой того времени, когда дорогие ткани указанного цвета постепенно вышли из употребления. В то же время лексема *ценинный*, используемая в архитектурной терминологии для обозначения глазурованной керамики и изразцов с монохромным рисунком, оказалась более жизнеспособной и сохранилась до настоящего времени.

Ключевые слова: русский язык, памятники письменности, этимология, семантика, прилагательное *ценинный*

Настоящая статья посвящена утраченному элементу системы колоративных единиц русского языка – прилагательному *ценинный* – и продолжает ряд исследований одного из соавторов, связанных с изучением различных аспектов истории русской лексической системы ([1–3] и др.).

Как отмечает А.А. Брагина, автор монографии, в которой рассматривается история цветообозначений в русском языке, «лингвисты стремятся на разном материале уяснить сложную и своеобразную жизнь» подобных слов [4, с. 73]. Лексемы, обозначающие цвет, представляют особый интерес для исследователей, что обусловлено как их парадигматической спецификой (они являют собой «особую подсистему, относящуюся к числу открытых» [3, с. 50]), так и этимологическим разнообразием. Исторический аспект изучения указанных языковых

единиц может быть весьма любопытным и с учетом позиции антропоцентризма: будучи очень малочисленным рядом слов вплоть до XII в., в период с XV по XVII в. колоративная лексика пополнялась новыми лексемами, что было обусловлено как появлением заимствований, так и психологическим фактором – «появляется интерес к цвету» и происходит отказ от «своеобразного “цветового табу”, которое существовало в литературе раннего периода» [5, с. 85]. С одной стороны, цвет переходит в разряд значимых параметров при восприятии окружающего мира, при описании материальных объектов; становится возможным абстрактное значение цвета. С другой стороны, синкретичная по своей природе семантика колоративных лексем способствовала тому, что они расширяли свою семантическую палитру, «прирастая» и нецветовыми значениями [6].

Интересующее нас в настоящем исследовании цветное прилагательное *ценинный* (суффиксальное образование от существительного *ценина*), как и мотивирующая его лексема, не зафиксированы словарями современного русского языка, тогда как в словаре специальной лексики («Термины российского архитектурного наследия») находим лексическую единицу *ценина* в следующих значениях: «1. Изразец с монохромным рисунком (обычно синего цвета). 2. Керамическое изделие с покрытием эмалью» [7, с. 387].

Согласно материалам сайта Всероссийского музея декоративного искусства, «ценина – старинное название майолики... В Древней Руси ценина известна с XI века, особого расцвета применение ценины достигло в XVI–XVII веках в Москве и Ярославле. Ценина использовалась не только для создания посуды, но и для украшения архитектурных сооружений. Как правило, ценина полихромная. При ее изготовлении используются зеленая, желтая и коричневая глазури» (Муз.дек.иск.). Таким образом, лексему *ценина* в современном русском языке можно отнести к архаизмам. При этом отметим, что в приведенных выше определениях не прослеживается важная для настоящего исследования соотнесенность именуемого *цениной* культурного артефакта с определенным цветом (упоминается ее полихромность).

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля интересующая нас лексическая единица зафиксирована: «*ценина* – ж. стар., а местами и поныне, фаянс, фарфор, хорошая каменная посуда, особенно чайный прибор; *сиб.* чайная чашка. || Дорогие ткани, узорочье, паволоки шелковые. *Ценинная посуда*, противополож. глиняная, простая. *Ценинные изразцы*, поливанные, муравленные и расписные. *Камка адамашка ценинная; шелк червчат ценинен*, стар.» (Даль, с. 23). Таким образом, согласно материалам словаря, лексема *ценинный* использовалась в том числе и в сочетании с названиями тканей, это позволяет предположить, что в данном случае прилагательное относится скорее к разряду качественных, чем относительных, и, возможно, имеет отношение к цвету.

Необходимо отметить, что для нашего исследования важны два аспекта, которые, на наш взгляд, определили специфику и лингвистическую судьбу интересующего нас слова: 1) системно-языковой, или парадигматический, и 2) этимологический. Рассмотрим их далее.

Лексема *ценинный* в качестве колоратива упоминается в монографии Н.Б. Бахилиной, посвященной истории цветообозначений в русском языке: *ценинный* –

прилагательное от слова *ценина* (полива, мурава), окрашенный в цвет *ценины* [5, с. 44]. Исследователь приводит эту лексему в списке цветообозначений, упоминаемых в словаре И.И. Срезневского, спецификой которого является то, что он включает не только памятники XI–XIV вв., но и «выписки из памятников XV, XVI и даже XVII вв., здесь фигурируют памятники, дошедшие в поздних списках, а также переводные памятники религиозно-ритуального характера, которые не привлекались в качестве источников в древнерусском словаре XI–XIV вв.» [5, с. 43].

Что касается упомянутого системно-языкового аспекта, интересующее нас слово *ценинный* входило в синонимическую группу лексем, обозначающих в общем смысле синий цвет. Согласно данным монографии Н.Б. Бахилиной, основными элементами указанного синонимического ряда были *синий* (относящийся к словам с общеславянскими корнями), *голубой* (слово со славянским корнем, известным части славянских языков), *лазоревый* и *лазурный* (слова, известные только в русском языке).

Исследователь отмечает, что колоративные в современном понимании прилагательные, называющие цвет абстрактно от предмета действительности, изначально не именовали цвет в чистом виде. Так, например, слово *синий* обозначало не столько цветовую характеристику, сколько «присутствие» света: «Для раннего древнерусского периода трудно определить вполне точно его значение как цветообозначения, так как следует полагать, что оно еще недостаточно определилось как цветообозначение и сохраняет свои прежние значения светообозначения» [5, с. 192].

Особенностью описанной синонимической группы, по мнению Н.Б. Бахилиной, является тот факт, что она довольно замкнутая: «...*синий* вместе с тем необыкновенно стойко утверждается как абстрактное цветообозначение. Обратим внимание на то, например, что в языке существуют десятки слов для обозначения оттенков красного цвета, а в группе *синего* остаются *синий* и *голубой*. Даже те цветообозначения, которые появлялись в истории языка, например, *лазоревый* (*лазурный*), *бирюзовый*, *кубовый* и др., вытеснены из языка и становятся достоянием поэтической речи или сохраняются в сфере специальной» [5, с. 192; 8].

Н.Б. Бахилина отмечает, что наряду с увеличением количества единиц в системе цветообозначений наблюдалось такое любопытное явление, как появление абстрактных цветообозначений с широкими семантическими и сочетаемостными возможностями, способными называть практически любые цвета в пределах своей группы. Иными словами, обретение прилагательным *синий* значения абстрактного синего цвета предопределило вытеснение на периферию других членов группы (слов *лазурный*, *бирюзовый* и т. д.), кроме прилагательного *голубой*, которое утвердилось в качестве обозначения светло-синего оттенка: «...внешне развитие шло в сторону увеличения количества цветообозначений. Вместе с этой тенденцией расширения группы цветообозначений существует тенденция выявления абстрактных цветообозначений в группах цветообозначений, тенденция противоположная первой, так как абстрактные цветообозначения в значительной степени лимитируют возможности других цветообозначений данной группы» [5, с. 268]. При этом исследователь указывает, что на две противоречащие

друг другу тенденции накладывалась и третья: «Вместе с тем в терминологических системах с развитием производства, науки все больше требуются цветообозначения, называющие совершенно точно оттенки цвета» [5, с. 268].

Как видим, интересующее нас прилагательное *ценинный* появилось в группе цветообозначений, «ведущие позиции» в которой занимали *синий* и *голубой*, вытеснявшие на периферию других членов синонимического ряда; однако значимый для истории изучаемого слова этимологический фактор позволил ему прожить на «лингвистической арене» яркую, хотя и недолгую жизнь.

С точки зрения этимологии прилагательное *ценинный* относится к группе цветообозначений-ориентализмов, которые занимают весомую долю всех колоративов древнерусского языка. Как отмечают исследователи, «судьба некоторых цветовых прилагательных восточного происхождения, переживших “взлеты и падения” в своей истории, показательна в плане семантических преобразований» [3, с. 51].

Таким образом, старинное прилагательное *ценинный* имеет заимствованную основу и, как отмечает М. Фасмер, является производным от *ценина* ж. ‘фарфор, фаянс’, восходящим к др.-русс. *цень* ‘глазурь’ (Фасм., с. 298). Показательно, что В.В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» указывает на тюркский источник заимствования *цень*, появившийся через посредство диалекта, не различающего *ц* и *ч*, – «из чагат., тур. *ćini* ‘фарфор’, *Ćin* ‘Китай’» (ОСТН, стлб. 774).

Как пишет в своей монографии Г.Х. Гилазетдинова, «цветообозначения XV–XVII вв. обогатились целым рядом слов восточного происхождения, освоенных к этому периоду... часто связанных с цветом реалий восточной торговли...» [3, с. 50]. Это лексемы *алый*, *бурый*, *таусинный*, претерпевшие различные функционально-семантические трансформации в процессе вхождения в лексическую систему русского языка и прочно в ней укоренившиеся. Так, слово *алый*, древнейшее тюркское заимствование, сохранило в русском языке свою изначальную семантику, которая соотносится с праздничным эмоциональным настроением и позитивной коннотацией, а его семантико-функциональные возможности позволили ему войти в число образных средств русского литературного языка, несмотря на высокую конкуренцию цветообозначений синонимического ряда с общим значением ‘красный’. Лексема *бурый* также стала полноправным элементом русской лексической системы, однако в результате конкуренции с единицей *коричневый* была оттеснена на периферию синонимического ряда, сохранив особую значимость для народно-разговорной стихии [3] (Шип. Слов.).

Иными словами, заимствованные цветообозначения-ориентализмы успешно адаптировались в лексико-грамматической системе русского языка, демонстрируя возможности широкого семантического и структурного варьирования, и входили в нее в качестве полноправных членов. Немаловажным в обозначенном процессе являлся экстралингвистический фактор (торговля с Востоком, межъязыковые контакты, необходимость давать наименования специфическим атрибутам восточных артефактов, обладавших для русской культуры высокой актуальностью).

Впервые лексическая единица *цень* упоминается в «Хожении купца Федота Котова в Персию»: «А башни у города [Астрахани] подписаны *ценью*» (Х. Котова, с. 30). Фонетические варианты заимствования *цень* в форме *чини*/

чими для обозначения фарфора находим в известном памятнике XV в. – «Хоже-нии за три моря» Афанасия Никитина: «А Чиньское же Мачиньское пристанище велми велико, да дѣлають в немъ *чини*, да продають *чини* в вѣсь, а дешево» (Х. Афан. Никит., с.21); «Мачимъ да Чимъ от Бедеря 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣлають *чими*, да все дешево» (Х. Афан. Никит., с. 22).

Существительное *ценина* является суффиксальным образованием от единицы *цень*. В XVI–XVII вв. на Руси *цениной* называли глазурь: по одной версии, оловянную, молочно-белую, по другой – голубую, а также ярко-голубую эмаль на металлических изделиях. Изделия из *ценины* попали на Русь вместе с принятием христианства в XI в., затем в XIII–XVI вв. *ценинные* изделия привозили с Ближнего Востока и из Средней Азии. М.В. Фехнер утверждает, что *ценинная* посуда была одним из важных объектов восточной торговли в Русском государстве: «Кувшины, блюдечки и чаши “ценинные” фигурировали среди даров, доставленных в 1585 и 1591 гг. бухарскими и гилянскими послами царю Федору Ивановичу и Борису Годунову. Несколько десятков ценинных сосудов перечислены и в описи имущества Бориса Годунова (1589 г.); на некоторых из них, как на чашах, привезенных послами, “на лазоревой краске травы навожены” были золотом» [9, с. 90].

По мнению И.Е. Забелина, в письменных памятниках XVII в. «словом *ценинный* обозначается фарфор и фаянс, расписанный преимущественно синею краскою... Определение цвета... относилось к земле (или фону), по которому могли быть и всегда бывали украшения из поливы других цветов» [10, с. 41]. Ср., например, в «Росписи имущества боярина Н.И. Романова» (1655–1659): «*Кувшинъ цениненъ въ церковь масло священное держать*. Им.Н.Ром., 5» (Карт. Сл. XI–XVII вв.).

Терминологическое словосочетание *ценинные изделия* могло означать и поливную керамику, и металлическую посуду с эмалевым декором. С распространением изразцового искусства в архитектуре Москвы, Ярославля, Ростова Великого и Углича в XVI–XVII вв. *ценинной* стали называть поливную (глазурованную) керамику с синей эмалью (см. (Власов, с. 524)). Появились, соответственно, и мастера *ценинного дела*, состоявшие на службе при царском дворце. Это были гончары, которые, кроме глиняной посуды, делали изразцы, украшая их, как и посуду, разноцветною муравой или глазурью. В Москве (в конце XVII в.) лучшим мастером был Иван Семенов, по прозвищу Денежка (см. [10, с. 44]).

В XVIII в. *цениной* называли фаянс. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) при слове *ценина* находим прилагательное *ценинный* в значении ‘фаянсовый’ и словосочетание *ценинная посуда* (САР, стлб. 624). Ср. также отрывки из тогдашних описей разной недвижимости, которые приводит И.Е. Забелин: «1) чашекъ толстаго ценину съ блюдцами среднихъ девяносто паръ, въ томъ числѣ одна синяя пара. 2) Чашекъ одинакихъ толстаго ценину среднихъ синихъ сто тридцать девять. 3) Чаша средняго ценину одна желтаго цвѣту. 4) Блюдцовъ ценинныхъ два по бѣлой землѣ, разнаго сорту, съ павлиномъ и съ синими травами 221. 5) Двѣ тарелки синия ценинные. 6) Посуды, что Гребенщикова работы, ценинной: чашекъ разныхъ сортовъ большихъ, среднихъ и малыхъ двадцать три; блюдь 83; тарелокъ 129; пѣтуховъ 6; куколъ 10 и пр. (Опись вещей и разныхъ матеріаловъ по Покровскому дворцу 1787 года)» [10, с. 100].

В «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» представлено прилагательное *ценинный*, используемое для обозначения фаянсовой или фарфоровой посуды: *В четвертом ящике разная китаяская ценинная посуда* (Тобол., 1722 г.), *Блюдо ценинное да три чашки ценинных* (Мангаз., 1725 г.) (Сл. Сиб., с. 167). Современный словарь русских говоров Сибири *ценинный* определяет уже как устаревшее: «Ценинный, ая, ое. Устар. Фарфоровый. – *Ценинная посуда уж была тогда*. Бурят., Тункин» (СРГС, с. 246).

Таким образом, согласно приведенным источникам, слово *ценинный* являлось относительным прилагательным, семантика которого четко опиралась на производящую основу и была неразрывно с ней связана. Однако значимость и материальная ценность упомянутых изделий была высока, что привело к «отрыву» качества от его носителя и формированию нового – цветового – значения. Вот как о подобном явлении пишет А.А. Брагина: прилагательные «в своем значительном большинстве прошли путь от имени существительного, обозначающего конкретный предмет, затем – наименования, обозначившего одно из качеств, присущих этому предмету, когда “мысль все еще опирается на предмет”, до понятия общего независимого значения, независимого от предмета, и доходит уже до понятия качества» [4, с. 76].

В свете вышеизложенного вполне объяснимо, что, появившись в русском языке XVII в., прилагательное *ценинный* могло использоваться в том числе и для цветовой характеристики привозных тканей из стран Востока, обозначая преимущественно синюю окраску, цвета лазури. Ткань, вероятно, была дорогой и использовалась для пошива одежды представителей высшего сословия, духовенства. В этой связи следует отметить, что лексема *цини* как вид ткани голубого цвета представлена в памятниках XV – начала XVI в. Например, в «Духовной князя Михаила Андреевича Верейского» (около 1486 г.) читаем: «*Лѣтникъ цини голубы, вошива аксамитъ чернь*», в «Духовной князя Юлия» начала XVI в. (1503 г.) находим: «*Шуба цини без тавты жъ*» (Срезн., стлб. 1441). У Павла Савваитова в «Описании старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора» в ряду разнообразных наименований цвета отмечается и *ценинный* (Савваитов, с. 161). Примечательно, что и в материалах словаря М. Фасмера представлена единица *цини* в значении ‘вид ткани’: «только др.-русск. (*цини голубы*, Дух. грам. Андрея Вер., около 1486 г. и в XVI в.; см. Срезн., стлб. 1441). Возм., первонач. ‘китайская материя’ – из тур., чагат. *Čin* “Китай”» (Фасм., с. 302).

Итак, колоратив *ценинный* занял свою нишу в спектре синего цвета. Цветовое наименование встречается в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. Например, в «Писцовой книге города Казани» (вторая половина XVI в.), изданной профессором К.И. Невоструевым, видим следующий контекст с колоративом при характеристике церковного имущества: «Камка ценинна подложена крашениною синею» (Кн. п. Казани, с. 29.). Цветообозначение *ценинный* зафиксировано в таких исторических памятниках, как описи. Так, например, в описании домашнего имущества Ивана Грозного обнаруживается характеристика *тегиляя* (разновидность мужской ездовой одежды), изготовленного из дорогого венецианского бархата *ценинного* цвета: «Тегиляй, бархатъ Венедитцкой ценинень съ золотомъ и съ пѣтлями, на немъ 56 пуговиць золоты продолговаты сѣн-

чаты съ жемчуги» (Оп. им. Ив. Гр., с. 21). Ср. также описи платья царя Бориса Годунова и его конского прибора: «Кушакъ объяринной полосать, шолкъ зеленъ да червчатъ да цениненъ да рудожелтъ да бѣль» (Плат. Бор. Год., с. 20); «Полстъ Аглинская, кругомъ ее кайма, да въ середкахъ 2 круга ценинны» (Конск. приб. Бор. Год., с. 46.); отрывок из старинной описи конца XVI – начала XVII столетия: «Телогрѣя камка ценинная на соболяхъ» (Отр. стар. оп., с. 330), а также материалы Московской деловой и бытовой письменности XVII в., где в «Росписи рухляди Г. Фетеева и В. Воронина» читаем: «Ферези тафтяные ценинные нашивка золотная» (МДБП, с. 213).

Однако экстралингвистический фактор, сыгравший не последнюю роль в появлении значения колоратива у слова *ценинный*, оказался столь же значимым и в определении его «недолгого века». Можно предположить, что цветовая номинация *ценинный* в связи со сменой модных цветов, с исчезновением самих тканей со временем потеряла свою актуальность и пополнила разряд архаизмов.

Во второй части книги «Цвет и названия цвета в русском языке» в перечне цветонаименований XII–XX вв., вышедших из употребления, находим слово *ценинный* в значении ‘синий’ с указанием предполагаемой этимологии: «Возможно происходит от *синас* ‘китайский’» [11, с. 172].

Появившись в русском языке в XVI в., слово *ценинный*, используемое для обозначения фарфора, фаянса, а также поливной керамики синего или зеленого цвета, также перешло в пассивный словарь русского языка и довольно активно стало использоваться в качестве терминологического словосочетания, например: *ценинная посуда* – ‘фаянсовая’, *ценинные изделия* – ‘глазурованные’ (ср.: *гжельский ценинный товар*), *ценинные изразцы*.

Можно обнаружить примеры употребления лексемы *ценинный* в качестве специальной лексической единицы и в начале XX в. Как пишет А.И. Иванов в статье о ценинном производстве Владимирского края, «наименование *ценинный* имело преимущественное применение к произведениям, окрашенным синей краской, которая после зеленой сделалась самой распространенной. *Ценинными* обозначались фарфор, фаянс и глиняная посуда, покрытые муравой или краскою синего цвета» [11, с. 23].

Необходимо отметить также тот факт, что в ряде современных тюркских языков укоренились и до настоящего времени функционируют слова для обозначения чайной посуды, этимологически восходящие к заимствованию из турецкого, азербайджанского, крымскотатарского *çanak* ‘глиняная чашка, блюдо, миска’ (Фасм., с. 314). Ср., например, в татарском: «*чынаяк суц.* чашка, чашечка с блюдцем (обычно фарфоровая или фаянсовая), *прил.* 1. изразцовый, кафельный; *чынаяк кирпеч* ‘изразцовый кирпич’; 2. фарфоровый; *чынаяк кәтүк* ‘фарфоровый ролик’» (Тат.-рус. словарь, с. 595), в казахском языке чашка называется *шыныаяқ*, «чашечка чая – *бер шыныаяқ шай*» (Рус.-казах. сл., с. 517). В «Словаре диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой обнаруживаем лексику *цене* (*цыны*) в значении ‘фарфоровый’ (СДСТ, с. 238). Можно также привести и более отдаленную параллель – в современном английском языке лексема *China* может обозначать ‘фарфор’ или ‘изделия из фарфора’ (CD). Таким образом, значение материала, происхождение которого в разных культурах было четко связано

с Китаем, в различных языках закрепились за языковой единицей, этимологически соотносящейся с наименованием упомянутой территории.

Обобщая приведенный материал, можно сделать нижеследующие выводы относительно истории функционирования лексической единицы *ценинный* в русском языке.

1. Для изучения эволюции значения интересующей нас единицы важны два аспекта, которые, на наш взгляд, определили ее семантическую специфику и лингвистическую судьбу: 1) системно-языковой, или парадигматический, и 2) этимологический. Во-первых, цветообозначение *ценинный* является по происхождению ориентализмом и пришло в язык как маркер специфических восточных артефактов. Во-вторых, слово *ценинный* входило в довольно замкнутый синонимический ряд лексем, обозначавших в общем смысле синий цвет; основными элементами ряда были *синий*, *голубой*, *лазоревого* и *лазурный*. Появление абстрактных цветообозначений с широкими семантическими и сочетаемостными возможностями (таких, как *синий* и *голубой*) постепенно вытесняло на периферию других членов группы, которые, однако могли закрепляться в сфере специальных слов.

2. В результате действия закона семантического расширения слова у лексической единицы *ценинный* сформировались два разных значения, одно из которых было связано с цветом (преимущественно синим), а другое – с материалом (фарфором, керамикой).

3. Будучи производным от лексемы *ценина*, старинная номинация *ценинный*, которая появилась на Руси в XVI в. и использовалась для характеристики дорогих тканей преимущественно синего цвета (*бархат*, *камка* ‘шелковая цветная узорчатая ткань’, *объярь* ‘плотная шелковая ткань, вытканная золотыми или серебряными нитями; муар’), предназначенных для пошива одежды и ее деталей (обычно для лиц высшего сословия), под влиянием экстралингвистических факторов практически исчезла в русском языке еще до начала XVII в., пополнив разряд архаизмов русского языка.

4. Лексическая единица *ценинный*, характеризующая глазурованные изделия преимущественно синего цвета, сохранилась и употребляется в качестве термина для наименования фарфора, фаянса, глиняной посуды.

5. В ряде современных тюркских языков до настоящего времени функционируют слова для обозначения чайной посуды, исторически восходящие к заимствованиям из турецкого, крымско-татарского и других тюркских языков и соотносящиеся с наименованием Китая как страны, «подарившей» миру фарфор.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Муз. дек. иск. – Музейная азбука. Всероссийский музей декоративного искусства.
URL: https://vk.com/wall-8353437_7980, свободный.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык. 2003. Т. 4. 688 с.

- Власов – *Власов В.Г.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. СПб.: Азбука- классика, 2010. Т. 10: Ф–Я. 926 с.
- Рус.-казах. сл. – Большой русско-казахский словарь для студентов и школьников: около 70 000 слов и выражений / Сост. Б. Дарменов, П. Косович. М.: Толмач; Костанай: Центр.-Азиат. книж. изд-во, 2008. 536 с.
- Карт. Сл. XI–XVII вв. – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв., хранящаяся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва).
- Кн. п. Казани – *Невоструев К.И.* Список с Писцовых книг по г. Казани с уездом: [1565–1568 гг.]. Казань: Сов. Казан. духовной акад., 1877. 88 с.
- Конск. приб. Бор. Год. – *Савваитов П.И.* Конский прибор царя Бориса Феодоровича Годунова, 1589 г. // Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 38–47.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешникова, И.С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
- Оп. им. Ив. Гр. – *Максимович М.А.* Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских / Ред. И.Д. Беляев. М.: В Унив. тип., 1850. С. 1–46.
- Отр. стар. оп. – *Савваитов П.И.* Отрывок из старинной описи XVII или к. XVI столетия // Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 325–331.
- ОСТН – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. Т. 3. [2] с., 2204 стб., 98 с.
- Плат. Бор. Год. – *Савваитов П.И.* Платье царя Бориса Феодоровича Годунова, 1589 г. // Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 11–21.
- Тат.-рус. сл. – Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). 726 с.
- Савваитов – *Савваитов П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865. 351 с.
- САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: при Имп. акад. наук, 1793. Ч. 4: От М до Р. [4] с., 1272 стлб., [67] с.
- СДСТ – *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.
- Сл. Сиб. – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин; отв. ред. В.В. Палагина, К.А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 179 с.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров и др.; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 5: Т–Я. 2006. 393 с.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1902. Т. 3: Р–ІѦ [йотированный юс малый] и дополнения. [4] с., 1684, 272 стб., 13 с.
- Фасм. – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 860, [3] с.

- Х. Афан. Никит. – *Никитин А.* Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. М.–Л.: АН СССР, 1958. 302 с.
- Х. Котова – *Котов Ф.А.* Хождение купца Федота Котова в Персию, 1624 г. / [Критич. текст и перевод. Публикация Н.А. Кузнецовой]. М: Изд-во вост. лит., 1958. 111 с.
- Шип. Слов. – *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- CD – China // Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/china>, свободный.

Литература

1. *Гилазетдинова Г.Х.* Ал цвет мил во весь свет (из истории прилагательного *алый* в русском языке) // Рус. язык в школе. 2009. № 6. С. 72–76.
2. *Гилазетдинова Г.Х.* Из истории слов и выражений. *Таусинный* // Рус. речь. 2010. № 5. С. 115–118.
3. *Гилазетдинова Г.Х.* Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань: Казан. ун-т, 2010. 203 с.
4. *Брагина А.А.* Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1972. С. 73–104.
5. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
6. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 216 с.
7. *Плужников В.И.* Термины российского архитектурного наследия. М.: Искусство, 1995. 158 с.
8. *Грановская Л.М.* Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII–XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1964. 24 с.
9. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 122 с. (Труды Государственного исторического музея; Вып. 31).
10. *Забелин И.Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1853. [2], 101 с.
11. *Иванов А.И.* Забытое производство: очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир: Владим. окр. бюро краеведения и Окр. историко-краевед. музей, тип. Владполиграфа, 1930. 56 с.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Принята к публикации 19.07.2024

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна, доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник отдела лексикографии

Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан

ул. Карла Маркса, д. 12/4, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: ggilaz@mail.ru

Ахмерова Лилия Ренадовна, кандидат филологических наук, ведущий редактор объединенной редакции журналов «Ученые записки Казанского университета»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: lavolkins15@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.129-140

**The History of the Word *tseininnyi* in the Russian Language
(Semantic Modifications)**G.Kh. Gilaztdinova ^{a*}, L.R. Akhmerova ^{b**}^a Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420008 Russia^b Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *ggilaz@mail.ru, **lavolkins15@mail.ru

Received May 20, 2024; Accepted July 19, 2024

Abstract

This article explores the origins and functioning of the lexeme *tseininnyi* throughout the history of the Russian language, focusing on its role as a color term with Oriental roots. Its semantic evolution was traced using a variety of sources, including historical, etymological, and dialect dictionaries, as well as Old Russian texts. The analysis is based on 1) systemic-linguistic, or paradigmatic, and 2) etymological aspects. In Old Russian texts, this term refers to a shade of blue (*tseininnyi*₁) and glazed ceramics with blue enamel (*tseininnyi*₂). Both of these meanings emerged almost simultaneously in the second half of the 16th century. As a color name, *tseininnyi* fell out of use before the end of the 17th century, largely due to changing fashion trends as the expensive textiles in this color gradually became unpopular. At the same time, *tseininnyi*, when used in architectural language to denote glazed ceramics and tiles with a monochrome pattern, has proved to be more enduring and survived up to the present day.

Keywords: Russian language, written records, etymology, semantics, adjective *tseininnyi***Conflicts of Interest.** The authors declare no conflicts of interest.**References**

1. Gilaztdinova G.Kh. *Al tsvet mil vo ves' svet* (scarlet's charm is beyond compare and admired everywhere): From the history of the adjective *alyi* in the Russian language. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2009, no. 6, pp. 72–76. (In Russian)
2. Gilaztdinova G.Kh. From the history of words and expressions. *Tausinnyi. Russkaya Rech'*, 2010, no. 5, pp. 115–118. (In Russian)
3. Gilaztdinova G.Kh. *Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV – XVII vv.* [Orientalisms in the Russian Language of the Moscow State between the 15th and 16th Centuries]. Kazan, Kazan. Univ., 2010. 203 p. (In Russian)
4. Bragina A.A. Color designations and the development of new meanings in words and phrases. In: *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 73–104. (In Russian)
5. Bakhilina N.B. *Istoriya tseveooboznachenii v russkom yazyke* [A History of Color Designations in the Russian Language]. Moscow, Nauka, 1975. 288 p. (In Russian)
6. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and Color Names in the Russian Language]. Moscow, Izd. LKI, 2008. 216 p. (In Russian)
7. Pluzhnikov V.I. *Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo naslediya* [Terms of Russian Architectural Heritage]. Moscow, Iskusstvo, 1995. 158 p. (In Russian)

8. Granovskaya L.M. Adjectives of color in the Russian language of the 17th–20th centuries. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 1964. 24 p. (In Russian)
9. Fechner M.V. *Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI veke* [The Trade of the Russian State with the Countries of the East in the 16th Century]. Tikhomirov M.N. (Ed.). Moscow, Goskul'tprosvetizdat, 1956. 122 p. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia* [Proceedings of the State Historical Museum], vol. 31. (In Russian)
10. Zabelin I.E. *Istoricheskoe obozrenie finifitnogo i tseninnoogo dela v Rossii* [Historical Overview of Vitreous and Glaze Enameling in Russia]. St. Petersburg, Tip. Eksped. Zagotovleniya Gos. Bumag, 1853. 2, 101 p. (In Russian)
11. Ivanov A.I. *Zabytoe proizvodstvo: ocherk izraztsovoi promyshlennosti Vladimirskogo kraya* [Forgotten Production: An Essay on the Tile Industry in the Vladimir Region]. Vladimir, Vladimir. Okr. Byuro Kraeved. i Okr. Ist.-Kraeved. Muz., Tip. Vladpoligrafa, 1930. 56 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гилазетдинова Г.Х., Ахмерова Л.Р. История слова *ценинный* в русском языке (семантические модификации) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 129–140. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.129-140>. ⟩

⟨ **For citation:** Gilazetdinova G.Kh., Akhmerova L.R. The history of the word *tseninnyi* in the Russian language (semantic modifications). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 129–140. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.129-140>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'37

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.141-153

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ *ЖИЗНЬ – ДВИЖЕНИЕ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Илюхина, К.П. Баракат

Самарский национальный исследовательский университет им. академика
С.П. Королева, г. Самара, 443086, Россия

Аннотация

В статье проведен анализ механизма и условий образования метафорической модели *жизнь – движение*. Выявлена и описана картина формирования названной когнитивной метафоры на базе сценарной метонимии глаголов с исходным значением перемещения в пространстве. Научная новизна работы заключается в исследовании генезиса метафоры, являющейся ключевой в концептуализации жизни в русской языковой картине мира, – вопроса, который не получил в современной науке специального рассмотрения. В результате анализа языкового и текстового материала установлено, что определяющую роль в происхождении обозначенной метафорической модели играет сценарная метонимия глаголов движения. Показано, что расширение состава конструкций и массива существительных, вступающих в сочетание с глаголами движения, особенно существительных с абстрактной семантикой, приводит к трансформации значения глагола движения и образованию метафорического значения на базе метонимически производного. В дальнейшем функционирование глаголов движения в метафорическом значении в условиях высокой частотности их употребления приводит к оформлению на их основе метафорической модели *жизнь – движение* и широкому вовлечению всей лексики ассоциативно-семантического поля «Дорога / Перемещение в пространстве» в процесс метафорической интерпретации жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: лексика движения, сценарная метонимия, когнитивная метафора, метафорическая модель *жизнь – движение*

Актуальность настоящего исследования заключается в анализе механизма формирования концептуальной метафоры на базе сценарной метонимии, что находится в русле современного подхода к изучению языка как сложной системы коммуникации, взаимодействующей с культурой и когнитивными процессами.

Целью исследования является демонстрация роли сценарной метонимии в процессе формирования метафорической модели *жизнь – движение*.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- собрать и систематизировать примеры метафорического употребления русских глаголов движения, характеризующих жизнедеятельность человека;
- проанализировать механизм перехода метонимического употребления глаголов движения в метафорическое.

Анализ выполнен на материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В ходе настоящего исследования был использован комплекс методов компонентного и контекстуального анализа (как инструментов оценки установления прямого, метонимически производного и метафорического значений глаголов с исходным значением перемещения в пространстве и условий порождения вторичных значений в составе сочетаний с лексическими единицами разных классов) и концептологического метода, позволяющего интерпретировать феномен сценарной метонимии исследуемых глаголов, механизм которой предопределяется структурой концепта сценарного типа.

Метафорический образ перемещения в пространстве является одним из ключевых средств образной концептуализации в русской языковой картине мира: он выступает органичной образной призмой для осмысления времени, жизнедеятельности человека [1], динамических процессов в самых разных денотативных сферах.

Особую роль данная когнитивная метафора играет в качестве одного из способов осмысления феномена человеческой жизни, используя в этой функции наряду с другими метафорическими образами. В лингвистических работах выявлены, в частности, следующие характерные модели: **жизнь – строение**: *Рассказывала о Ермакове и Амелине, который разрушил жизнь своей семьи, был изгнан из института* (В. Швец); **жизнь – путь/дорога**: *Он знает, что есть лебединые точки на жизненном пути, лебединые зеркальности и взлеты* (Г. Померанц); **жизнь – учитель**: *Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются* (С. Капица); **жизнь – собственность**: *У меня в архиве сохранилась его фотография, совсем молодой парнишка, который отдал свою жизнь за родину* (В. Шелохаев); **жизнь – театр**: *Многие как будто играли заученную роль на сцене жизни, обновленной дыханием революции* (А. Деникин); **жизнь – время года/суток**: *67 лет – это уже доподлинная старость, и хотя еще голубеет небо и светит солнце, согревая душу и тело, где-то подсознательно чувствуется, что скоро завоет непогода и окончательно наступит холодная осень жизни* (Б. Вронский); **жизнь – книга**: *Люблю ночевать в открытых купе, чтобы и плацкарту брать без всякого уговора и подбора соседей, чтобы читать жизнь было интересно* (М. Пришвин).

О ключевом статусе метафоры пути как средстве образной концептуализации феномена жизни, прежде всего – жизни человека, в русской языковой картине мира пишут исследователи концепта «жизнь»: Н.В. Деева [2], Н.Г. Смирнова [3], О.А. Ипанова [4], Н.С. Степанова [5] и др. Так, Н.В. Деева отмечает, что «одним из древнейших образных представлений жизни является образ пути или дороги» [2, с. 88]. Н.В. Павлович по отношению к поэтической картине мира утверждает, что это «одна из продуктивных метафорических парадигм 18–19 веков» [6, с. 21]. Результаты исследования функционирования указанной метафоры в работах О.А. Ипановой подтверждают, что *жизнь – путь* – это «самая частотная концептуальная метафора» в сфере интерпретации жизни [7, с. 69]. О ее ключевом статусе в обозначенной сфере свидетельствуют различные показатели: наряду с частотностью на фоне других метафорических моделей (как указанных выше,

так и других), следует назвать бытование метафоры *жизнь – путь* в любых стилях речи и типах дискурса, а также широкое варьирование лежащего в ее основе образа в рассматриваемой денотативной сфере.

На отсутствие каких-либо стилевых, дискурсивных и жанровых ограничений в функционировании метафорической модели *жизнь – путь* указывают, в частности, факты ее частотного использования в пословицах (*Жизнь прожить – не поле перейти*) и разных типах текстов: поэтическом (*Выхожу один я на дорогу... (М. Лермонтов); И я прошел один – дорогой бедствий, И встретил смерть безгрешную – один (В. Блаженный); Дорогу жизни и маршруты Мы выбираем для себя, И все решается в минуты (А. Мацанов);* прозаическом художественном (*Когда встречается на пути любовь, я обо всем забываю и сразу же начинаю пылать (И. Грекова);* публицистическом (*А вот мама работала врачом-терапевтом – ее пример определил жизненный путь Евгения (Парламентская газета);* научном (*Следующий шаг должен быть только вперед, нельзя позволить ностальгии оседлать твой жизненный маршрут (Ю. Лепский);* религиозном (*Каждый из нас вызван к жизни Богом, и Бог каждого ведет по жизни (Д. Смирнов); Все мы по крайней мере проходим путь жизни сея, путь многотрудный и опасный (архиепископ Платон (Левшин);* рекламном (*В рамках образовательного блока Red Bull Music Festival Moscow 76-летний американский музыкант Laraaji научит всех желающих «идти по жизни с улыбкой» (lenta.ru) и мн. др.*

В обозначенном отношении рассматриваемая метафорическая модель принципиально отличается от многих других, отмеченных в сфере интерпретации жизни, например от метафорических моделей *жизнь – годовой цикл* и *жизнь – суточный цикл*, типичных для поэтического дискурса (см. об этом подробнее [8]).

Кратко коснемся аспекта варьирования метафоры пути, механизм которого обеспечивает разностороннюю концептуализацию столь сложного феномена – жизни. Речь идет прежде всего о лексическом и семантическом варьировании, которое выражается в том, что в процесс концептуализации жизни в разных ее аспектах вовлекается большой массив лексико-фразеологических единиц ассоциативно-семантического поля «Дорога / Перемещение в пространстве», среди которых встречаются слова разных частей речи: глаголы (*идти, ехать, бежать, плыть, лететь, проходить*); существительные (*дорога, стезя, путь, маршрут, тропинка, попутчик*); прилагательные (*тернистая, гладкая, ухабистая*); наречия (*впереди, вперед, позади, назад, вдаль, обратно*) и др. Приведем текстовые примеры, иллюстрирующие использование данной метафоры как средства интерпретации жизни в ее многообразном лексическом выражении: *Если бы объяснили, что у каждого своя жизненная стезя, свое время, своя тайная мудрость, своя норма!.. (В. Шахиджанян); Бывают периоды, когда жизненная тропа выведет вдруг в однообразно-скучную местность, в такую банально-тусклую, что, как ни всматриваешься – нечем заинтересоваться и как ни взвинчивай себя – нечем вдохновиться... (М. Казем-Бек); Не сказать, что Корольков боялся: все рожденные в этом мире особи направляются в один и тот же конечный пункт, но просто так отдавать себя на заклятие, как овцу, тоже не хотелось (Д. Кудерин); Жизнь предложила ему совсем другой маршрут, запутан-*

ный и сложный, смертельно опасный, и даже случайные **попутчики**, разделявшие с ним лишь малый **участок** его **пути**, могли поплатиться за это жизнью (Д. Глуховский); *Человѣкъ безъ обезпеченія это, если можно такъ выразиться, червь, пресмыкающийся на **распутыи жизни**, а человѣкъ съ деньгами...* (А. Шеллер-Михайлов); *Согласна ль выйти за него, чтобы брачных удовольствий изведать, чтобы **вместе идти рука об руку**?* (С. Шуляк); *Побросало его и **по волнам жизни** после выхода не пенсию. Ветер перемен часто менял направление и не всегда был попутным. Сейчас Анатолий Александрович пришвартовался к ведомственной охране. Якорь зацепился за знакомую систему, добросовестную команду, хорошее отношение к людям* (Е. Тюшина); *«Вот здесь наша **последняя пристань**, здесь мы все, Богом забытые, и погибнем», – прошептала тетушка, крестясь* (В. Астафьев); *Чувствую – плохо. Чувствую – **оступился** парень. Не туда завела его **кривая дорожка**... Веришь ли, ночами просыпаюсь. Томка, говорю супруге, хороший парень **оступился*** (С. Довлатов); *Только выпускные экзамены в школе сдал, **впереди** вступительные в вуз* (В. Плотников).

Обратимся к вопросу о генезисе данной метафорической модели, который в научной литературе до сих пор подробно не рассматривался.

Статус ключевой метафоры позволяет сделать предположение о неслучайном характере отождествления жизни и путешествия, лежащего в основе данной метафорической модели. К этому следует добавить, что происхождение рассматриваемой когнитивной метафоры не является следствием *первичного представления о сходстве* между материально-конкретным, эмпирически воспринимаемым предметом (дорогой), чувственно воспринимаемым и переживаемым представлением о перемещении человека в пространстве – и предельно абстрактным понятием жизни. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафоры могут **создать** сходство» [9, с. 182]. Иными словами, сходство в подобных случаях не порождает метафору, а является следствием рожденной метафоры.

По нашему мнению, есть основания утверждать, что несомненное сходство, выражающееся для сознания носителей языка в многоаспектном соответствии двух феноменов, **создается** в результате их отождествления на основе другого когнитивного механизма – метонимического.

В качестве исходного положения опираемся на ранее высказанную нами идею о том, что образованию когнитивной метафоры предшествует метонимическое отождествление тех же двух реалий [10], в данном случае – перемещения в пространстве и жизни. Иными словами, появлению метафорической модели в рассматриваемом случае предшествует регулярное функционирование одноименной метонимической модели, объединяющей и отождествляющей те же две реалии – конкретную и абстрактную.

Рассмотрим оба этапа, составляющие процесс формирования данной когнитивной метафоры: 1) порождение метонимической модели *жизнь – движение* и 2) формирование на ее основе одноименной метафорической модели.

1. Метонимическая модель *жизнь – движение* формируется как результат обобщения массовых метонимических словоупотреблений глаголов движения в составе многочисленных сочетаний с существительными в разных предложно-падежных формах.

Как показано в наших работах [10; 11], глаголы движения активно вовлекаются в процесс метонимического обозначения деятельности и жизнедеятельности человека – как обиходных (бытовых и производственных) действий, так и более значимых – в течение длительного периода. Например: *В 1975 году **пришел на завод** главным инженером, а с 1983 года возглавляет предприятие* (Флагман отечественного лифтостроения 2003); *Были отмечены заслуги Виктора Нечипуренко, который **приехал в город** по распределению института два года назад и, не жалея сил, трудится на спортивной ниве, в местной спортшколе* (Г. Сванидзе); *Фатуев – псевдоним, фамилия его жены, сам он сын богатого человека, **ушел из дома**, увлеченный новыми идеями; пробиваться ему было трудно, а с помощью моего отца он вошел в удивительный мир Кавказа и Дагестана* (А. Тахо-Годи).

Появление в речи подобных выражений обусловлено логикой сценарной метонимии. Ее суть выражается в том, что сложное, многоэтапное событие может обозначаться по одному из актов – путем отождествления всего процесса с одним из его этапов (чаще всего – начальным).

С опорой на статью [10] представим и проиллюстрируем основные конструкции, в составе которых глагол движения выступает в метонимически производном значении, то есть буквально называя лишь акт перемещения в пространстве, обозначает то или иное событие, в котором перемещение является одним из актов, при этом обычно не центральным. Например, в выражении *После окончания школы брат **пошел** в колледж* посредством глагола движения в сочетании с существительным, называющим учебное заведение, передается информация о поступлении в учебное заведение и получении соответствующего образования. Другими словами, именование одного из этапов события, имеющего сценарный характер, становится обозначением всего события как целого.

Метонимическое значение глагола движения образуется в составе сочетания с именем существительным в следующих предложно-падежных формах:

– в + В. п., например: *Около десяти все же выехал из Москвы. По дороге опять **заехал в** недавно открывшийся на Старо-Калужском шоссе огромный супермаркет «Перекресток»* (С. Есин);

– к + Д. п., например: *Перед вашим приездом **ходил к** стоматологу* (А. Мацианов);

– за + Тв. п., например: *Присмотрите, пожалуйста, за вещами, я **схожу за мороженым*** (А. Русских);

– на + В. п., например: *С утра **ездил на выставку** цветов в парке* (В. Швец); *Завтра **еду в Москву на конференцию** алергологов* (И. Грекова);

– из (с) + Род. п., например: *Со своими огромными связями и трудолюбием, В.К. Егоров внезапно **ушел из института** помощником президента* (С. Есин); *Он так и не простил смерти Евгения своей жене. **Ушел из дома**, несмотря на двадцать с лишним лет прекрасных – конечно, со стороны – отношений!* (А. Мишарин).

Приведенные выше конструкции с глаголом движения в метонимически производном значении могут называть изменения в биографии лица, например: *В следующем году Шуман **перешел из школы в гимназию**, но ни наука, ни товарищи не могли более отвлечь его от музыки: детские игры были забыты, това-*

рицы оставлены, так как Шуман стремился лишь к тем из своих сверстников, кто так же, как он сам, любил музыку (М. Давыдова).

Выявленная картина регулярного метонимического употребления глаголов движения для обозначения событий, имеющих сценарную логику, позволяет сделать несколько принципиально важных выводов.

1. Если понимать жизнедеятельность человека в виде последовательности событий, в которые он включен (а именно такое представление жизни вытекает из описанной выше картины метонимического использования глаголов движения), то становится очевидным, что перемещение в пространстве оказывается маркером динамики в жизни человека – перехода от одного вида жизнедеятельности к другому. Показательны даже типовые обиходные фразы, именующие значимые этапы в жизни человека: *его принесли из роддома – пошел в садик – пошел в школу (пошел в первый класс – в выпускной класс) – пошел в музыкальную школу – пошел в колледж (в университет) – пошел на завод (в театр, в больницу, в школу, на кафедру) – поехал (отвезли) в больницу – отправили в дом престарелых – положили в гроб – отнесли на кладбище – опустили в могилу* [10].

Так в процессе коммуникации сформировалась **метонимическая модель движение – жизнь**, регулярно воплощаемая глаголами перемещения в пространстве в составе многообразных конструкций с существительными. Появление и регулярный характер воплощения этой ментальной модели в речи означает **отождествление движения в пространстве и жизни человека, имеющее метонимический характер**. Добавим, что подобное отождествление, как и большинство метонимических обозначений, возникает в речи стихийно, под действием закона экономии физических усилий.

Принципиально важным в свете поставленной цели – выявления логики порождения метафоры движения как средства образной концептуализации жизни человека – является факт широкой сочетаемости глаголов движения в функции сценарной метонимии. Это относится не только к составу конструкций с существительными, выступающими в разных предложно-падежных формах, но и к лексической семантике этих существительных.

В процессе регулярного функционирования в речи происходит расширение круга лексических средств (прежде всего существительных в разных предложно-падежных формах), с которыми вступает в сочетание глагол с семантикой движения, происходит абстрагирование семантики перемещения в пространстве.

Представим краткий перечень типов предметных или опредмеченно обозначаемых реалий, которые отмечены в сочетании с глаголами движения в составе метонимических выражений. Среди типичных групп следует назвать сочетания глаголов движения с существительными, обозначающими:

– учреждение, помещение или территорию с известным для участников коммуникации назначением (*ходил в университет, в школу, на стадион, сходил в магазин, на кухню, ездили на Юг, на концерт*);

– лицо по роду его деятельности (*пошел к парикмахеру, ходил к врачу, ездил к механику*);

– предмет мебели или иного назначения, который маркирует характер действий, образующих конкретный сценарий (*пройти к столу, к компьютеру, перейти к плите, к станку*);

– конкретный предмет, который с той или иной точностью (очевидной для собеседника) маркирует тип и условия деятельности (*сходить за хлебом, за заявлением, за почтой*);

– действие (*пойти на занятия, на тренировку, на консультацию*);

– мероприятие (*пойти на концерт, на лекцию, на выставку*).

2. Самым очевидным знаком перехода от метонимического значения глаголов движения к метафорическому в составе одной и той же конструкции является дальнейшее расширение их сочетаемости и вовлечение в состав грамматически зависимых существительных слов с абстрактным лексическим значением. Ср. выражения, именующие одно и то же событие либо сходные события, обозначенные метонимически и метафорически:

– *пойти в медицинский университет* – в медики, в медицину;

– *уйти в Белый дом* – в администрацию губернатора, во власть (властную структуру);

– *уйти из дома* – *уйти из семьи*.

Приведем примеры, в которых в рамках одного текстового фрагмента изменение профессионального или социального положения лица в первом случае обозначается метонимически (с помощью сценарной метонимии глагола движения), а во втором случае – метафорически:

*Был, правда, один период, когда Василий Сергеевич круто отклонился в сторону – ушел в аспирантуру, «защитился» и стал преподавать административное право в инженерно-строительном институте. Но никто из бывших сокурсников этому не удивился. Все были уверены, что рано или поздно Кондрашов **уйдет в науку** – в нем всегда жил ярко выраженный интерес к теории. Удивило другое – через два года он снова попросился на практическую работу (С. Высоцкий);*

*Но потом у моего старшего брата, который учился в медицинском, начались проблемы с учебой, он был такой бонвиван и не хотел учиться, и я стала переписывать для него конспекты. Переписывала-переписывала и поняла, что уже могу **идти в медицинский институт**. У нас с братом одна несклоняемая фамилия, я потом даже сдавала за него кое-какие экзамены. – Не было ли вам страшно **идти в медицину**? Все-таки профессия врача, мне кажется, не для каждого, она требует от человека определенных склонностей, кроме того, наверное, нужно отсутствие брезгливости... (А. Данилова);*

*Сначала Павел жил с женой своей Марьей, правящей по приходу обязанности повивальной бабки, и жили они мирно, любовно; но вдруг он **ушел из дома** и поселился у дядька в бане; все старания **возвратить** его снова **в лоно семейной жизни** с этих пор остались тщетны; даже отцу Никите Павел сказал наотрез: «Батюшка, я на нее плюнул, а вы не мешайтесь» (М. Воронов).*

Как показывают приведенные примеры, в сопоставляемых высказываниях (метонимическом и метафорическом) **может обозначаться одна и та же ситуация** – поступление лица в учебное заведение, изменение места работы и должности, прекращение или возобновление семейных отношений. Иначе говоря, сопоставляемые высказывания практически одинаковы по денотативной семантике.

Приведенные примеры наглядно показывают **принцип расхождения двух ментальных моделей, отождествляющих две реалии** (перемещение в про-

странстве и жизнедеятельность): в одних случаях отождествление носит метонимический характер (реалии соотносятся по смежности – как часть и целое в рамках единого сценария), в других – метафорический (эти же реалии соотносятся по сходству).

Различие метонимической и метафорической моделей обеспечивается лексической семантикой существительного, входящего в сочетание с глаголом движения:

– сочетание глагола движения с существительным конкретной семантики чаще всего указывает на то, что глагол движения реализует метонимическое значение и служит буквальным названием первого этапа комплексной деятельности и по смежности – названием всей деятельности, начальным этапом которой является перемещение (*пойти в медицинский университет, пойти в аспирантуру, уйти в администрацию губернатора, уйти из дома*);

– сочетание глагола движения с существительным абстрактной семантики в большинстве случаев указывает на то, что глагол движения реализует метафорическое значение и служит названием динамики жизнедеятельности, для которой изменение положения лица в пространстве не является актуальным, то есть семантика перемещения нейтрализуется и глагол приобретает абстрактное значение **изменения положения лица в процессе его жизнедеятельности** (*пойти в медицину, пойти в науку, уйти на руководящую должность, во власть*).

На первый взгляд, из названной закономерности «выпадают» следующие высказывания, включающие обозначения лица: *пойти в медики – в учителя – в инженеры – в геологи – в советники – в бизнесмены* и т. д. Однако в составе данной конструкции эти существительные также претерпевают абстрагирование семантики, об этом свидетельствуют ощутимые различия: *пойти к инженерам* (семантика лица) – *пойти в инженеры – в режиссеры – в парикмахеры* (семантика профессии).

Абстрагирование семантики наблюдается и в других семантических группах существительных, например: *Уже в пожилом возрасте актер **вернулся в театр***. Слово *театр* в данном случае может означать как конкретное учреждение, в котором человек служил ранее, так и сферу деятельности, не связанную с конкретным учреждением: *вернулся к театральной деятельности, в театральную профессию*. В последнем случае и существительное, и глагол приобретают вторичное значение: существительное выступает в метонимическом (абстрактном) значении, а глагол – в метафорическом, также абстрактном.

Как показывают приведенные примеры, в составе конструкции с тем или иным конкретным лексическим наполнением субстантивного компонента глагольная метонимия и метафора могут «балансировать», придавая высказыванию синкретичное значение.

Тем не менее можно указать на более или менее точный критерий дифференциации метонимического и метафорического прочтения таких высказываний. С учетом семантического варьирования существительного (по метонимической логике) значимым оказывается наличие или отсутствие в его семантике пространственного компонента. Наличие пространственного компонента в семантике существительного предопределяет сохранение у глагола исходного или метонимически производного значения перемещения в пространстве.

Исходной семантикой сочетания глагола движения с зависимым словом обычно выступает, как известно, перемещение относительно того или иного пространственного ориентира. Вместе с тем последний может одновременно указывать своей лексической семантикой и на тип связанной с ним деятельности. С другой стороны, обозначение вида деятельности с помощью существительного может косвенно обозначать также место действия, то есть содержать в своем значении пространственный компонент. Приведем и прокомментируем с этой точки зрения несколько высказываний. *Пошел в школу – на урок, на занятие, на педсовет*: существительные в одном случае прямо (*школа*), в других косвенно (*урок, занятие, педсовет*) указывают на место деятельности; вид деятельности в некоторых случаях называется прямо (*урок, занятие, педсовет*), в других косвенно (*школа*); таким образом, приведенные высказывания выражают либо одинаковые, либо сходные смыслы.

По описанной логике происходит дальнейшее расширение состава существительных в пределах одной конструкции и тем самым – размывание исходной семантики глагола, выражающего уже **не только перемещение, но и начало деятельности сценарного характера**, которая конкретизируется зависимым компонентом словосочетания, ср.: *пошел в школу* (начало обучения) – *на каток* (начало катания – в качестве тренировки, выступления, развлечения и т. д.) – *в магазин* (начало покупки) – *в бассейн* – *в театр* – *в музей* – *в филармонию* – *в поликлинику* – *в аптеку* – *в парикмахерскую* и т. д.

Несмотря на то что в подобных сочетаниях используются существительные, именующие учреждения как пространственные ориентиры, в рамках сценарной метонимии они выполняют две (и более) функции: указывают на конкретное заведение и **вид деятельности** субъекта, связанной с этим заведением (кроме того, здесь можно «усмотреть» и статус лица в названном виде деятельности – покупателя, клиента, пациента, учащегося и т. д.). При этом **коммуникативно важным является указание именно на вид деятельности**.

В связи с вышесказанным закономерным представляется расширение сочетаемости глагола движения с абстрактными существительными, называющими вид деятельности: *пошел на обследование* – *на концерт* – *на выставку* – *на премьеру* – *на занятие* (на урок, на лекцию) – *на экзамен* – *на тренировку* – *на заседание* – *на обсуждение* – *на оглашение приговора* (далее – *на приговор*) – *на стрижку* – *на парад* – *на Первомайскую демонстрацию* – *на митинг*.

В условиях сценарной метонимии роль глагола сводится к указанию на **начало** некоей **деятельности**, суть которой обозначается зависимым от глагола компонентом сочетания. Иными словами, глагол движения утрачивает самодостаточность – свойственную ему в прямом значении конкретную семантику перемещения, которая функционально замещается указанием на новый вид деятельности как этап жизнедеятельности.

Можно предположить, что факт регулярной сочетаемости глаголов движения с самыми разными группами существительных абстрактной семантики обеспечивает и дальнейшее расширение валентности глаголов движения. Ср.: *пошел на договоренность* – *на перемирие* – *на конфликт* – *на обострение конфликта* – *на объединение* – *на увеличение поставок* и мн. др.

В составе конструкций, в которых семантика существительного **не указывает на пространственную приуроченность деятельности**, ограничиваясь обозначением вида деятельности (*договоренность, конфликт, перемирие, объединение, укрупнение*), семантика глагола движения трансформируется – становится предельно абстрактной: глагол указывает на некую **динамику** деятельности, на переход к деятельности, названной существительным. Именно в контекстах подобного типа глагол движения приобретает метафорический статус.

Подчеркнем принципиально важное условие рождения когнитивной метафоры: **она возникает незаметно для говорящего** – в результате расширения лексического состава слов, вовлечения слов с абстрактным значением, которые вступают в сочетание с глаголом движения. Показательны как подтверждение выдвинутого положения о преемственности сценарной метонимии и когнитивной метафоры в данном случае следующие текстовые фрагменты, в которых органично совмещаются оба механизма: *Если встреча в Александринке была неожиданной главным образом для меня, то полной неожиданностью для Гриши Маевского было мое **появление в Париже**, выступление в «Жар-птице» и тот последний разговор с ним, в котором наши **жизненные маршруты пересеклись еще раз, чтобы окончательно и навсегда разойтись** – мой путь лежал домой, на восток, его – на запад, в неизвестность* (Г. Жженов); *Я сошел с поезда **жизни на глухом полустанке**; быть может, – кто знает? – это была **конечная остановка*** (Б. Хазанов).

Вернемся к вопросу о неслучайной мотивации метафоры пути как средства концептуализации жизни человека с учетом представленных выше результатов исследования. Предпочтение представления о перемещении человека в пространстве как средства концептуализации жизни объясняется тем, что, как показало изучение использования глаголов движения в качестве сценарной метонимии, этапы жизнедеятельности человека – как в обиходном, так и в более значительном масштабе – в реальной действительности бывают связаны с его перемещением в пространстве. Так, периоды жизни человека могут соотноситься с тем, что в раннем детстве ребенок ходит в детский сад, потом в школу (кружок, секцию), затем – в профессиональное учебное заведение; последующая жизнь связана с переходом в то или иное учреждение и т. д.

Таким образом, **выбор** представления о перемещении в пространстве в качестве своеобразной призмы для осмысления абстрактного понятия жизни (еще до образования когнитивной метафоры *жизнь – движение*) **предопределен видением жизни человека как совокупности меняющихся этапов его жизнедеятельности**.

Что же касается момента рождения самой когнитивной метафоры *жизнь – движение*, то он представляет собой незаметный для сознания говорящего, стихийный акт перехода одноименной метонимической модели сценарного типа в метафорическую. После состоявшегося в речи стихийного отождествления жизни и движения в рамках метафоры и, следовательно, оформления метафорической модели *жизнь – движение* она начинает функционировать в соответствии с закономерностями, характерными для когнитивной метафоры, то есть подвергаться варьированию: лексическому, семантическому и варьированию ассоциа-

тивных связей с разными реалиями, отраженными в русской концептосфере (подробнее о типах варьирования метафорического образа см. в [12]).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что метафорическая модель *жизнь – движение* является логическим продолжением сценарной метонимии глаголов движения и ее порождением. Жизнь в ее метонимическом обозначении представляется непрерывной чередой актов движения, перехода из одного положения в другое, в связи с чем в сознании носителей языка возникает метафорическое представление о жизни как о дороге, которая начинается с рождением и заканчивается в момент смерти человека.

Дальнейшие исследования в этой области могут включать анализ варьирования метафорической модели *жизнь – движение*, а также изучение генезиса других метафорических образов, участвующих в концептуализации жизни в русской языковой картине мира.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>, свободный.

Литература

1. Долгова И.А. Метафорическая модель перемещения в пространстве как средство характеристики жизни и деятельности человека: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 243 с.
2. Деева Н.В. Концепт «Жизнь»: понятийная и символическая составляющие // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9, № 2. С. 83–89.
3. Смирнова Н.Г. Концепт «жизнь» и концептуальная метафоризация в историческом дискурсе В.О. Ключевского // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3 ч. Ч. II. С. 160–164.
4. Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 225 с.
5. Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 41 с.
6. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.
7. Ипанова О.А. Концепт ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 4 (40). С. 60–75.
8. Баракат К.П. Метафоры годового и суточного времени как средства образной концептуализации жизни // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рожд. проф. Д.И. Алексеева (1918–1988) и 100-летию со дня рожд. проф. Е.С. Скобликовой (1924–2016) (г. Самара, 20–21 марта 2024 г.). Самара: [САМАРАМА], 2024. С. 173–179.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252 с.

10. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия глаголов движения в русском языке // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 973–979. <https://doi.org/10.30853/phil20240141>.
11. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестн. СамГУ. 2015. № 7. С. 36–48.
12. Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты. Самара: Самар. ун-т, 2016. 188 с.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Илюхина Надежда Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru

Баракат Катерина Павловна, аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия

E-mail: katty858barakat@yahoo.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 141–153

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.141-153

**On the Genesis of the Cognitive Metaphor *Life is Movement*
in the Russian Language**

N.A. Ilyukhina, K.P. Barakat***

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, 443086 Russia

E-mail: *ilnadezhda@rambler.ru, **katty858barakat@yahoo.com

Received April 20, 2024; Accepted June 10, 2024

Abstract

This article examines the mechanisms and conditions that contributed to the formation of the metaphorical model *life is movement*. Its emergence and development were traced through the scenario metonymy of verbs originally denoting physical movement. Despite the important role of this cognitive metaphor in the conceptualization of life within the Russian linguistic worldview, its genesis has received little research attention, thus highlighting the need for detailed study. The analysis of the linguistic and textual material revealed that the metaphorical model *life is movement* is rooted in the scenario metonymy of movement verbs. These verbs, when combined with dependent words, are used to denote various stages of human life and actions. Such constructions are numerous and widely used in speech, tending to expand and incorporate more substantives with diverse lexical meanings. With the increase in the number of these constructions and nouns that combine with movement verbs, particularly those with abstract semantics, the original meanings of movement verbs transform into metaphorical ones based on their metonymically derived meanings. Consequently, the active use of movement verbs in metaphorical contexts solidifies the metaphorical model *life is movement* and

encourages the extensive involvement of vocabulary from the associative semantic field *road/spatial movement* in the metaphorical interpretation of human actions.

Keywords: movement vocabulary, scenario metonymy, cognitive metaphor, metaphorical model *life is movement*

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Dolgova I.A. A metaphorical model of spatial movement as a way to describe human life and activity. *Cand. Philol. Diss.* Samara, 2007. 243 p. (In Russian)
2. Deeva N.V. The concept “life”: Its meaning and symbolic elements. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 83–89. (In Russian)
3. Smirnova N.G. The concept “life” and conceptual metaphorization in V.O. Klyuchevsky's historical discourse. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2014, no. 10 (40), pt. II, pp. 160–164. (In Russian)
4. Ipanova O.A. The concept “life” in the Russian linguistic worldview: Linguocultural and lexicographic aspects. *Cand. Philol. Diss.* St. Petersburg, 2005. 225 p. (In Russian)
5. Stepanova N.S. The conceptual framework “life path” in the autobiographical prose of the Russian first-wave émigrés. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2016. 41 p. (In Russian)
6. Pavlovich N.V. *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. Moscow, 1995. 491 p. (In Russian)
7. Ipanova O.A. The concept “life” in the Russian linguistic worldview. *Voprosy Istorii i Kul'tury Severnykh Stran i Territorii*, 2017, no. 4 (40), pp. 60–75. (In Russian)
8. Barakat K.P. Metaphors of annual and daily time as the means of figurative conceptualization of life. *Yazyk – tekst – diskurs: Funktsional'no-semanticheskii i strukturnyi aspekty: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 105-letiyu so dnya rozhd. prof. D.I. Alekseeva (1918–1988) i 100-letiyu so dnya rozhd. prof. E.S. Skoblikovoi (1924–2016) (g. Samara, 20–21 marta 2024 g.)* [Language – Text – Discourse: Functional-Semantic and Structural Aspects: Proc. Int. Sci. Conf. Dedicated to the 105th Anniversary of Birth of Professor D.I. Alekseev (1918–1988) and to the 100th Anniversary of Birth of E.S. Skoblikova (1924–2016) (Samara, March 20–21, 2024)]. Samara, SAMARAMA, 2024, pp. 173–179. (In Russian)
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Baranov A.N., Morozova A.V. (Trans.). Baranov A.N. (Ed.). Moscow, URSS, 2004. 252 p. (In Russian)
10. Ilyukhina N.A. Scenario metonymy of motion verbs in the Russian language. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 973–979. <https://doi.org/10.30853/phil20240141>. (In Russian)
11. Ilyukhina N.A. On the typology of lexical metonymy in the light of cognitive principle. *Vestnik SamGU*, 2015, no. 7, pp. 36–48. (In Russian)
12. Ilyukhina N.A., Dolgova I.A., Kirillova N.O. *Metafora i sistemnost': semasiologicheskie i kognitivnye aspekty* [Metaphor and System: Semasiological and Cognitive Aspects]. Samara, Samar. Univ., 2016. 188 p. (In Russian)

Для цитирования: Илюхина Н.А., Баракат К.П. К вопросу о генезисе когнитивной метафоры *жизнь – движение* в русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 141–153. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.141-153>.

For citation: Ilyukhina N.A., Barakat K.P. On the genesis of the cognitive metaphor *life is movement* in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 141–153. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.141-153>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.154-165

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА РЕБЕНКА НА ЭТАПЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВЗРЫВА: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ТИПИЧНОЕ¹

М.Б. Елисеева, К.А. Тьосса

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191186, Россия*

Аннотация

В настоящей статье проанализировано становление индивидуальных языковых систем двух девочек на основе лонгитюдных дневниковых данных. Рассмотрены каждый из компонентов языковой способности: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, а также особенности развития имитации и первые проявления метаязыковой деятельности. Учитывается наличие взаимосвязи (автономность или взаимообусловленность) различных компонентов. В качестве вспомогательного метода исследования использован анализ Макаруровских опросников. Сопоставление данных, отраженных в двух case study, и опубликованных ранее результатов анализа различных компонентов языковой способности, основанных на обширной базе данных Макаруровских опросников, позволяет не только сравнить становление речи двух детей, но и сделать выводы об общих закономерностях и индивидуальных особенностях речевого развития на ранних этапах речевого онтогенеза.

Ключевые слова: речевой онтогенез, индивидуальная языковая система, компоненты языковой способности, диагностика речевого развития, Макаруровский опросник, детская фонетика, начальный лексикон, детская морфология, детский синтаксис

В настоящей статье рассмотрим становление основных компонентов языковой способности ребенка: фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, а также особенности развития имитации, учитывая их взаимосвязь (автономность или взаимообусловленность).

В монографии М.Б. Елисеевой, основанной на дневнике речевого развития Лизы Е. (1996 года рождения), подробно проанализированы каждый из вышеозначенных компонентов и их взаимодействие. Сделаны выводы о том, что некоторые компоненты связаны прямо пропорционально, а другие относительно автономны [1].

Кратко перескажем основные результаты этого исследования.

Первые слова пассивного лексикона (далее – ПЛ) отмечены у Лизы в 8 мес., активного лексикона (далее – АЛ) – в 9 мес. К моменту, после которого был за-

¹ Проект реализуется победителями грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

фиксирован лексический скачок (в 17;15²), ПЛ достиг уровня 358, а АЛ – 50 слов, половина которых была сверхгенерализована: сфера референции слов была расширена за счет метафорического переноса (сходства формы, размера, способности к движению, функции) или же метонимического переноса. Лексико-семантическая сверхгенерализация – способ расширить круг называемых ребенком явлений в период ограниченного лексикона и примитивной фонетики.

До названного периода девочка отказывается повторять слова вслед за взрослым и не реагирует на просьбу сказать что-либо. В период лексического скачка она демонстрировала понимание, но не повторяла слово, сказанное взрослым, а произносила другое, ассоциативно связанное с предложенным и имеющееся в АЛ (вместо *кошка* – *мяу*), или использовала жест. Иногда ребенок пытался повторить что-то новое и непонятное, но фонетически легкое. Однако и в 18 мес. подобное бывало редко, и, если случалось, слова скоро оказывались в АЛ. В 19 мес. Лиза научилась воспроизводить словоформу *опасен* (*apásci*): это использовалось как игра-обучение старшим братом и происходило неоднократно.

В 20 мес. после 113-го слова отмечен лексический взрыв: за месяц появилось 188 новых слов. В лексиконе зафиксированы суффиксальные существительные: диминутивы, названия детенышей животных и слова с грамматическим выражением единичности. Растет АЛ – закономерно исчезают лексико-семантические сверхгенерализации. В следующем месяце было усвоено 356 слов, после 22 мес. скорость снижается, но незначительно: до 24 мес. было усвоено еще 507 новых лексических единиц.

20 мес. – время появления «настоящей имитации» [2, с. 401]: ребенок повторяет любое понравившееся, а также любое предложенное взрослым для повторения слово. Ключевым стало стремление сохранить количество слогов в четырех- и пятисложных словах: *воробышек* – *абабисик*, *простокваша* – *паяся*, *бегемотица* – *гаманятица* и т. п. После 22 мес. легко произносится и усваивается любая лексема, хотя и со значительными фонетическими трансформациями. Слова «языка нянь» вытесняются нормативными синонимами, и к 2 годам стирается лакуна между пассивным и активным лексиконом. Активно используются игровые переименования предметов и игры с воображаемыми предметами.

Становление звуковой стороны речи происходило в двух основных направлениях: с одной стороны, усвоение артикуляции отдельных звуков и их сочетания и порядка следования в словах; с другой стороны, развитие умения артикулировать лексические единицы разной длины. Первые 50 слов АЛ Лизы были просты не только в детском произношении, но и в качестве исходных единиц: ребенок как будто выбирал то, что легче произнести, поэтому в АЛ были слова следующих типов: состоящие целиком из согласных; односложные, состоящие из открытого или закрытого слога; двусложные, состоящие из одинаковых гласных или из редуцированных слогов согласный+гласный; трехсложные с редупликацией или с неодинаковыми, но похожими слогами; четырехсложное слово с редупликацией. Вследствие такого простого состава АЛ слоги были про-

² Возраст здесь и далее указан следующим образом: количество месяцев; дней.

пущены только в семи из первых 50 лексем, и до 20 мес. были лишь отдельные случаи слоговой элизии.

Как уже указывалось ранее, первое трехсложное слово с неодинаковыми слогами зафиксировано в 19 мес. в результате имитации: *anasi* (*опасен*), а вслед за этим появилось похожее по структуре и звуковому составу слово – *anisi* (*апельсин*). В 21 мес. отмечены первые четырехсложные лексические единицы – с уподобленными слогами. При этом можно говорить даже о некотором увеличении количества слов со слоговой элизией, однако они быстро приобретали недостающие слоги: *дия/диия* (*дерево*), *ги/ибиги* (*сапоги*).

К 24 мес. слоговая структура слова перестает сокращаться и появляются многочисленные четырехсложные и пятисложные слова разных типов – с открытыми и закрытыми слогами и с легкими кластерами: *акасяник* (*лягушонок*), *асаядиникам* (*за холодильник*); *занаиситька* (*занавесочка*) и др.

Таким образом, появление трех-, а затем четырехсложных единиц было значимым не только само по себе как развитие слоговой структуры слова, но и как толчок развития АЛ. В свою очередь, объем словаря способствовал стремлению ребенка произносить любые слова, в том числе и длинные.

В 21 мес., через месяц после начала лексического взрыва, наблюдается морфологический: есть все части речи, кроме предлогов (появятся в 25 мес.) и союзов (сочинительные союзы будут отмечены в 24 мес.). Возникают грамматические оппозиции: падежа и числа существительных, времени и числа глагола, начинают склоняться прилагательные. Как пишет С.Н. Цейтлин, «ярким доказательством того, что словоизменительные правила действительно становятся компонентом формирующейся детской грамматики, является появление в речи ребенка словоизменительных инноваций» [3, с. 43]. В промежуток от 21 до 24 мес. было зафиксировано 54 формообразовательных инновации: смешение окончаний; ошибки в сочетаниях с числительными; унификация основы, устранение среднего рода; перераспределение существительных между мужским и женским родом; образование формы мн. ч. существительных *Singularia tantum*, употребление неодушевленных существительных как одушевленных. Появились и первые словообразовательные инновации (17). Необычным является тот факт, что морфологически оформлены были голофразы – ребенок обходится без двусловных предложений, как бы заменяя синтаксис морфологией: нужные смыслы передаются с помощью флексий (ср. высказывания, равноценные по смыслу: «Дать лопатка» и «Лопатку»).

Взаимообусловленность компонентов языковой способности, описанная выше, отсутствовала при усвоении синтаксиса: на начальных этапах он развивался относительно независимо. В 19 мес. ребенком впервые были составлены три двусловных высказывания «телеграфного стиля», но в дальнейшем в течение двух месяцев предложений не было. Интересно, что лексический взрыв никак не способствовал желанию ребенка соединять слова в высказывание. С 21 мес. предложения из двух слов отмечаются часто (109 в течение месяца), но являются не вполне полноценными – с паузами между компонентами. Структурные типы двусинтаксемных высказываний разнообразны, при этом все они уже морфологичны, поскольку произошел морфологический взрыв. Только к 24 мес. паузы между словами высказывания исчезают и употребляются простые, осложненные

и сложные предложения из четырех–пяти слов, то есть происходит «синтаксический скачок» и ребенок догоняет и даже несколько опережает среднее развитие девочек в этой области (медиана – 3.7 слов). Одновременно появились разные типы синтаксических связей – и сочинительная, и подчинительная; используются бессоюзные предложения разных типов.

Итак, развитие умения артикулировать слова, состоящие более чем из двух передуплицированных слогов, оказалось толчком к росту словаря, а развитие словаря, в свою очередь, было стимулом развития морфологии. При этом синтаксис развивался относительно независимо.

В 24 мес. в дневнике отмечен первый случай прямого (без побуждения взрослых) самоисправления в дневнике Лизы (в области лексики) – исправление случая смешения паронимов.

Переходим к анализу становления индивидуальной языковой системы другого ребенка – Агнии Т. (2022 года рождения).

Лексикон Агнии от первых слов в 13 мес. до начала лексического взрыва в 21 мес. подробно рассмотрен в [4]. Обозначим здесь основные вехи лексического развития. В 13 мес. появились первые слова в активном лексиконе (звукоподражания и нормативные слова). В 16 мес. кроме упомянутых типов лексем отмечены лепетоподобные слова (*ляля, тетя, дед* – о дяде и бабушке), в 19 мес. после 60-го слова возник лексический скачок (42 слова в течение месяца), а в 21 мес. – лексический взрыв (129 слов в течение месяца). К концу 24-го мес. в АЛ 646 слов, то есть за три месяца словарь вырос более чем в четыре раза (рис. 1). Лексико-семантическая сверхгенерализация была, но не являлась характерной для начального лексикона.

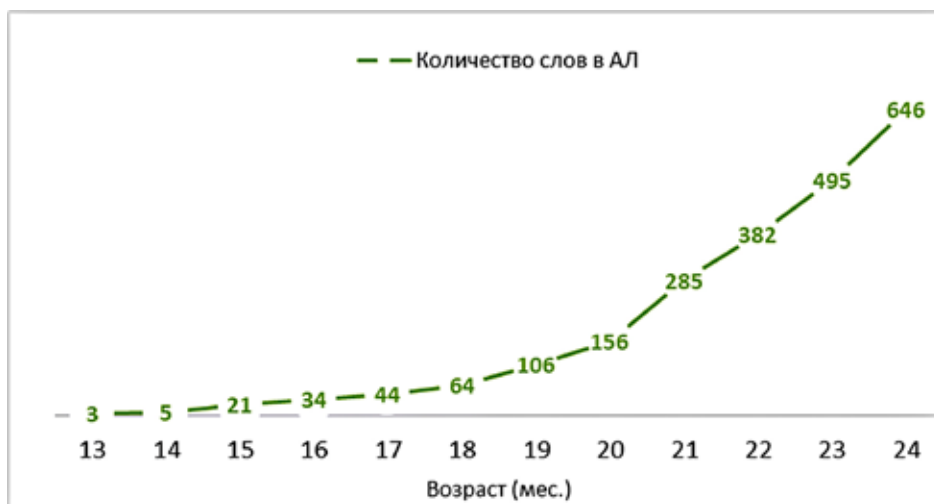

Рис. 1. Развитие активного лексикона Агнии от 13 до 24 мес.

Вопреки мнению бихевиористов о том, что новое поведение (в том числе и речевое) должно быть симитировано, прежде чем оно появится у ребенка, развитие имитации было постепенным и напоминало развитие имитации у Лизы. До 19 мес. имитации почти не было: по просьбе взрослого «скажи...» ребенок иногда повторял, но только те слова, которые уже были в его АЛ. Именно лекси-

ческий скачок дает толчок развитию имитации: ребенок начинает самостоятельно, без побуждения взрослых, повторять новые слова за членами семьи. Рост активного словаря в период лексического взрыва сопровождается качественным изменением имитации: ребенок повторяет слова по просьбе взрослого, а также имитирует по собственному желанию: *привет, спасибо, ждать, сесть, скотч, дочь, кит, молния* и др. В 23 мес. Агния повторяет любые слова, при этом количество слогов в них, как правило, сохраняется. В 24 мес. начинает повторять за взрослыми целые фразы, состоящие (частично или полностью) из новых слов: 24;2 *Пришли в магазин. Я говорю: «Сапожки будем мерить». Она: «Апоськи буде меить».*

подавляющее большинство слов до лексического взрыва – субстантивы, в 16 мес. появляются первые глаголы (*дай* и *читать*), в 19 мес. – личное местоимение *я*, вопросительные слова (наречие *где* и местоимение *кто*) и числительные (*один, два, три*), в 20 мес. – первые прилагательные и наречия (*мягинкий, мокро/мокрый, еще, никак*).

В начале 21-го мес., после 153-го слова, происходит лексический взрыв, на который указывает резкий рост АЛ – ежедневное его пополнение пятью–восемью новыми словами. Таким образом, за месяц в состав словаря вошли единицы, относящиеся к разным частям речи: существительные (например, *ковшик, пол, усы, платье, грязь*), глаголы (например, *пить, одеть, мыть*), прилагательные (например, *хороший, страшный, маленький*), местоимения (*ты, все, эта/эти*), наречие (*здесь*), категория состояния (*нельзя*). Как и прежде, в АЛ ребенка есть омонимы (*сён – солнце* и *слон*), к возникновению которых приводит закономерная для этого возраста сложность артикуляции слов. Слова «языка нянь» используются параллельно с нормативными синонимами (*собака – абака* и *вава*), что также типично в период лексического взрыва.

В 21;20 и 24;20 мамой Агнии заполнялся «Тест речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и предложения» [5]. Выяснилось, что в первый месяц лексического взрыва возраст развития словаря совпадает с биологическим, а через 3 месяца – опережает его: количество слов в 21;20 – 138 (медиана – 144); в 24;20 – 351 (медиана – 252, возраст развития словаря Агнии – 26 мес.).

Количество слов в дневнике в 24;20 (600) почти вдвое больше АЛ, чем в опроснике (351), что закономерно: исследователи, ссылаясь на авторов оригинальной версии MacArthur CDI, неоднократно писали о том, что статус опросника не полный, но только репрезентативный [5, с. 7]. При этом многие единицы лексикона в опроснике не отмечены, что объясняется неравномерностью развития у детей слов разных тематических групп.

У Лизы разница лексиконов из дневника (1108) и из опросника (426) в 24 мес. больше, чем у Агнии. Это вполне объяснимо: чем больше АЛ, тем значительнее зазор между реальным количеством слов и полученным в результате заполнения опросника: «...в 24 мес. в опроснике оказалось отраженным 38 % слов из реального словаря ребенка» [1, с. 132]. Однако заполненный опросник показывает различия в уровне развития лексикона: в два года возраст развития словаря Агнии соответствует 26 мес., а Лизы – 28 мес.

Показателем лексического продвижения является первая метафора в речи Агнии: 23;19 *Насыпаю сахар в чай: «Сек, мам. Сек» (Снег).*

Становление звуковой стороны речи Агнии тоже типично. Первые 60 слов АЛ (до лексического скачка) были либо односложными с открытым слогом (*по* – *пол*, *де* – *дерево*, *го* – *голову* и др.), либо двусложными с открытыми слогами (*тетя*), либо состоящими из мягких консонантов (*сь* – *сыр*, *ть* – *чай*). Зафиксированы случаи метатезиса (*аи* вместо *иа* (*ослик*), *та-ти* вместо *тик-так* (*часы*), *ати* (*аист*). В 16–17 мес. отмечены трехсложные слова – с редупликацией или частично уподобленными слогами: *дадада* (*гагага*), *айяйяй*, *бибика*, *Адиди* (*Мойдодыр*). В период лексического скачка появляются трехсложные слова с неодинаковыми слогами: *агути* (*огурчик*), *дищка* (*дырочка*), *Атёка* (*Антошка*), *пи-тека* (*печенька*), *маника* (*майка*) и др. Хотя исходные слова отличаются по структуре, трансформации их в детской речи дали похожий результат: все слоги открытые, без кластеров и сложных согласных. Лексический взрыв сопровождается появлением четырехсложных слов *акотика* (*окошко*) и *агутика* (*огурчик*). В 24 мес. фиксируется первое пятисложное слово *пиидиваться* (*переодеваться*).

Исследование речи 42 детей раннего возраста из заполненных Макаруровских опросников показало, что артикуляция четырехсложных слов доступна большинству детей в возрасте 23 мес., пятисложных – в возрасте 26–28 мес. [6]. В недавней работе, основанной на анализе данных 27 Макаруровских опросников, обнаружено, что при появлении в речи детей именно четырехсложных слов увеличивается объем активного словаря и уменьшается лакуна между пассивным и активным лексиконами, а также сокращается количество единиц со слоговой элизией [7].

Агния активно пользуется слоговой элизией как тактикой упрощения артикуляции весь описываемый период. Однако выраженность слоговой элизии (процента слов, подвергающихся сокращению [8, с. 90]) уменьшается (табл. 1). Вариативность слоговой структуры (наличие в активной речи детей слов разнообразной слоговой структуры – как по количеству, так и по качеству входящих в слово слогов [8, с. 90]), напротив, увеличивается.

Табл. 1.

Развитие АЛ, вариативности слоговой структуры и выраженность слоговой элизии

Возраст (мес.)	Количество новых слов в АЛ	Выраженность слоговой элизии в этих словах	Количество типов конструкций слоговой структуры в этих словах
20	50	40 % (20 слов)	6
21 (лексический взрыв)	129	23 % (29 слов)	10
22	97	31 % (30 слов)	10
23	113	16 % (18 слов)	12
24	151	8 % (12 слов)	16 ³

Результаты анализа фонетического и лексического развития Агнии подтверждают, что «чем разнообразнее слоговая структура слов, которые ребенок способен артикулировать, тем больше слов в его активном лексиконе... Чем лучше у ребенка развит такой показатель, как вариативность слоговой структуры слова,

³ Вариативность слоговой структуры в речи Лизы в 24 мес. составляла 15 [1, с. 45].

тем меньший процент слов в его речи подвергается сокращению... Чем больше слов в активном лексиконе ребенка, тем меньший процент слов подвергается сокращению» [8, с. 92].

Рассмотрим развитие морфологии Агнии. К 21 мес. в речи ребенка отмечены явления, свидетельствующие о возникновении когнитивных предпосылок, формирующих базу будущей грамматики [9]. С 14 мес. девочка говорит об объектах, отсутствующих в данный момент (*nana* – когда зашли в гостиную, где папа обычно находится; *nana* – если кто-то открывает дверь в квартиру или на лестничную клетку); с 16 мес. называет обладателя вещи в его отсутствие, когда видит эту вещь (*nana* – видя папины вещи; *Баба!* – закричала, когда увидела, как мама убирает в шкаф бабушкин халат); с 18 мес. говорит о будущем (– *Пойдем спать?* – *Баюбай... не баюбай + мотание головой*); с 21 мес. умеет говорить о прошедших событиях (*тётя укотик* – показывает на ножку, куда делали укол несколько месяцев назад).

Исследователями обнаружены статистически значимые различия в усвоении детьми определенных умений, причем иерархия появления высказываний указанных выше типов обусловлена когнитивными факторами. Обнаружилось, что «проще всего ребенку назвать отсутствующего в данный момент взрослого при виде его вещи. Высказывания об отсутствующих в поле зрения предметах или о ближайшем будущем появляются позже. Наиболее сложны (поскольку менее необходимы) – высказывания о прошлом» [9, с. 91]. Мы видим, что порядок появления указанных умений в речи Агнии соответствует полученным ранее результатам.

«Грамматикализация лексикона» Агнии, то есть «приобретение каждой из единиц формирующегося лексикона ребенка определенных грамматических характеристик» [3, с. 11], начинается происходить, как и у Лизы, даже до начала лексического взрыва. А в конце 21-го мес. появляется первая морфологическая оппозиция: форма винительного падежа существительного противопоставлена форме «псевдоименительного»: 21;1 *Уку дай (руку дай)*; 21;28 *Ука. Дай ука*. В 22 мес. отмечен случай использования дательного падежа: *а есике – по лесенке* (ср. *есика – лесенка*). Глаголы используются в основном в форме инфинитива (*одеть, есть, сесть*), но встречаются случаи использования настоящего времени (*ящерка/мама/папа бежит*) и прошедшего времени (*упала/упал*). Отмечено противопоставление формы инфинитива императиву: *писать – пиши*. Появляется протопредлог *а* (*а есике – по лесенке, а каси – от каши, а утики – на ручки*) и предлог *про* (*на батика – про бантика*: имелась в виду книга Г. Цыферова «Как стать большим» – о котенке с бантиком), притяжательное прилагательное (*Агати – Агатин*) и страдательное причастие (*я одета*).

Развитие морфологии Лизы было бурным – через месяц после лексического произошел морфологический взрыв: за две недели появились все падежные формы и формы ед. и мн. ч. существительных; формы настоящего и прошедшего времени глаголов; большое количество формообразовательных инноваций.

Как было показано в другом исследовании М.Б. Елисеевой, где сравнивается развитие Лизы и Тани, лексический взрыв не обязательно влечет за собой морфологический, но «способствует развитию морфологии, хотя и не столь стремительному» [10, с. 71]. Заметим, однако, что все три информанта отличаются сходством речевой стратегии – референциальной (подробно о стратегиях усвоения языка см. [11]).

У Агнии развитие морфологии было плавным, как и у Тани. В 23 мес. появляются:

- противопоставления мн. и ед. ч. существительных: (*лужа/лужи, рука/руки, бика/бики* (машинка/машинки), *ножка/ножки*;
- формы родительного падежа (23;11 – *Надо помыть лицо. – А каси (от каши). И тут же сама исправилась: Сюпа (т.е. от супа, т. к. ела суп)*;
- все формы глаголов настоящего времени, кроме 2 л. мн. ч. (*я плачу, я кушаю; не хочешь* (в значении «не хочу»), *собака летит, тётя лезет; мы едем, гулять идём; все идут, все спят*), 3 л. ед. ч. прош. вр. (*Агата ушла, папа пришел*), а также 1 л. ед. ч. буд. вр. (*пойду гулять, я поищу*);
- первые морфологические инновации (*нОга, рисуть, танцуть, мама пришёл, папа большая*).

В 24 мес. зафиксированы союзы: *а* (*Агата в школе, а папа работает*) и *как* (*как Маша*). Появляются симплексы к уже имеющимся в речи диминутивам (*кровать и кроватка*) и наоборот – диминутивы к симплексам (*собачка и собака*).

Свидетельством прогресса в речевом развитии ребенка являются первые случаи метаязыковой деятельности – самоисправления (практически в том же возрасте, что и у Лизы): в 23;11 – лексическое (см. пример выше, где ребенок выбирает нужное слово: *каши... супа*), а в 23;15 – морфологическое: *Просила показать видео с крещения, где она плачет: «Пачет. Я пачет. Пачу»*.

Развитие синтаксиса Агнии, как и у Тани, тоже «шло классическим путем – фиксировался период “телеграфного стиля”» [10, с. 71]). Как правило, синтаксис развивается у детей быстрее и проще, чем морфология: «“Медианные” мальчики используют все грамматические категории (падеж, число существительных, время и лицо глагола) с 33 мес., а девочки – с 31 мес.» [12, с. 133]. Сравните: «Дети, результаты которых относятся к медиане, соединяют слова в предложения: 1) в 20 мес. – девочки, 2) около 22 мес. – мальчики» [13, с. 1050].

Первое двусловное высказывание Агнии появляется в 16;6: *Дадада айяй* (буквально: *гагага айяй* – о гусях-лебедях, которые унесли мальчика (мама говорила: *Ай-я-йй, Ванюшу унесли*)). Спустя месяц отмечено несколько однотипных двусинтаксемных высказываний телеграфного стиля, состоящих из слов языка нянь: 17;27 «Баба а-а-а (*закрывает глаза руками*)» – *баба плачет (при виде книжки «Курочка ряба», где на картинке все плачут)*. 18;2 *Перед сном болтает: тётя а-а (тетя поет), мама а-а (мама поет), папа пись-пись (услышала, как папа открыл дверь туалета)*.

Как и в речи Жени Гвоздева, некоторое время спустя у Агнии появляются трехсловные высказывания телеграфного стиля (которых не было у Лизы):

21;1 *Мама вот эти адеть – протягивает мне домашние штаны.*

21;10 *Дай один бика (Дай одну рыбку) – про крекер в форме рыбок.*

Активный прирост глаголов в 21 мес. и зарождение морфологии позволяет ребенку конструировать первые высказывания с изменяемыми словами: *мама, рисуй; ляля плачет; собака идет*. В 23;1 отмечены такие трехсловные высказывания: *Агата уроки делает*.

С точки зрения возраста развития, синтаксис Агнии опережает типичное синтаксическое развитие девочек: как показали исследования, основанные на базе данных Макартуровских опросников, только 19 мес. – точка начала быстро-

го развития фразовой речи для девочек [13, с. 1059]. Несмотря на большой объем лексикона и бурное развитие морфологии, двусловные предложения без пауз в речи Лизы появились позже, что подтверждает идею об относительно независимом развитии синтаксиса.

Максимальная длина предложений в начале лексического взрыва у Агнии в 21 мес. – три слова, что выше медианы для девочек (два слова) [5, с. 47].

В 23 мес. в речи девочки появляются первые морфологически оформленные четырехсловные высказывания, в том числе вопросительные: «*А почему машинка плачет?*» В 24 мес. максимальная длина фразы – семь слов (медиана – 3.7); это сложносочиненные (*Панда ест бамбук, а папа ест блинчики*) и сложноподчиненные предложения (*Алиса, включи песенки Маша Миша поют*), однако с пропуском союзного слова – местоимения *который*.

Характерно, что в 24 мес. в речи Агнии еще немало предложений с использованием неизменных слов, в том числе ономотопей: *Пахозя папа биби (похожа на папину машину), босе нету еда (больше нету еды)*. Все падежи будут усвоены несколько позже – временной промежуток от первой падежной формы (винительного падежа) в 21 мес. до последней (предложного) в 25 мес. – четыре месяца.

Подведем некоторые итоги сопоставления начальных периодов речевого развития Лизы и Агнии.

В результате исследования, основанного на дневнике Лизы [1], были выявлены две различные стратегии ребенка при овладении языком: «1) компенсаторная, “взаимодополняющая”, когда недоразвитие одного компонента компенсируется развитием другого (богатая флективная морфология в сочетании с обширным лексиконом компенсировала бедность синтаксиса), и 2) “стимулирующая”, когда развитие одного компонента ускоряет развитие другого: овладение слоговой структурой слова явилось стимулом развития лексикона, повлиявшего на развитие морфологии; в свою очередь, быстрое развитие морфологии послужило стимулом развития синтаксических структур» [1, с. 294]. Было высказано предположение о том, что речевой онтогенез разных детей всегда будет отмечен «стимулирующей» стратегией, но не всегда – «компенсаторной».

Настоящее исследование подтвердило эту точку зрения: взаимообусловленными оказались фонетический (умение артикулировать трех- и четырехсложные слова), лексический (объем АЛ) и морфологический (появление грамматических категорий) компоненты, в то время как синтаксический модуль на начальных этапах развивался относительно автономно. Однако несколько позже развитие морфологии служит «вспомогательным механизмом развития синтаксических структур – трех- и четырехсловных высказываний, грамматически правильно оформленных» [14, с. 185].

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: ЯСК, 2014. 342 с.
2. Bloom L. Imitation and its role in language development // Bloom L. Language Development from Two to Three. Cambridge, New York, NY: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 399–432.

3. *Тьосса К.А.* Лексикон ребенка раннего возраста (по данным материнского дневника и Макатуровского опросника) // Проблемы онтолингвистики – 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка. Материалы ежегод. Междунар. науч. конф. СПб.: ВВМ, 2024. С. 25–31.
4. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л.* Макатуровский опросник: русская версия: оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста, нормы развития, образцы анализа, комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2021. 79 с.
5. *Итигина М.Л.* Усвоение звуковой стороны речи детьми раннего возраста // Логопед в детском саду. 2006. № 2 (11). С. 57–63.
6. *Фонова М.А.* Взаимосвязь объема активного лексикона детей раннего возраста и их умения артикулировать многосложные слова. Магистерск. дис. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. 107 с.
7. *Итигина М.Л.* Взаимосвязь слоговой структуры слова и объема активного словаря в речи детей 2–3 лет: к вопросу об объективности Мак-Артуровского опросника как метода исследования // Проблемы онтолингвистики 2007: материалы Междунар. конф. (21–22 мая 2007 г. – Санкт-Петербург). СПб.: Златоуст, 2007. С. 90–92.
8. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А.* Когнитивные предвестники развития детской грамматики по данным Макатуровских опросников и case study // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 91–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104>.
9. *Елисеева М.Б.* Лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста как стимул развития морфологии // Уральский филологич. вестн. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 65–75.
10. *Доброва Г.Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: ЯСК, 2018. 262 с.
11. *Елисеева М.Б., Вершинина В. А.* Нормы усвоения грамматических категорий мальчиками и девочками раннего возраста: (по данным Макатуровского опросника) // Специальное образование. 2020. № 1 (57). С. 120–135. <https://doi.org/10.26170/sp20-01-09>.
12. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А.* Двусинтаксемные высказывания в ранней детской речи: гендерный аспект по данным Макатуровских опросников // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1050–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066>.
13. *Цейтлин С.Н., Воейкова М.Д.* Санкт-Петербургская школа онтолингвистики // Вопр. психоллингвистики. 2019. № 1 (39). С. 182–205. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-182-205>.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 10.09.2024

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка, заведующий НИЛ онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия
E-mail: melyseeva@yandex.ru

Тьосса Ксения Антоновна, лаборант-исследователь НИЛ онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия
E-mail: xenia.tossa@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.154-165

**The Child's Language System during the Vocabulary Explosion:
Individual and Common Trends**

Eliseeva M.B*, Tossa K.A.**

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia

E-mail: *melyseeva@yandex.ru, ** xenia.tossa@mail.ru

Received July 10, 2024; Accepted September 10, 2024

Abstract

A longitudinal diary study on the formation of two young girls' individual language systems was carried out. In both cases, the general language ability was tracked by considering its key components, including the phonetic, lexical, morphological, and syntactic ones, as well as imitation skills and early metalinguistic awareness. The relation between these components (autonomy or mutual influence) was examined. The MacArthur–Bates Communicative Development Inventories (CDI) were used as an auxiliary tool. The findings of the two case studies were compared with the published results of a systemic analysis based on the extensive MacArthur–Bates–CDI database on various components of general language ability. The comparisons revealed shared and individual language acquisition patterns in the early stages of speech ontogenesis. The obtained data are consistent with those reported in previous research: in the early stage of language acquisition, the speech of the girls was marked by an interaction between the phonetic (articulation of complex three- or four-syllable words), lexical (vocabulary growth), and morphological (learning grammatical categories) components, while the syntactic component progressed relatively autonomously; and then, during the later stage, morphological skills served more as a supportive mechanism that facilitated the construction of grammatically accurate syntactic structures.

Keywords: speech ontogenesis, individual language system, components of language ability, diagnostics of speech development, MacArthur–Bates CDI, children's phonetics, early vocabulary, children's morphology, children's syntax

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. Growth of Agniya's active vocabulary at 13–24 months.

References

1. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, YaSK, 2014. 342 p. (In Russian)
2. Bloom L. Imitation and its role in language development. In: Bloom L. *Language Development from Two to Three*. Cambridge, New York, NY, Cambridge Univ. Press, 1991, pp. 399–432.
3. Tossa K.A. Vocabulary skills in early childhood (insights from the maternal diary and MacArthur–Bates CDI). *Problemy ontolingvistiki – 2024: yazykovoe vzaimodeistvie vzroslogo i rebenka. Materialy ezhegod. Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Ontolinguistics – 2024: Language Interaction between Adults and Children: Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, VVM, 2024, pp. 25–31. (In Russian)
4. Eliseeva M.B., Vershinina E.A., Ryskina V.L. *Makarturovskii oprosnik: russkaya versiya: otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiya detei rannego vozrasta, normy razvitiya, obraztsy*

- analiza, komentarii* [The MacArthur–Bates CDI: A Russian Version: Assessing the Speech and Communication Development in Young Children, Development Standards, Case Studies, Commentaries]. Ivanovo, LISTOS, 2021. 79 p. (In Russian)
5. Itigina M.L. Phonological development in early childhood. *Logoped v Detskom Sadu*, 2006, no. 2 (11). pp. 57–63. (In Russian)
 6. Fonova M.A. The relation between active vocabulary and articulation of multisyllabic words in early childhood. *Master's Diss.* St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2024. 107 p. (In Russian)
 7. Itigina M.L. Word syllable structure and its relation to active vocabulary size in the speech of 2–3-year-olds: On the reliability of the MacArthur–Bates CDI as a research tool. *Problemy Ontolingvistiki 2007: Materialy Mezhdunar. konf.* [Problems of Ontolinguistics – 2007: Proc. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, Zlatoust, 2007, pp. 90–92. (In Russian)
 8. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Cognitive prerequisites for the acquisition of grammar in children based on the materials of the MacArthur–Bates CDI and case study. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 91–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104>. (In Russian)
 9. Eliseeva M.B. Vocabulary explosion in early childhood as a catalyst for the acquisition of morphology. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika Kreativa*, 2015, no. 1, pp. 65–75. (In Russian)
 10. Dobrova G.R. *Variativnost' rechevogo razvitiya detei* [Variability in Children's Language Acquisition]. Moscow, YaSK, 2018. 262 p. (In Russian)
 11. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. The standards of grammatical category acquisition by young boys and girls (based on the MacArthur–Bates CDI). *Spetsial'noe Obrazovanie*, 2020, no. 1 (57), pp. 120–135. <https://doi.org/10.26170/sp20-01-09>. (In Russian)
 12. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Early two-word utterances: Gender aspects as reflected by the MacArthur–Bates CDI. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1050–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066>. (In Russian)
 13. Tseitlin S.N., Voeikova M.D. St. Petersburg school of developmental linguistics. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2019, no. 1 (39), pp. 182–205. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-182-205>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Елисеева М.Б., Тьосса К.А. Языковая система ребенка на этапе лексического взрыва: индивидуальное и типичное // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 154–165. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.154-165>. ⟩

⟨ **For citation:** Eliseeva M.B., Tossa K.A. The child's language system during the vocabulary explosion: Individual and common trends. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 154–165. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.154-165>. (In Russian) ⟩

ПОЛИКАНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'366

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.166-177

ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЛУХИХ/СЛАБОСЛЫШАЩИХ И СЛЫШАЩИХ ЛЮДЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т.Е. Ильичева, Э.Ф. Файзуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа коммуницирования глухих людей со слышащими при помощи приложений для распознавания речи. Основу исследования составили интервью с носителями русского жестового языка, использующими в процессе коммуникации отдельные приложения для распознавания звучащей речи, такие как Dragon NaturallySpeaking, VoiceNavigator, Roger Speech to Text, Ava Translator. Несмотря на невысокий уровень грамотности большинства респондентов, что объясняется особенностями образования глухих детей, они освоили гаджеты для более комфортного взаимодействия с носителями словесной речи. Потребность в приложениях по распознаванию речи объясняется, с одной стороны, нехваткой переводчиков русского жестового языка, с другой – разнообразием ситуаций, в которые попадают глухие в течение жизни. Однако отмечается, что многие из имеющихся приложений не находят применения у лиц с нарушением слуха: в большинстве случаев глухие люди обращаются к помощи переводчиков русского жестового языка. В результате исследования сделан вывод о необходимости усовершенствования приложений с учетом рекомендаций глухих людей.

Ключевые слова: русский жестовый язык, коммуникация, прямой перевод, RogerVoice, Ava

В эпоху полной компьютеризации и геймеризации появляются все новые технологии, облегчающие жизнь современному человеку. Сегодня телефон стал не просто средством обеспечения коммуникации, но и возможностью для «подключения к социальным сетям, просмотра фильмов, прослушивания музыки, чтения онлайн-новостей, газет и журналов...» [1, с. 56]. Интеграция компьютерных технологий в сферу услуг повысила доступность и удобство использования различных приложений для пользователей: компьютерные технологии активно внедряются в образовательные услуги (помогают в дистанционном обучении, в адаптации образовательных платформ, интерактивных учебных материалов), здравоохранение (зарождаются телемедицина, диагностика с помощью искусственного интеллекта и анализа больших данных для предоставления персонализированных медицинских рекомендаций), финансовые услуги (онлайн-бан-

кинг, электронные платежи, предотвращение мошенничества), транспортные услуги (мониторинг грузов и пассажиров, разработка маршрутов и оптимизация транспортных систем), розничную торговлю (персонализация предложений для покупателей, виртуальные примерки) и т. д.

Подобная интеграция компьютерных технологий и всевозможных услуг облегчила повседневную жизнь людям, в том числе имеющим ограниченные возможности здоровья, например нарушение слуха. Безусловно, оптимальным вариантом коммуникации глухих и слышащих является помощь переводчика. Однако обеспечивать профессиональный перевод каждый раз, когда в этом имеется необходимость, не представляется возможным, так как, например, в Республике Татарстан потребности полутора тысяч глухих обслуживают 35 переводчиков. В случае отсутствия переводчика глухие активно прибегают к технологиям, позволяющим использовать голосовые устройства для получения сообщений или специальные приложения по распознаванию речи на смартфонах/планшетах. Современные платформы предлагают разнообразные продукты для подобного взаимодействия, среди которых самым распространенным является текстовый мессенджер, представленный в WhatsApp, Skype, Telegram. На сегодня разработано несколько программ, позволяющих распознавать звучащую речь, например Dragon NaturallySpeaking, VoiceNavigator, Roger Speech to Text, Ava Translator. Программы осуществляют так называемый прямой перевод, то есть автоматически распознают речь и делают ее машинный перевод.

Распознавание речи через приложения на телефоне, с одной стороны, имеет ряд преимуществ. Во-первых, программные продукты, анализируя звучащую речь, способны идентифицировать специфические термины, учитывать темп речи, при этом обрабатывают речевые команды достаточно быстро, без пауз и задержек.

Во-вторых, некоторые приложения могут работать с несколькими языками, что делает их более доступными для различных пользователей, имеют простую навигацию – понятность инструкций и возможность настройки параметров распознавания, безусловно, облегчают их использование.

В-третьих, ряд приложений для распознавания речи работает в реальном времени, а следовательно, с их помощью, например, можно транскрибировать материалы лекций, собраний, экскурсий; они предоставляют возможность для отправки распознанных текстовых данных в текстовые редакторы или мессенджеры.

В то же время в целях защиты личной информации пользователей необходимо решить проблему обеспечения конфиденциальности и безопасности данных, связанную с использованием приложения для распознавания речи, а также вопросы адаптации приложения к конкретному пользователю или контексту использования для улучшения качества распознавания в долгосрочной перспективе.

Вопросы коммуникации глухих и слышащих людей при помощи современных компьютерных технологий находят отражение в отдельных исследованиях [1–4]. В рамках статьи предпринята попытка проанализировать возможность использования глухими приложений для обеспечения коммуникации со слышащими людьми на основе анкетирования глухих и слабослышащих, которые, несмотря на имеющиеся современные методики обучения их грамматике словесного языка [5, с. 92], не обладают высоким уровнем грамотности

(этой теме посвятили публикации Г.Л. Зайцева, А.А. Комарова, В.А. Паленный, Я. Пичугин, Л. Жадан, Р.М. Боскис и др. [6–13]). Однако есть среди них и те, кто участвует в научных конференциях, круглых столах, а это предполагает речевое взаимодействие. Самым правильным решением в подобных случаях является посредничество переводчика русского жестового языка (далее РЖЯ), но глухому найти его зачастую проблематично.

Авторы настоящей статьи провели анкетирование глухих людей на тему использования приложений для распознавания речи. В опросе приняли участие 20 человек с разной степенью потери слуха (глухие, слабослышащие, поздно-оглохшие) и различным уровнем образования (среднее общее, среднее профессиональное, высшее, наличие ученой степени/звания). Анкетированным были предложены следующие вопросы:

Знаете ли Вы о телефонных приложениях для глухих (распознавании речи)?

Где и как часто Вы их используете?

Какие трудности Вы испытываете в использовании приложений?

Понятен ли Вам перевод? Если нет, то назовите причину.

Все респонденты положительно ответили на вопрос о знакомстве с телефонными приложениями для глухих (распознаванием речи). И. и К. добавили, что у платформы Zoom тоже есть такая функция, но она часто «виснет» (опрошенные употребили жест //СМЯТЫЙ, ИСКОРЕЖЕННЫЙ//), поэтому данной функцией они не пользуются.

Отвечая на вопрос о частоте применения приложений для распознавания речи, респонденты пояснили, что пользуются ими на совещании (два человека) и родительских собраниях (восемь человек), конференциях (семь человек) и в музеях (один человек). Три человека приложения не используют.

Говоря о возможностях приложений, О. сообщил, что прибегает к их помощи на экскурсиях в музеях: «Я слабослышащий. Мне очень нравится прямая расшифровка. Все слова пишутся правильно! Не как в Ava. Я ставил ее, потом удалил. Там часто пишутся очень странные слова. Таких слов в русском языке нет». Е. (слабослышащая) пользуется программой RogerVoice: «Когда меня приглашают принять участие в конференции и у меня нет возможности взять с собой переводчика РЖЯ (если конференция в другом городе или мой переводчик занят), то я пользуюсь программой. Не скажу, что программа переводит очень хорошо или очень плохо. Но лично для меня сложности возникают при переводе химических терминов. Я кандидат химических наук, слабослышащая. Мне очень важно точно понимать, о какой химической реакции идет речь, какой химический состав используется и на каком оборудовании проводились опыты. К сожалению, программа пишет неточные названия химических элементов. Также очень сложно понять, с какой стороны и кто говорит, так как информация передается сплошным потоком». К.: «Я слабослышащая, на совещаниях и конференциях не бываю, хорошо слышу с аппаратами, поэтому про программы знаю, но не пользуюсь ими». И. (глухая): «По совету подруги я установила на телефон прямую расшифровку, но практически ей не пользуюсь. Текст идет без указания, кто говорит, с какой стороны этот человек находится. Мне, как глухой, это очень важно. А тут идет сплошной текст, неудобно. Я плохо воспринимаю написанный

текст / слова. Мне лучше с переводчиком». Э. (глухая): «Знаю, что есть программы, которые переводят речь в слова. Сын установил на мой телефон подобную, но я ей не пользуюсь. Предпочитаю говорить жестами. Видела у И., как это работает. Мне не нравится. Слов много и трудно понять, кто говорит. С переводчиком лучше». И. (слабослышащая): «Я пользуюсь прямой расшифровкой. Мне нравится. Мне все понятно. Но эта программа подходит грамотным глухим (был показан именно жест //ГРАМОТНЫЙ//), им все понятно. А если глухой читает плохо и не понимает, то ему будет очень трудно. И еще – если телефон находится близко к выступающему, то все замечательно, а если далеко, то начинают искажаться некоторые слова». А. (слабослышащий): «Программы знаю. Друзья рассказывали. Поставил на телефон, но не пользуюсь. Зачем? На конференции не хожу. А в телевизоре и в интернете есть передачи с субтитрами для глухих».

Студенты первого курса КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (шесть человек) ответили примерно одинаково: «Пробовали на лекциях использовать разные платформы. Но результат был отрицательным. Очень много неизвестных слов, сложно понять, где заканчивается или начинается предложение. Преподаватель часто делает паузы, а программа воспринимает это как окончание предложения. В результате теряется смысл».

Стоит отметить, что восприятие текста зависит, как правило, от условий, в которых произносится речь, удаленности лектора от слушателя, наличия индукционной петли и т. п. Студенты четвертого курса указанного вуза отметили, что программы распознавания речи показывают сплошной текст. Технические термины переводятся плохо (появляются «странные слова», которых нет в русском языке). В то же время такие платформы плохо воспринимают речь, когда телефон находится далеко от источника звука. С. (слабослышащий) отмечает: «Если нахожусь на конференции, где нет индукционной петли, то я не использую приложение. Микрофон искажает звук, многие из выступающих говорят очень тихо, не всегда в микрофон». Все студенты написали, что удобнее всего пользоваться услугами переводчика русского жестового языка, который работает в тесной связке с ними и преподавателями.

Непонимание глухими людьми распознанного текста обусловлено рядом причин, основные из которых рассмотрены ниже.

1. Различия в синтаксисе русского вербального языка и русского жестового языка. Так, по сравнению с русским словесным языком, где порядок слов, как правило, фиксирован и зависит от типа предложения (субъект, глагол, объект), порядок слов в РЖЯ часто определяется семантическим контекстом (субъект, объект, глагол). Например, предложение «Я читаю книгу» на жестовом языке строится в общепринятом для РЖЯ порядке – «Я книга читать»; см. другие соответствия: «Он едет на машине» – «Он машина ехать»; «Машина стоит на платной парковке» – «Машина парковка деньги ставить»; «Ты завтра пойдешь в кино?» – «Ты завтра кино идти?» (вопрос выражается поднятыми бровями и наклоном головы вперед); «Какое красивое платье!» – «//ДЕМ// (указательный жест «объективный демонстратив») платье красиво!» (используется указание на платье, немануальный компонент выражает восхищение, обе руки разводятся немного в стороны, улыбка на лице); «Сходи в магазин!» – «//ДЕМ// (указывается на того,

к кому обращаются) магазин!» (жесты резкие, поднятые брови, немануальный компонент «ПБ»).

В словесном языке для соединения простых предложений в составе сложного и выражения сложных логических связей используются союзы (например, *и, но, чтобы*), в то время как в РЖЯ логические связи могут выражаться через изменение направления жестов, паузы и смену выражений лица, а также через использование указательных жестов и расположение жестов в пространстве. Например, предложение «Я пошел в магазин, потому что мне нужно купить молоко» на РЖЯ строится следующим образом: «Я магазин идти молоко купить нужно» (жест «потому что» может быть пропущен или выражен через паузу и смену выражения лица). Предложение «Я дам тебе деньги в долг, и ты мне вернешь» передается на РЖЯ как «Деньги долг дать. Тебе. Пауза. Вернешь долг. Обязательно» (жест //ДОЛГ// меняет направление от себя и к себе); «Она обрадовалась, а потом обиделась» – «//ДЕМ// девочка радость. Пауза. Позже обида» (указывающий жест //ДЕМ//, глаза широко открыты, жесты легкие, немануальный компонент «А»; после паузы меняется немануальный компонент «ПБ», корпус немного разворачивается в другую сторону, словно закрывается от обидчика).

2. Особенности восприятия текста (аудиовербальное для словесного языка и визуально-мануальное для жестового), что, безусловно, влияет на структурные и грамматические особенности каждого из языков. Жесты могут указывать на объекты или перемещения в пространстве, что эквивалентно предлогам в словесном языке: если в словесном языке – «Нужно поставить книги на полку, а тетрадь убрать в ящик», то в РЖЯ – «Книги (движение имитирует устанавливание книг на полку). Тетрадь (указательный жест + небольшой разворот корпуса в сторону тетради) ящик (имитируется движение выдвижения ящика) туда (указательный жест)»; «Убери деньги в кошелек и положи в сумку» – «//ДЕМ// указывается на того, к кому обращаются. Деньги кошелек спрятать (демонстрируется жест, изображающий складывание денег в кошелек, пауза, небольшой разворот и наклон корпуса вниз). Сумка опустить».

3. Отсутствие в РЖЯ флексивных элементов. Если в русском вербальном языке слова могут изменяться по падежам, числам, родам, то в РЖЯ подобные изменения часто выражаются через контекст или дополнительные жесты, но сами по себе жесты не предполагают морфологических изменений: «Я читаю книгу» – «Книга читать сейчас» (добавляется жест-склейка //ЧИТАТЬ//); «Ты читаешь книгу?» – «//ДЕМ// книга читать сейчас?» (появляется дополнительный указывающий жест и жест-склейка //СЕЙЧАС//); «Этот ноутбук брата» – «//ДЕМ// ноутбук брат его» (указательный жест на ноутбук, появляется уточняющий жест принадлежности //ЧЕЙ//, рука движется в сторону); «У меня много братьев» – «У меня брат много» (немануальный компонент «У» повторяется несколько раз, множественное число выражается жестом //МНОГО//).

Время действия может передаваться отдельными жестами или контекстуально: «Мама в магазине покупает хлеб» – «Мама //ДЕМ// магазин //ДЕМ// хлеб купить сейчас» (для настоящего времени используется уточняющий жест //СЕЙЧАС//, немануальный компонент «Ш-Ш-Ш-Ш»); «Мама в магазине хлеб купила» – «Мама //ДЕМ// магазин //ДЕМ// хлеб купить было/всё» (для прошед-

шего времени используется жест уточнение //БЫЛО// или //ВСЁ// в смысловой нагрузке «действие завершено», немануальный компонент «БЫ-БЫ-БЫ» или «МП-МП-МП»); «Мама в магазине купит хлеб» – «Мама //ДЕМ// магазин //ДЕМ// хлеб купить будет» (появляется уточняющий жест //БУДЕТ//, немануальный компонент «У-У-У-У»).

4. Использование немануальных компонентов. В жестовом языке мимика, движения головы и тела могут выполнять роль интонации, а также передавать модальность, временные характеристики и даже синтаксические структуры словесного языка: «Привееееет!» – «Привет!» (немануальный компонент «И», жест мелко и быстро покачивается из стороны в сторону); «Я очень злюсь!» – «Зло очень!» (немануальный компонент «У», жесты резкие, брови нахмурены, глаза прищурены; иногда корпус наклоняется немного вперед); «Предъявите Ваши документы!» – «Документ дай!» (жесты резкие, брови немного подняты, немануальный компонент «Т»); «Пойдем гулять!» – «Гулять хочешь?» (здесь восклицание заменяется вопросом; чаще всего используется глухими родителями при обращении к глухому ребенку); «Включи свет!» – «Свет включи!» (резкий жест, поднятые брови, чуть прищуренные глаза, немануальный компонент выражает небольшую раздражительность); «Дай мне сумку!» – «Сумка дать. Мне!» (резкие жесты, поднятые брови, чуть прищуренные глаза, немануальный компонент «У», жест //ДАТЬ// направлен к себе); «Давай быстрее!» – «Быстро, быстро, быстро!» (жест //БЫСТРО// повторяется несколько раз, движения резкие и быстрые, глаза прищурены, немануальный компонент «П-П-П-П-П»); «Она с мамой себя очень плохо ведет» – «//ДЕМ// девочка разговаривать мама //ДЕМ//. Плохо. Пауза. Я не нравится!» (в данном предложении происходит замена словосочетания «себя очень плохо ведет» на жест //РАЗГОВАРИВАТЬ// (глухой наблюдал разговор девочки с мамой), появляются пауза и оценка происходящего).

На понимание распознанного (письменного) текста влияет и лексический запас глухих людей, особенно тех, кто использует жестовый язык как основной способ коммуникации, что связано с разными путями формирования языковой компетенции и различиями в использовании языковых ресурсов. Глухие люди, которые с раннего возраста имели доступ к жестовому языку или билингвальной среде (жестовый и русский языки), владеют большим лексическим запасом. Те же, кто вырос в среде без полноценного языкового общения, как правило, испытывают трудности с его накоплением. По мнению Е.Г. Речицкой, людям с нарушением слуха необходимо помочь «не только в овладении фактическим содержанием, но и контекстным значением слов, пониманием мысли, лежащей за этими значениями» [14, с. 57]. Глухие люди, активно использующие жестовый язык и так или иначе владеющие русским словесным языком, обычно понимают и используют базовую лексику (относящуюся к тематическим группам «еда», «одежда», «семья», «действия»). В зависимости от уровня образования, области интересов они могут знать и специализированную лексику (научные термины, профессиональный жаргон и т. д.). Например, терминология, связанная с медициной, может быть менее знакома глухим людям, если она не часто используется в их окружении. В подобных случаях значение слов может быть передано через иконические жесты, что невозможно сделать при помощи описываемых программ и приложений.

Примеры текстов, произнесенных лекторами во время занятий, и вариантов, распознанных программой, приведем в табл. 1.

Табл. 1

Примеры исходных и распознанных текстов

	Исходный текст	Распознанный текст
Чтение лекции по написанному тексту	Элементы x_n называются членами последовательности. Последовательность в множестве R называется числовой. Числовые последовательности часто задаются формулами общего члена или рекуррентными формулами.	Элементы X в степени называются исчезающими последовательностями. Последовательность множества называется числовой. Числовые. Последовательность сейчас создаются формулы общего члена или конкурентными формулами
Чтение лекции без опоры на готовый текст	Сейчас я назову несколько книг, с которых вы можете начать изучение античной философии. Два итальянских автора Реале и Антисери. «История западной философии». Нам нужен первый том. Реале – один из лучших знатоков античной философии XX века, умер два года назад, к сожалению. Написал много книг о Платоне и Аристотеле. Очень ясное, доступное и прозрачное изложение всей античной философии в небольшом томе.	Сейчас я назову несколько книг, которых вы можете начать изучение античной философии. 2 итальянских автора реале антисери. История западной философии. Нам нужен 1 тонн. Реале – один из лучших знатоков античной философии 20 века, умер два года назад. К сожалению много книга платоне Аристотеля. Очень ясно, доступно и прозрачный предложения всей античной философии в небольшом доме.
Работа лектора у доски	Объединение. Множество A и множество B , а это объединение. Пересечение – это множество A , это множество B , а это общая часть, то есть A , пересеченное с B . Разность. Это – A , это – B , а это разность, то есть A без B .	Объединение. Множество A и множество B , а это объединение. Пересечение. Это множество A , это множество B , а это общее счастье, то есть A пересеченная B . И разность. Это A . Это B , а это разность, то есть A без B .
Запись условия задачи	Докажем последовательность вложенных шаров. Давайте нарисуем, какие шары будут в полном метрическом пространстве M и имеют общую точку, на самом деле нет, не обязательно, если радиус шаров стремится к нулю.	Докажем последовательность вложенных шаров. Давайте. Нарисуем. Какие шары будут в полнометрическом пространстве M , имеет общую точку. На самом деле нет. Не обязательно, если радиуса шаров стремятся к нулю.

Выступление участников круглого стола	Е.М.: «Данный товар произведен в стране присутствия, что позволяет оптимизировать выбросы CO ₂ при доставке. Покупая этот товар, вы вносите свой вклад в сокращение углеродного следа и поддерживаете развитие локальных фабрик. Так, у кого еще...». А.Г. «Екатерина Александровна, позвольте ...» Е.М. «Можно даме в розовом уступлю, а потом вам, очень долго ручку тянет»	Данный товар произведен в стране присутствия, что позволяет оптимизировать выбросы CO ₂ при доставке покупай этот товар вы вносите свой вклад в сокращение углеродного среды и поддерживаете развитие локальных фабрик. Так у кого еще. Екатерина Александровна позвольте можно даме в розовом уступлю, а потом вам, очень долго ручку тебя нет»
---------------------------------------	--	---

Как видно из примеров, программе не всегда удастся распознать начало и конец предложения, что кардинально меняет смысл высказывания (например, «умер два года назад, к сожалению» – «*к сожалению, много книга платоне Аристотеля*», «Екатерина Александровна, позвольте...» – «*Екатерина Александровна, позвольте можно даме в розовом уступлю*») или приводит к потере смысла: «Числовые последовательности часто задаются формулами общего члена» – «*Числовые. Последовательность сейчас создаются формулы общего члена*». Не распознает программа многие слова и выражения. Зачастую происходит замена фонетически близкими словами; так, например, «полное метрическое» заменяется на «*полнометрическое*», «часть» – на «*счастье*», «том» – на «*тонн*», «о Платоне и Аристотеле» – на «*платоне Аристотеля*», «изложение» – на «*предложения*», «рекуррентными» – на «*конкурентными*», «тянет» – на «*тебя нет*». Полагаем, что в отдельных случаях подобные ошибки связаны с употреблением узко профессиональных обозначений, которые отсутствуют в активном словарном запасе большинства говорящих, вследствие чего, по-видимому, не воспринимаются программой.

Таким образом, активно используемым приложением для общения глухих и слышащих сегодня является прямая расшифровка речи, которая, к сожалению, имеет отдельные недостатки: она подходит только грамотным глухим, не учитывает особенностей восприятия речи глухими людьми; в ней отсутствуют указания на то, кто говорит и с какой стороны находится говорящий; слова «накладываются» друг на друга, и глухой практически ничего не может понять.

Полагаем, что вышеперечисленные недостатки приложений возникают вследствие того, что они разрабатываются людьми слышащими, у которых зачастую нет представления о восприятии словесной речи глухими людьми. Многие слышащие считают, что глухие свободно читают по губам, владеют письменной речью, имеют довольно большой словарный запас, что, к сожалению, не соответствует истине. Для эффективного взаимодействия глухих и слышащих «требуется понимать специфику того или иного языкового социума, учитывать особенности общего контекста и частного коммуникативного акта, знать механизмы порождения и восприятия речи, владеть различными приемами и инструментами» [15, с. 351].

Общение между глухими и слышащими людьми через приложения для распознавания речи может быть более эффективным, если разработчики учтут специфические потребности и предпочтения глухих людей и смогут сделать следующее:

1) улучшить алгоритмы распознавания речи путем обучения их на данных, содержащих более разнообразные голоса и акценты; это поможет повысить точность распознавания и сделать приложение более понятным для глухих пользователей;

2) адаптировать приложения к индивидуальным потребностям глухих людей, например внедрить в программу настройки, позволяющие глухим пользователям приспособить параметры распознавания к своим индивидуальным потребностям;

3) для более точного понимания распознанного текста использовать контекст, при этом учитывать предыдущие сообщения, что будет способствовать более точному восприятию глухими малознакомых фраз и выражений;

4) дополнить приложения иными средствами коммуникации, например использовать изображения либо цвет для обозначения разных участников общения с целью улучшить понимание текстового фрагмента, в котором зафиксирована речь нескольких участников;

5) сотрудничать с сообществом глухих, на основе обратной связи внедрять их предложения по улучшению программ, создавать более адаптированные и доступные продукты;

6) проводить для глухих пользователей обучающие курсы и мероприятия, которые помогут им освоить и эффективно использовать приложения для распознавания речи.

Участники опроса выразили надежду, что разработчики прислушаются к мнениям глухих людей, учтут ошибки и создадут нужный вариант приложения для распознавания речи. Мечта, озвученная респондентами, – программа, которая могла бы переводить словесную речь на жестовый язык.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Шамсутдинова Ю.Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 5. С. 54–76. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2020.5476>.
2. Гриф М.Г. Разработка систем компьютерного сурдоперевода для глухих // Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья: сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 29 сент. – 3 окт. 2015 г. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 62–65.
3. Гриф М.Г., Мануева Ю.С. Система машинного сурдоперевода русского языка на основе сопоставления синтаксических и семантических конструкций // Актуальные проблемы электронного приборостроения (АПЭП–2016): тр. 13 междунар. науч.-техн. конф., Новосибирск, 3–6 окт. 2016 г.: в 12 т. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. Т. 9. С. 108–112.

4. Швейковская Г.Д. Использование информационно-компьютерных технологий в процессе развития познавательной деятельности детей с нарушениями слуха // Инновационные педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 124–127.
5. Методика преподавания русского языка в школе глухих / Л.М. Быкова, Е.А. Горбунова, Т.Е. Зыкова [и др.]; под редакцией Л.М. Быковой. М.: Владос, 2002. 396 с.
6. Зайцева Г.Л. Новый подход к обучению русскому языку глухих школьников // Жест и слово. Научные и методические статьи. М.: ВТИИ, 2006. С. 598–607.
7. Зайцева Г.Л. Понимание и воспроизведение глухими учащимися вечерних школ содержания текста, переданного жестовой речью // Жест и слово. Научные и методические статьи. М., 2006. С. 123–137.
8. Комарова А.А. Зачем изучать лингвистику РЖЯ // За жестовый язык-2 / Сост. А.А. Комарова, В.А. Паленный. М., 2023. С. 92–96.
9. Комарова А.А. Немного о русском языке и РЖЯ // За жестовый язык-2 / Сост. А.А. Комарова, В.А. Паленный. М., 2023. С. 103–107.
10. Паленный В.А. МГЛУ о жестовой поэзии // За жестовый язык-2 / Сост. А.А. Комарова, В.А. Паленный. М., 2023. С. 140–142.
11. Пичугин Я. Приоритеты жестового языка в школе // В едином строю. 2014. № 3. С. 24–25.
12. Жадан Л. О преподавании РЖЯ в РГГУ // За жестовый язык-2 / Сост. А.А. Комарова, В.А. Паленный. М., 2023. С. 192–197.
13. Боскис Р.М. Глухие и слабослышащие дети. М.: Совет. спорт, 2004 (ППП Тип. Наука), 2004. 303 с.
14. Речицкая Е.Г. Формирование универсальных учебных действий у младших школьников с нарушением слуха. М.: МПГУ, 2017. 232 с.
15. Озтюрк Л.И., Файзуллина Э.Ф. Повышение речевой культуры носителей русского языка как ответ на вызовы современности // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 4. С. 346–356. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-346-356>.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Принята к публикации 25.07.2024

Татьяна Евгеньевна Ильичева, переводчик русского жестового языка, эксперт ЦОК по русскому жестовому языку, старший преподаватель кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: itae@rambler.ru

Эльмира Фоатовна Файзуллина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: efkf@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.166-177

Enhancing the Interaction between Deaf/Hard of Hearing and Hearing People through the Use of Modern Technologies

T.E. Ilyicheva*, E.F. Fayzullina**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *itae@rambler.ru, **efkf@mail.ru

Received May 20, 2024; Accepted July 25, 2024

Abstract

The rapid advance of computer technologies has unlocked numerous benefits and opportunities that make life easier. This article examines the use of speech recognition applications facilitating the communication between deaf and hearing people. The analysis is based on the interviews with Russian sign language users who rely on various applications, such as Dragon NaturallySpeaking, VoiceNavigator, Roger Speech to Text, and Ava Translator, during the communication process. Although the majority of respondents had low literacy levels due to the challenges often faced by deaf children while studying, they have successfully mastered high-tech gadgets, allowing them to engage more fully in the interaction with oral language speakers. The demand for speech recognition applications stems from the lack of Russian sign language interpreters and the wide range of problematic situations that deaf people encounter in their daily lives. However, the study highlights that many of the existing assistive applications are still not deaf-friendly, thus making deaf people continue to depend on support from sign language interpreters. The results obtained underscore the need to address the limitations of these applications by incorporating feedback from deaf users.

Keywords: Russian sign language, communication, direct interpretation, RogerVoice, Ava

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Shamsutdinova Yu.F. Communication involving hearing and deaf/hard of hearing people: The potential of social media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2020, no. 5, pp. 54–76. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2020.5476>. (In Russian)
2. Grif M.G. Development of machine sign language interpretation tools for deaf people. *Spetsial'nye obrazovatel'nye usloviya i kachestvo professional'noi podgotovki lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: sb. tr. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, Novosibirsk, 29 sent. – 3 okt. 2015 g.* [Special Educational Conditions and Quality of Professional Training of People with Disabilities: Proc. Sci.-Pract. Conf. with Int. Participation, Novosibirsk, Sept. 29–Oct. 3, 2015]. Novosibirsk, Izd. NGTU, 2015, pp. 62–65. (In Russian)
3. Grif M.G., Manueva Yu.S. A system of machine sign language interpretation for Russian based on the comparison of syntactic and semantic constructions. In: *Aktual'nye problemy elektronnoy priborostroeniya (APEP–2016): tr. 13 mezhdunar. nauch.-tekhn. konf., Novosibirsk, 3–6 okt. 2016 g.* [Current Problems of Electronic Engineering (CPEE-2016): Proc. 13th Int. Sci.-Tech. Conf., Novosibirsk, Oct. 3–6, 2016]. Vol. 9. Novosibirsk, Izd. NGTU, 2016, pp. 108–112. (In Russian)
4. Shveikovskaya G.D. Using information and computer technologies in the development of cognitive activity of children who are hard of hearing. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: materialy*

- III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktyabr' 2015 g.)* [Innovative Pedagogical Technologies: Proc. III Int. Sci. Conf. (Kazan, October 2015)]. Kazan, Buk, 2015, pp. 124–127. (In Russian)
5. Bykova L.M., Gorbunova E.A., Zyкова Т.Е., et al. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v shkole glukhikh* [Methods of Teaching the Russian Language in Schools for the Deaf]. Bykova L.M. (Ed.). Moscow, Vldos, 2002. 396 p. (In Russian)
 6. Zaitseva G.L. New approach to teaching the Russian language to deaf schoolchildren. In: *Zhest i slovo. Nauchnye i metodicheskie stat'i* [Sign and Word. Research and Methodological Articles]. Moscow, VTII, 2006, pp. 598–607. (In Russian)
 7. Zaitseva G.L. Understanding and reproducing text content delivered in sign language by deaf students of evening schools. In: *Zhest i slovo. Nauchnye i metodicheskie stat'i* [Sign and Word. Research and Methodological Articles]. Moscow, 2006, pp. 123–137. (In Russian)
 8. Komarova A.A. Why study the linguistics of the Russian sign language? In: *Za zhestovyi yazyk-2* [For Sign Language-2]. Moscow, 2023, pp. 92–96. (In Russian)
 9. Komarova A.A. A bit about the Russian language and the Russian sign language. In: *Za zhestovyi yazyk-2* [For Sign Language-2]. Moscow, 2023, pp. 103–107. (In Russian)
 10. Palennyi V.A. Moscow State Linguistic University about sign poetry. In: *Za zhestovyi yazyk-2* [For Sign Language-2]. Moscow, 2023. pp. 140–142. (In Russian)
 11. Pichugin Ya. Priorities of sign language in school. *V Edinom Stroyu*, 2014, no. 3, pp. 24–25. (In Russian)
 12. Zhadan L. On teaching the Russian sign language at Russian State University for the Humanities. In: *Za zhestovyi yazyk-2* [For Sign Language-2]. Moscow, 2023, pp. 192–197. (In Russian)
 13. Boskis R.M. *Glukhie i slaboslyshashchie deti* [Deaf and Hard of Hearing Children]. Moscow, Sov. Sport, PPP Tip. Nauka, 2004. 303 p. (In Russian)
 14. Rechitskaya E.G. Formirovanie universal'nykh uchebnykh deistvii u mladshikh shkol'nikov s narusheniem slukha [Developing Universal Learning Skills in Primary Schoolchildren Who Are Hard of Hearing]. Moscow, MGPU, 2017. 232 p. (In Russian)
 15. Oztyurk L.I., Fayzullina E.F. Native Russian speakers' speech culture development as a response to modern challenges. *Sovremennye Issledovaniya Sotsal'nykh Problem*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 346–356. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-346-356>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Ильичева Т.Е., Файзуллина Э.Ф. Возможности взаимодействия глухих/слабослышащих и слышащих людей с использованием современных технологий // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 166–177. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.166-177>. ⟩

⟨ **For citation:** Ilyicheva T.E., Fayzullina E.F. Enhancing the interaction between deaf/hard of hearing and hearing people through the use of modern technologies. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 166–177. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.166-177>. (In Russian) ⟩

